

11 (713) ноябрь, 2016

УРАЛЬСКИЙ следопыт

www.uralstalker.com

ISSN 0134-241X

Чусовая на рубеже. Предзимье

СЫЛВИНСКИЕ ОСТЯКИ

БЛИЖНИЕ МАРШРУТЫ

ГЕРОИ ТРЕХ ВОЙН

Ноябрь 2016

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.
Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго.
Литературный консультант – В.Э. Абоян, А.А. Бочаров.
Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.
Корректор – Л.В. Ким.
Интернет – Е. Марков.
Архив – О.Ю. Тирикиди.
На обложке – Чусовая на рубеже. Предзимье. Фото Е. Тамплон.
Редакция, издатель – АНО «Уральский следопыт».
Редакционный совет – Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.
Наблюдательный совет –
 • Сергей Захаров, Председатель Челябинского ро РГО
 • Алексей Прокашев, Председатель Кировского ро РГО
 • Иван Рысин, Председатель Удмуртского ро РГО
 • Игорь Кузнецов, Председатель Ученого Совета ро РГО в ЯНАО
 • Сергей Ларин, Председатель Тюменского ро РГО
 • Николай Назаров, Председатель Пермского ро РГО
 • Александр Чибилев, Председатель Оренбургского ро РГО
 • Дмитрий Шиллер, Председатель отделения РГО в республике Татарстан
 • Борис Тканев, Председатель отделения РГО в ХМАО
 • Виктор Христовский, Председатель Курганского ро РГО
 • Михаил Горюнов, Председатель Свердловского ро РГО
 • Виталий Лажнев, Председатель Коми республиканского отделения РГО
 • Камилл Зиганшин, Председатель отделения РГО в республике Башкортостан
 • Виктор Байдуков, Свердловское отделение РГО
Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке: Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям РФ
 © ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2016 г.
Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
Почтовый адрес редакции, издателя: 620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
Телефон: +7 (343) 269-22-34
E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №11 (713), 2016 г.
 Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.
 Учредитель – ООО «Уральский следопыт».
 Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, выдано 18.08.2009 г.
 ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы, помеченные знаком **RS**, публикуются на правах рекламы.
Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:
 – Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
 – Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
 – Агентство МАП, индекс 31958
 – Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
 – Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

«Уральский следопыт.uralstalker.com» №11.
 Отпечатано в типографии ООО «ПК АСТЕР-ЕК», 624071, Свердловская область, г. Среднеуральск, ул. Калинина, д.2, оф. 28. Печать офсетная. Тираж 11000. Подписан к печати 29.10.2016 г. Заказ №

Встречный ветер

Быть МОЛОДЫМ — ЗДОРОВО!

Ю.АРТАМОНОВ
Мы помним
Маршала
Победы.....6

Туристу на заметку
А.АВТАЕВ-УРАЛЬСКИЙ
Северные
Шабровские
каменные
палатки.....39

Туристу на заметку
Е.ТАМПЛОН
Камень
Писанец 42

Страна топонимия
В.КАРЕЛИН
Вершины
Лозьвинского
Крючка.....44

Река времени

Наши проекты

Ю.ГОРБУНОВ
История России.
Река Чусовая.....3

Далекое близкое
О.МАКАРОВА,
О.ВЕРШИННА
Моряки от древа
Турчаниновых 10

День Победы
Л.БУРАКОВ
В танковой
разведке. 16

Портреты
А.МОЛЧАНОВ
Король Чечвий 22

Версия

В.ПРИВАЛОВ
Сылавинские
остяки —
не ханты 26

Тропой поиска
А.РАШКОВСКИЙ
Неудавшееся
«покушение»
на Герцена 28

Павленковский
ресурс
С.САМОЙЛОВА
Красный
Тургояк 30

Тропой поиска
Е.БИРЮКОВ
Разумный
кинематограф 34

Тропой поиска
Е.ШЕЯНОВА
Баяновы
из свободы
Заречной.....36

Журнал
в журнале

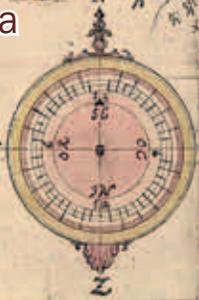
История России. Река Чусовая (Фотоэкспедиция)

Проект Виталия Воловича
Координатор проекта
Юний Горбунов
При поддержке Уральской
ассоциации туризма

Уральская
Ассоциация
Туризма

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

▼ Д. Нижняя Ослянка

▼ Д. Верхняя Ослянка.
Фото Евгения Савенко

◀ Д. Заречная (Бабенки)

Юний Горбунов

Литератор, историк издательского
дела в России. Редактор раздела исто-
рии и краеведения.

◀ Село Кын.
Фото Евгения
Савенко

◀ Виталий Волович. Спящая и монстры. 1999 год

Серьги для Чусовой

Где-то за деревней Деменевой, ныне только в небытии и живущей, выпал женщине-реке сон. Да такой, что лучше бы и не спала. Привиделось, будто бы какой-то неведомой силой оказалась она в краях ей чуждых, пустых и унылых. В совсем безжизненной пустыне. И обреталась при этом река в чем на свет родилась: без привычных скально-лесных берегов, многоцветных одежд и нарядов, драгоценных украшений — всего того природнорукотворного, чем безоглядно и всепутьно баловали ее Лесогор с Огнеделом. Теперь же серое лоскутное платице едва прикрывало ее. Роскошные прежде волосы, отливавшие всеми красками берегов, висели такими же, как округа, серыми струями. Ни дать ни взять дурнушка-бесприданница в глино-песчаном обрамлении.

В испуге оглядев себя, Чусовая остановила взгляд только на серьгах-серьжках. Они одни остались прежними, нездешними. Тонкие серебряные кольца держали бриллианты искусной огранки, и каждое движение являло в тех алмазах прежнее многоцветье ее течения — только в этих каплях серег жил былой ее мир в ладонях двух обожателей. А их самих не виделось в ее пустыне.

Река оцепенела, и время замерло.

Избавившись от сна, Чусовая словно бы другими глазами увидела то, что творилось на ее берегах. Будто прежде это были бутафорские нагромождения и комедианты среди них. Только она, река, да ее хранители были настоящи-

ми. И вдруг глаза ее открылись, лица-деи очеловечились и населили ее берега своими неподдельными радостями и бедами. У каждого хуторка и селения увиделся ей свой исток, свое течение жизни.

Вот Деменева, Новикова, Фролова, Зябловка... Наверно, бывшие ямщицкие стоянки-ямы на санном пути по зимней Чусовой. Имена им оставили первопроходцы либо зябкий неуют. Вот пристанские Верхняя и Нижняя Ослянки, куда из разных мест зимником шли товары и железо, а из Илима — порожние барки, чтобы с Ослянских пристаней гружеными тронуться в остатный путь. Вот башкирские прежде селения Верхние и Нижние Мысы. Вогульские Бабенки и Копчик (Луговая). Деревня Ялунина, славившаяся силачами...

▼ Дмитрий Пермяков. Солнечный день. Поселок Кын

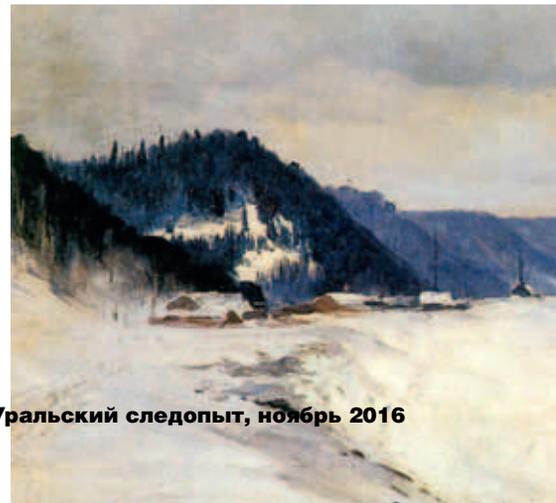

И по всем-то ее берегам рассыпаны селения с красивыми, влекущими к себе названиями-эпитетами: Журавлик, Усть-Серебряная (Леснята), Веселый Луг (Кисели) и Долгий Луг, Зимняк, хутор Стерляжий... Теперь-то женщина-река уже не верила этим красотям, они — только фасад, украшенный мшистыми скально-лесными декорациями Лесогора. А за фасадом произвольные выселки, пристанища беглых раскольников, а позднее — бесчисленных жертв сплошной коллективизации. Огнеделовы, словом, жестокие проказы. Это не ее, Чусовой, сиюминутный сон, а каждодневное бытование тысяч и тысяч живых людей, оторванных от родной стихии, намоленной земли, могил отцов и дедов. У каждого из них — имя, биография, судьба... И оставались ли у них хотя бы серьги-серьжки с сердоликом (лицом сердца) невозвратного прошлого?..

Большинства из тех селений нет уже на ее берегах. Только она, вечная женщина-река, знает места их обитания. И безмянным черноземом канули в Лету их обитатели.

А между тем Лесогор и Огнедел, утихомирившись после враждебной друг к другу неприязни, нерешительно выходили на тропу соучастия и состязательного обожания Чусовой.

Первым объектом их совместного творения были строгановские плотины, чугуноплавильные и железодельные заводы на холодной речке Кын (Кынок). Огнедел здесь вовсе расстарался. Возник в распадках крупный металлургический комплекс со всеми переделами, включая даже строительство барок. Но и Лесогор тоже руку приложил. Быстрый Кынок, петляющий по ущелью, селение заводчан и рудокопов, вольготно рассыпанное по горным долинам, являли живописный и диковатый уральский пейзаж. Сочетание природного и рукотворного в нем при-

Уральский следопыт, ноябрь 2016

► Виталий Волович. Ненастье.
2001 год

тягивало сюда путешественников, живописцев, мастеровых людей и праздных туристов-любопытцев.

Помудревшей Чусовой, наблюдавшей творческий пыл своих любовников, впору было иронично позаимствовать слышанные от людей песенные слова: «Справа кудри токаря, слева — кузнеца».

Но не время ей было на них улыбаться. Каждый, видела, нет-нет да и тянул одеяло на себя. Не за руки держались ее обожатели, а поперешничали. Только было разохотился Огнедел и заработали в полную силу строгановские заводы в Кыну, как тут же Лесогор втихаря ножку им подставил. Весной 1862-го бурно таяли снега, а ранние дожди усугубили обстановку. В пересеченной распадками и ущельем местности лесогорова водная стихия — страшная беда. Прорванные плотины, разрушенные заводские строения, старики и дети, оставленные без крова, отцы и мужья без работы, невесты, матери и жены — в плаче и немоте от неожиданной напасти. Чусовой не хватало восклиданий, которыми в сердцах хлестала она Лесогора, только что радовавшегося своей невинной проказе. «Ну, малость переборщил, ну, прости, любимая...».

Огнедел тоже в долгу не остался. По хотению российского предпринимателя и политика А.И. Коновалова в богатом лесами чувсовском краю было замыслено большое деревообрабатывающее предприятие с 4-рамной лесопилкой, печами непрерывного действия, механизацией лесозаготовок, сплава, разделки товарного леса. Между правобережными притоками Чувашкой и Сылвицей в 1915-м по берегу Чусовой принялись ставить заводские строения. Трещицы, Лесогор, от новой угрозы чувсовскому лесному раздолью! А женщина-река оказалась между двух огней: и людям хотела сделать добро, и лесогорова утрата не радовала. Че-

рез год, однако, стройку как скоропостижно начали, так миготом и остановили. Остались между Чувашкой и Сылвицей заросшие фундаменты, опоры несостоявшегося моста и остатки деревушки Коноваловки — очередного спецпоселения, ныне тоже густо затянутые билью-небилью.

Словом сказать, не играла теперь река, не лицедействовала, как прежде, а жила теми же заботами, что и ее ящички, хуторяне, беглые и сосланные, а то и самостийно искавшие на Камне лучшей доли. Всех старалась понять и всем посочувствовать. И помогала,

чем могла. Река и сама стала на них, людей, походить — нравом и разумением. Не частью стала лесогоровых красот и не сообщницей по временам затей Огнедела. Это она, их любимица и наложница, могла, как умела, помыкать своими ухажерами, а бессильные меж двумя стихиями насельники ее берегов? Они такой льготы не имели.

Человека, женщины стало в ней больше, чем реки. Не наряды актерские она теперь меняла, как было, а рабочие, домашние, невестины, материнские, вдовьи и прочие одежды, а вместе с ними их земные радости и тревоги. **УС**

▼ Алексей Денисов-Уральский.
Река Чусовая зимой. 1901 год

Природный парк «Река Чусовая»

Лучшее место для активного отдыха всей семьей.
Оборудование для сплавов.
Маршруты выходного дня.

Администрация парка: г. Нижний Тагил, ул. К. Маркса, 99.

Электронная почта: park-nt@yandex.ru

Телефон: (3435) 41-67-96, 42-32-72

www.chusovaya.org

Юрий Артамонов

Полковник запаса, начальник отдела информационно-аналитической и методической работы государственного автономного учреждения Свердловской области «Региональный центр патриотического воспитания».

**СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ**

МЫ ПОМНИМ Маршала Победы

В 2016 году в Свердловской области, как и во многих других регионах России, проводится целый комплекс мероприятий, посвященных легендарному Маршалу Советского Союза, четырежды Герою Советского Союза Георгию Константиновичу Жукову. 1 декабря исполняется 120 лет со дня его рождения.

Имя Георгия Константиновича Жукова тесно связано с Уралом. Еще в 1919 году красноармеец Г.К. Жуков участвовал в боевых действиях на Южном Урале в составе 1-й Московской кавалерийской дивизии. Здесь с 1948-го по 1953 год он командовал войсками Уральского военного округа, соединения и части которого дислоцировались на территории Свердловской, Пермской, Челябинской, Курганской и Кировской областей.

Командуя войсками округа, помимо боевой подготовки, Георгий Кон-

стантинович большое внимание уделял работе оборонных предприятий региона. Он неоднократно бывал на Уральском вагоностроительном заводе в Нижнем Тагиле, на Свердловском машиностроительном заводе имени М.И. Калинина и, конечно же, на знаменитом Уралмаше.

В 1950 году Георгий Константинович Жуков стал депутатом Верховного Совета СССР 3-го созыва от Ирбитского избирательного округа Свердловской области, а кандидатом его выдвинули коллективы Ирбитского мотоциклет-

Встречный ветер

Уральский следопыт, ноябрь 2016

ного завода, Ирбитского автоприцепного завода, треста «Егоршинуголь» и колхоза имени Чапаева Туринского района. Вместе с ним депутатами были избраны известный хлебороб-селекционер Терентий Семенович Мальцев и знаменитый уральский писатель Павел Петрович Бажов, с которыми у Георгия Константиновича сложились самые теплые отношения.

Его депутатская деятельность запомнилась многим уральцам. Он с одинаковой энергией и настойчивостью решал проблемы промышленных и сельскохозяйственных предприятий региона, высших учебных заведений, школ и детских домов, простых рабочих и колхозников. Не случайно, даже после того как Г.К. Жуков в 1953 году уехал из Свердловска в Москву, став первым заместителем Министра обороны СССР, в 1954 году он вновь был выдвинут в Верховный Совет СССР уральцами, только на этот раз по Нижнетагильскому избирательному округу.

Об уральском периоде жизни Георгия Константиновича напоминают памятники в Екатеринбурге и Ирбите, многочисленные мемориальные доски, установленные в городах и селах Свердловской области.

120-летие Г.К. Жукова широко отмечается в Свердловской области. Решением Правительства был создан организационный комитет, который воз-

главил Заместитель Председателя Правительства Свердловской области В.И. Романов, составлен план подготовки и проведения мероприятий, посвященных юбилею.

Активное участие в этих мероприятиях организации и проведении приняло государственное автономное учреждение Свердловской области «Региональный центр патриотическо-

го воспитания». В 2016 году практически вся его деятельность была посвящена 120-й годовщине Г.К. Жукова.

Это, прежде всего, информационное и методическое сопровождение мероприятий, посвященных Маршалу Победы, проводимых на территории Свердловской области. С этой целью на сайте ГАУ СО «РЦПВ» rcpv.ru была создана специальная рубрика, в которой к настоящему времени размещено более 50 информационных и методических материалов. Среди них биография Г.К. Жукова, сценарии проведения открытых уроков, «уроков мужества», литературных вечеров, конкурсов и викторин, презентация книг и справочной литературы о жизни маршала, информационные материалы о мероприятиях, проводимых в муниципальных образованиях Свердловской области.

Особый интерес представляет уникальная подборка фотографий и документов, посвященных пребыванию Г.К. Жукова на Урале, подготовленная Управлением архивами Свердловской области.

С начала года на сайте отмечено более 70 тыс. просмотров материалов. Его посетили более 17 тыс. человек из 54 го-

сударств ближнего и дальнего зарубежья и из всех регионов Российской Федерации.

Региональным центром патриотического воспитания совместно с Центром истории Свердловской области был подготовлен и издан информационно-методический сборник «Наш Жуков», где собраны информационные материалы и методические разработки (материалы научно-практических конференций, конкурсов, сценарии мероприятий, творческие работы студентов, учащихся и педагогов образовательных учреждений Свердловской области), раскрывающие биографию Г.К. Жукова, его вклад в Победу в Великой Отечествен-

ной войне и в развитие Уральского региона.

В рамках работы информационно-методической площадки Центра в течение года проводились встречи школьников, студентов техникумов и вузов с ветеранами Великой Отечественной войны, представителями Фонда Г.К. Жукова, сотрудниками Свердловского краеведческого музея и Центра истории Свердловской области, посвященные юбилею: «Г.К. Жуков. Каким мы его помним», «Г.К. Жуков. След в истории», «Наш Жуков». Молодежь познакомилась с книгой А.Д. Кириллова и Г.М. Каеты «Урал в жизни Маршала Победы» и уникальными документальными фильмами – «Жуков на Урале: Парад на площади 1905 года в Екатеринбурге с участием великого полководца» и «Открытие памятника Г.К. Жукову в столице Урала».

Юбилею Г.К. Жукова были посвящены военно-спортивные игры, прошедшие в 2016 году на территории Свердловской области. Они были организованы и проведены ГАУ СО «РЦПВ» совместно с Региональным отделением ДОСААФ России Свердловской области и Ассоциацией патриотических отрядов «Возвращение». По сравнению с прошлым годом уве-

личилось количество участников игр. Так, если в 2015 году в окружных этапах игр приняли участие 103 команды, то в 2016 году их количество увеличилось до 174. Особенностью проведения игр в этом году стало и то, что впервые в них приняли участие студенты колледжей, техникумов, высших учебных заведений и работающая молодежь, которые соревновались в рамках военно-спортивной игры «Отчизна».

В ходе игр, при проведении традиционной военно-исторической викторины, наряду с вопросами, связанными

с памятыми датами военной истории Отечества и вкладом Урала в Победу в Великой Отечественной войне, большое внимание было уделено биографии и боевому пути Георгия Константиновича Жукова. Нельзя не отметить, что ребята правильно отвечали на самые сложные вопросы, которые поставили бы в тупик не только многих их сверстников, но и взрослых.

В июле 2016 года Региональным центром патриотического воспитания совместно с Оренбургским войсковым казачьим обществом был проведен открытый этап Всероссийской спартакиады допризывной казачьей молодежи, посвященный юбилею Г.К. Жуко-

ва. В соревнованиях приняли участие команды из Екатеринбурга, Красноуфимска, Кургана и Оренбурга. Победителем стала команда Екатеринбургского кадетского корпуса.

С 25 июля по 6 августа на базе структурного подразделения ГАУ СО «РЦПВ» «Центр подготовки и призыва граждан на военную службу им. Героя Советского Союза Н.И. Кузнецова» впервые после многолетнего перерыва был проведен областной летний оборонно-спортивный лагерь «Патриоты Урала», посвященный 120-летию Г.К. Жукова.

Более 100 воспитанников военно-патриотических клубов в течение двух недель приняли участие в 36 соревнованиях, посетили Музей боевой и трудовой славы Урала (п. Егоршино) и Музей военной техники (г.В. Пышма), повстречались с Заместителем Председателя Правительства Свердловской области В.И. Романовым, представителями Регионального отделения ДОСААФ России Свердловской области, с ветеранами военной службы и военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации.

В ходе работы лагеря ежедневные итоги публиковались на сайте

ГАУ СО «РЦПВ», а по окончании работы лагеря был подготовлен видеofilm «Патриоты Урала».

Здесь же с 23 по 25 сентября прошел «Слет юных патриотов», посвященный 120-летию Маршала Победы. В нем приняли участие сто тридцать воспитанников патриотических клубов школ, техникумов и вузов Свердловской области.

Программа слета включала в себя соревнования по биатлону, стрельбе из пневматической винтовки, разборке-сборке автомата Калашникова, прохождении полосы препятствий, военно-тактическую игру «Прорыв», «Лазертаг», проведение мастер-классов по основам выживания, оказанию первой медицинской помощи, обнаружению взрывоопасных предметов, семинар на тему «Патриотическое воспитание в учебных заведениях», в котором приняли участие сотрудники Уральского государственного педагогического университета, посещение Музея боевой и трудовой славы Урала.

Среди школьных команд победителями и призерами соревнований стали команды «Витязь – Молодая гвар-

дия» (г. Серов), «Надежда России» (г. Екатеринбург) и «Крылатая гвардия» (п. Гари). Среди техникумов и вузов лучшими стали команды «Независимое колесо» («УТАГС», г. Екатеринбург), УрГЭУ (г. Екатеринбург) и Первоуральского политехникума.

В 2016 году региональным центром патриотического воспитания были проведены два конкурса, посвященные юбилею Г.К. Жукова: конкурс рисунков и поделок и интерактивный конкурс презентаций работы военно-патриотических клубов, кадетских (казачьих) классов, поисковых отрядов «Гордость России».

И это далеко не полный перечень юбилейных мероприятий, организованных и проведенных сотрудниками Центра. Год 120-летия Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова продолжается. А значит, впереди еще много нового и интересного. **УС**

Моряки от древа Турчаниновых

История рода Турчаниновых, владельцев крупнейших на Урале заводов Сысертского горного округа, известна широкому кругу читателей именами основателей династии Алексея Федоровича Турчанинова, а также двух-трех потомков, преимущественно

из родственной семьи Соломирских. Между тем разветвленная династия Турчаниновых олицетворяет собою весьма многочисленный род заводчиков, разные представители которого по-разному проявили себя как личности.

Ольга Макарова

Младший научный сотрудник Свердловского областного краеведческого музея, хранитель фондов в Сысертском краеведческом музее. Член Сысертского окружного историко-краеведческого общества им. Турчанинова. Печатает статьи в местной и областной прессе.

Ольга Вершинина

Заведующая Сысертским краеведческим музеем. Занимается изучением истории родного края, много путешествует.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

По стопам отца

Сегодня имя Петра Ниловича Черкасова в России помнят не многие: любители военно-морской истории да краеведы. А вот на Западе капитан Черкасов и его корабль «Сивуч» остаются символом того, как русские сражаются на море: погибают, но не сдаются.

Петр Нилович Черкасов родился 1 июля 1882 года в семье контр-адмирала Нила Васильевича Черкасова и Ольги Алексеевны Турчаниновой (правнучка Александра

Алексеевича Турчанинова и праправнучка Алексея Федоровича Турчанинова), дочери Нижегородского губернского предводителя дворянства. Всего у четы Черкасовых было семеро детей: пять сыновей и две дочери. Трое сыновей, Анатолий, Василий и Петр, пошли по стопам отца, посвятив свою жизнь военно-морскому флоту.

Старший из братьев, Анатолий, выросший на рассказах своего отца о море и профессии морского офицера, поступил в Морской

▼ На «Цесаревиче», 1904 г. За О.А. Черкасовой (жена Н.В. Черкасова) стоит В.Н. Черкасов

► Подводная лодка «Дельфин» у заводского причала. Балтика. 1904 г.

кадетский корпус. В 1894 году он закончил свое обучение, а 15 сентября того же года был произведен в мичманы вместе с такими известными в будущем офицерами, как А. В. Колчак, А. В. Степенко, Н. В. Кротков, Г. О. Гадд и др. Свою службу Анатолий успешно проходил на броненосцах «Адмирал Чичагов», «Сисой Великий», «Император Николай I», «Севастополь» и крейсерах «Дмитрий Донской» и «Генерал-Адмирал». Способный и толковый мичман был замечен начальством, которое в 1897 г. назначило А. Н. Черкасова экипажным адъютантом, в должности которого он находился в течение 1898 г. В декабре ему присвоили звание лейтенанта и направили для занятий штурманским делом. С 1898 г. он также исполнял должность вахтенного начальника на крейсере «Герцог Эдинбургский». В 1901 году после повышения квалификации его назначили артиллерийским офицером 2-го разряда на эскадренный броненосец «Пересвет», на котором он прослужил до 1903 года.

В 1904 году, зная Анатолия Черкасова по минному и артиллерийскому классам, М. Н. Беклемишев

пригласил его на «Дельфин». Беклемишев лично обучал своих помощников управлению подводной лодкой. Они неоднократно участвовали во всех погружениях. Из троих офицеров «Дельфина» — лейтенантов А. Н. Черкасова, М. Е. Елагина и поручика по Адмиралтейству М. И. Горазеева — Беклемишев выбрал своим помощником Анатолия Черкасова, который «заявил себя при предыдущих многократных спусках хладнокровным, распорядительным и ознакомленным с этим делом офицером». Унтер-офицер Анатолий Черкасов в 1914 году погиб при

испытании первой русской подводной лодки «Дельфин» и был с почестями похоронен на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга.

Средний брат, Василий, служил на флоте, участвовал в многочисленных сражениях, неоднократно награжден. Будучи прекрасным специалистом военной инженерии, он написал ряд фун-

▼ Выпуск Морского кадетского корпуса. 1784 г.

► Журнал «Новое время». 1915 г.

Лейт А. Н. ЧЕРКАСОВЪ, командиръ подводной лодки «Дельфинъ», погибшій вместе съ судномъ.

даментальных учебных пособий по тактике и стратегии морского боя. Большую ценность имеют также его мемуары «Записки артиллерийского офицера», где он рассказывает о Русско-японской войне. 1906-1912 гг. — назначен в Морской Генеральный Штаб.

Последняя должность в штабе — пост начальника Оперативной части. В 1916 г. занимал пост командующего 2-го дивизиона эсминцев Черноморского флота. В 1917-м — должность начальника Главного управления кораблестроения, являясь представителем морского ведомства в Особом совещании по обороне государства. С июля 1917 г. по июль 1918 г. служил помощником по технической части главнокомандующего г. Архангельска и Беломорского водного района Р.К.К.Ф. В 1920-1923 гг. руководил морскими путями сообщения на Белом море и в Северном Ледовитом океане. В августе 1920-го арестован Архангельской губчека из-за конфликта с комиссаром, но, к счастью, вскоре освобожден. Тем не менее, Василия Ниловича Черкасова, «как элемент, несомненно, контрреволюционный», из флота все-таки уволили. Чтобы выжить и прокормить семью, он был вынужден переквалифицироваться в экономисты. След В.Н. Черкасова теряется в 1929 году, после переезда из Нижнего Новгорода в Москву, а затем в Ленинград. Что было с ним и его близкими дальше, неизвестно.

Военная карьера младшего брата, Петра Черкасова, развива-

лась стремительно. После окончания второго класса Александровского дворянского института в Нижнем Новгороде он был переведен в Морской кадетский корпус. В 1900 году произведен в мичманы. С 1901 года был в заграничном плавании на броненосце «Пересвет». С 1903 по 1904 годы исполнял обязанности вахтенного начальника на миноносце «Властный». За участие в ночной атаке, в результате которой был потоплен японский миноносец, удостоен ордена Станислава 3 степени с мечами и бантом. Произведен в лейтенанты. 24 мая 1904 года был назначен младшим артиллерийским офицером на эскадренный броненосец «Севастополь». За успешное командование десантной ротой награжден орденом Святой Анны IV степени «За храбрость» с мечами и бантом. 13 ноября 1904 года был назначен старшим офицером «Севастополя». В 1905 году за доблестную службу награжден орденами Святой Анны 3 степени с мечами и бантом и Святого Владимира с мечами и бантом. В 1906 году за боевые отличия награжден орденом Станислава 2 степени с мечами и бантом, серебряной медалью с бантом участника Русско-японской войны. 24 ав-

► Журнал «Новое время». 1915 г.

▼ Могила А.Н. Черкасова на Смоленском православном кладбище

► Канонерская лодка «Сивуч» постройки Невского завода. 1907 г.

густа 1907 года назначен старшим офицером учебного судна «Верный». 15 октября 1909 года — командиром миноносца № 213 и произведен в старшие лейтенанты. 1 октября 1910 года зачислен штатным слушателем в Николаевскую Морскую Академию по военноморскому отделению. В 1911 году зачислен на дополнительный курс Академии по отделению военноморских наук. 6 декабря 1912 года произведен в капитаны 2 ранга. В феврале 1913 года награжден медалью «300 лет Дома Романовых». С мая по сентябрь находился в отпуске в Нижегородской губернии, где был избран гласным Балахнинского земского собрания. 30 декабря был назначен командиром канонерской лодки «Сивуч». 8 марта 1915 года награжден орденом Святой Анны 2 степени с мечами и бантом. Женой Петра Ниловича была Сусанна Владимировна, урожденная Гильдебранд, дочь военного врача.

Капитанъ 1 ранга В. Н. ЧЕРКАСОВЪ, командиръ миноносца «Гивный», нанесшаго тяжелыя поврежденія германско-турецкому крейсеру «Ересслау» въ бою 29 мая с. г.

► Черкасов Петр Нилович

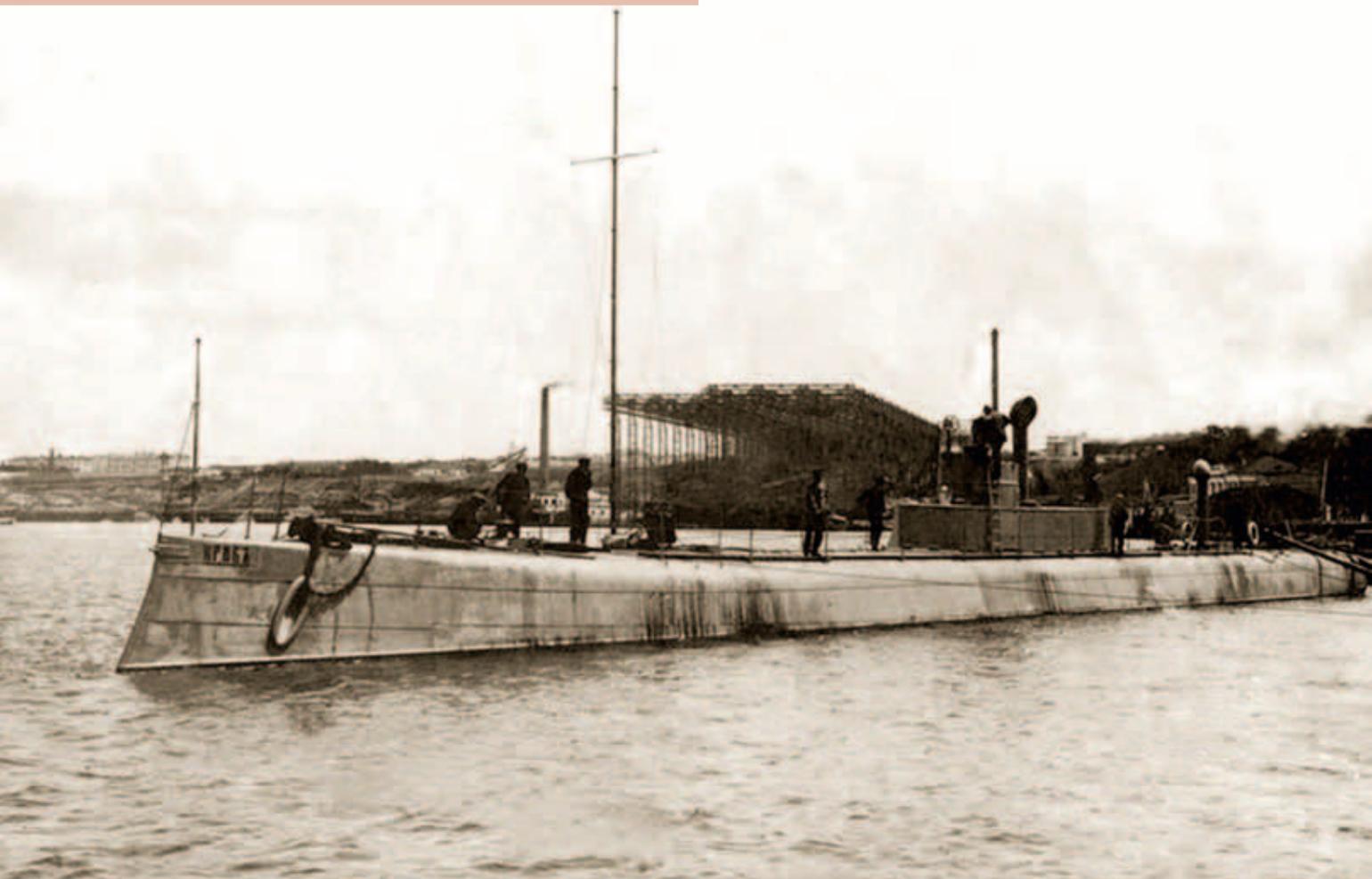
Неравный бой

О нем не сложили песен, о нем вообще мало знают, хотя и считается он «балтийским «Варягом»». Его подвиг оказался заглушен залпами Первой мировой и Гражданской войн, но все-таки очень хочется рассказать эту историю — простую историю о простом корабле.

В начале августа 1915 года германская Неманская армия начала наступление на Ригу. Германский флот предпринял попытку прорыва через Ирбенский пролив в Рижский залив, с целью окружения и уничтожения морских сил Рижского залива, а также минирования Моонзундского пролива. Дивизион канонерских лодок «Сивуч» и «Кореец» под командованием капитана 2-го ранга П. Н. Черкасова в это время выполнял обычные боевые задачи.

С появлением в Рижском заливе сильной немецкой эскадры, состоящей из двух линейных кораблей, четырех крейсеров и нескольких десятков эскадренных миноносцев и тральщиков, малочисленные русские морские силы в заливе оказались в крайне опасном положении. Коман-

дование Балтийским флотом приняло решение срочно перебазировать корабли из залива в Моонзунд, где был создан новый рубеж обороны. Основная часть кораблей успела перейти в Моонзунд 17–18 августа. Канонерские лодки «Сивуч» и «Кореец» задержались в заливе с постановкой мин у Усть-Двинска и начали переход только 19-го утром.

Оставалось всего несколько часов для того, чтобы обе канонерские лодки вошли под прикрытие своих береговых батарей и минных заграждений. С юга эту позицию усиливали подводные лодки «Минога» и «Макрель». Однако судьба распорядилась иначе.

У острова Кюно (Кихну) русские канонерки встретились с германским крейсером «Аугсбург» и эсминцами «V-29» и «V-100», двигавшимися из Пярну в направлении острова Кюно. Канонерские лодки повернули вправо и дали самый полный ход, рассчитывая оторваться от противника в наступающих сумерках и вечернем тумане. Но быстроходные корабли противника их догнали, осветили прожекторами открыли стрельбу. «Передать сигнал на «Кореец», вступаем в бой», — скомандо-

вал командир «Сивуча» П. Н. Черкасов. Он был флагманом. На стенке корабля взвился боевой Андреевский флаг.

Крейсер стрелял всем бортом, периодически с него взлетала осветительная ракета. Как только она гасла, вспыхивал луч прожектора, освещавшего канонерские лодки, и крейсер выпускал очередной залп. С обеих сторон появились убитые и раненые. Вспыхивали пожары, из-за пробоин в бортах в корабельные помещения стала поступать вода. Русские артиллеристы работали виртуозно: и при ослепительном свете ракеты, и в полной темноте матросы с невероятной быстротой подавали патроны, заряжали пушки и стреляли. На палубе скопилась куча стреляных гильз...

Крейсер сосредоточил весь огонь на «Сивуче» как на головном корабле. Море кипело, но лица офицеров и матросов выражали спокойствие и сосредоточенность. Неравный поединок не приводил их в отчаяние. Было видно, что каждый готов умереть, но до конца выполнить свой долг. Слышалось: «Умрем, братцы, но не посраим русского флота».

В ходе боя корабль был изрешечен снарядами, но продолжал сражаться. С разбитыми кормовыми орудиями «Сивуч», прикрывая «Корейца», развернулся и, введя в бой носовую артиллерию, пошел на врага. Неожиданно из-за крейсера показались два миноносца, которые атаковали торпедами «Сивуч». Черкасов приказал перенести огонь на миноносцы. Через минуту один из них запылал и, охваченный огнем, быстро затонул. Другой миноносец поспешно удалился.

Однако доставалось и канонерским лодкам. «Сивуч» получил несколько пробоин в машинных отделениях. Аварийные группы по борьбе с огнем и водой самоотверженно боролись за корабль. На «Корейце» была повреждена мачта. В это время канонирам «Корейца» удалось сбить носовой прожектор на германском крейсере. На некоторое время все погрузилось во тьму. Пытаясь ввести в действие кормовой прожектор «Аугсбург» развернулся и потерял из виду «Корейца». По приказу П. Н. Черкасова канонерская лодка «Кореец» отошла в сторону Усть-Двинска. Прожектор крейсера сквозь туман упер-

◀ Подводный минный заградитель «Краб». Фото В. Ашик

ся в медленно двигавшийся силуэт «Сивуча». По контурам корабля «Аугсбург» принял «Сивуча» за линейный корабль «Слава» и вызвал к себе помощь. Командующий германской эскадрой Шмидт получил сообщение, что «Аугсбург» и миноносцы ведут бой с линейным кораблем «Слава» и поспешил с двумя линкорами и флотилией миноносцев на помощь. Через 20 минут к месту боя подошли 7 германских эсминцев, а также линкоры «Нассау» и «Позен» 8-й германской флотилии, которые почти в упор засыпали снарядами яростно отстреливавшийся «Сивуч».

Однако, увидев, с кем велся бой, командующий германской эскадрой был взбешен: истрачена половина топлива и сотни снарядов на такую, кажущуюся ничемной цель. По лодке в общей сложности было безрезультатно выпущено 6 торпед. В ходе боя линкоры «Позен» и «Нассау» все же подожгли русский корабль. От бесчисленных пробоин внутренние помещения канонерской лодки заполнились водой, все горело. Было много убитых и раненых. Корабль потерял ход. Прошло еще несколько минут, и он стал медленно погружаться. Превратившись в костер и погружаясь в воду, русский корабль продолжал вести огонь из единственного уцелевшего 75-мм плутонгового орудия мичма-

на М. Мурзина. С «Сивуча» пришло последнее известие, переданное без шифра, открытым текстом: «ПОГИ-БАЮ зпт НО НЕ СДАЮСЬ тчк»».

Вот рассказ о том, как принимали на борт немецкого линкора немногих выживших после затопления канонерской лодки матросов. «На германском дреднуоте «Нассау» команда и офицеры выстроены во фронт. Осторожно поднимается шлюпка с израненными, выловленными немцами из воды четырнадцатью героями «Сивуча». Среди мертвой тишины торжественно несутся звуки русского гимна. Они не смолкают во все время, пока вдоль выстроенных шпалер тянется на перевязочный пункт вереница носилок с искалеченными бойцами» (Н. Лукин).

По немецким данным, из экипажа 148 человек команды «Сивуча» немцы подобрали из воды 2 офицеров и 48 матросов, из которых только 15 не имели ранений. При переходе в Свиномюнде 8 моряков скончались от ран. Вместе с канонерской лодкой «Сивуч» погиб ее командир Петр Нилович Черкасов.

22 сентября 1915 года Черкасов исключен из списков личного состава флота с записью: «Смертью запечатлел свой подвиг». Капитан 2-го ранга Петр Нилович Черкасов посмертно был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени, посмертно ему было присвоено звание капитана 1-го ранга.

Как сообщала «Нижегородская земская газета», земское собра-

ние Балахнинского уезда 28 сентября 1915 года открылось словами «Плачь и гордись, Россия!». Земцы почтили память героев, послав на Сейму (в настоящее время город Володарск), родителям П. Черкасова сочувственную телеграмму. Тем же собранием земство приняло решение установить памятник П. Н. Черкасову на его родине, Сейме, но Черкасов-старший, убитый горем, отверг предложение Балахнинского земского собрания об установке в Сейме памятника герою, отец решил, что лучшим памятником сыну будет «Народный дом П. Н. Черкасова». Нил Васильевич Черкасов пожертвовал на «Народный дом П. Н. Черкасова» деньги и подарил в центре города большой участок земли с постройками в Ольгине Мысовской волости (г. Володарск) Балахнинского уезда, где и было построено здание и открыт на средства земства «Черкасовский дом» с библиотекой, читальней, зрительным залом и чайной, здесь работали оркестр, театральный кружок. Этот дом-памятник использовался по назначению до 1920 г. Потом его использовали в самых различных целях: от почты до складов. Просуществовал дом на Сейме до конца 1980-х. В 2000 году последние остатки «Народного дома» имени героя были разрушены, а на его месте проложена дорога.

20 октября 2008 года, в день 312-й годовщины Военно-морского флота России, в Нижнем Новгороде у дома № 3 по улице Варварской (здание бывшего Александровского дворянского института, где учился Черкасов), состоялся торжественный митинг, посвященный открытию памятной доски кавалеру ордена Святого Георгия, капитану 1-го ранга П. Н. Черкасову. «Сегодня, когда наши корабли под Андреевским флагом вновь несут боевую службу в Мировом океане, открытие памятной доски русскому герою-моряку, капитану 1-го ранга Черкасову Петру Ниловичу является доказательством преемственности поколений и возрождения лучших традиций российского флота», — сказал на митинге председатель Нижегородского регионального отделения общества «Движение поддержки флота», капитан 1-го ранга запаса В. Е. Антонец.

◀ Британская газета «Стар» 1915 г. со статьей о подвиге П. Н. Черкасова

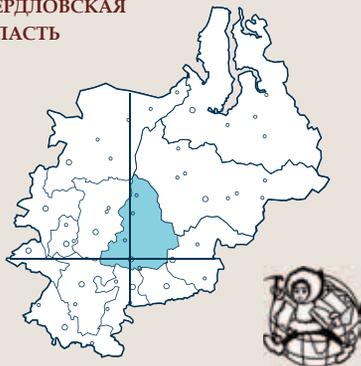

Леонид Бураков

(1925–1994) — ветеран Великой Отечественной войны и Уральского добровольческого танкового корпуса. Участвовал в боях на Сандомирском плацдарме, в Висло-Одерской, Берлинской и Пражской операциях. В ходе танковой разведки взвод Буракова первым вошел в Прагу. После войны стал профессиональным художником, учил и воспитывал начинающих живописцев и графиков, вел поиск товарищей по оружию, работал над книгой. Его воспоминания, сохраненные вдовой ветерана Л.И. Бураковой, печатаются впервые и открывают нам достоверные и во многом новые сведения о Пражской операции. В ноябре в резиденции губернатора Свердловской области открывается его выставка «Графика. Воспоминания».

Эта статья написана в 1965 году. Затем переработана, с небольшими дополнениями, — в 1975-м. Статья представлена А. Турчаниновым

**СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ**

Эти участки, где я шел со своим взводом впереди, на острие танкового клина, врезались мне в память навсегда. Приказы и карту, иногда последний лист, получал от комбата. «Давай, Бураков, вот сюда, в этот пункт, всего 40 км», — слышал я от него частенько. Нравился мне этот момент получения задачи, изучения маршрута — ведь там еще противник, его территория, но вот пройдет какое-то время, и мы будем мчаться по ней на нашей уральской броне. Только пройдешь маршрут, займешь со своим взводом место в хвосте колонны, провалишься в сон, усталый и оглушенный своими и вражескими залпами, как тебя уже будят: «Бураков, к комбату, в голову колонны! Выводи взвод вперед!» И я выводил свой

Фотографии из семейного архива Л.И. Бураковой

В танковой разведке

Прага — не случайный эпизод в моей боевой биографии. Ведь большую часть пути, когда наш 1-й танковый батальон шел передовым отрядом, в боевой разведке до Берлина действовал именно мой взвод и лейтенанта Бирюкова, а после Берлина, где он был ранен, я со своим взводом. Несколько случаев действий своего взвода в боевой разведке позволю себе вспомнить.

взвод. Нас было трое младших лейтенантов: Котов, Гринько и я. Этих командиров с новыми экипажами и танками я получил под Оппельном, впервые став командиром взвода. С этими способными молодыми командирами и их отличными экипажами прошли всю Берлинско-Пражскую операцию. Помню, как сейчас, короткие яростные стычки с противником, охраняющим завалы и баррикады в населенных пунктах на Берлинском направлении...

Военный аэродром в лесу под Берлином мой взвод захватил внезапно, с не успевшими взлететь самолетами. И в Берлин ворвался первым на участке нашей 4-й танковой армии. В ожесточенном бою пробилась через завал под аркой железной дороги, затем шли по затопленной противником местности. Сошлось на «Боевой листок», который писался уже в районе Потсдама, где фотографировали наш экипаж: «Гв. мл. л-т Бураков со своим взводом первый ворвался в Берлин с юго-запада

и привел батальон, бригаду и в целом 4-ю танковую армию в логово врага. Такие вещи не забываются. Потом, уже в январе 1946 года, видел эту фотографию в монтаже «Боевой путь бригады» в доме офицеров в г. Секешфехерваре. Тогда наш вход в Берлин, приветствие воодушевили нас. И Котов, и Гринько втянулись в разведку, Берлин стал для нас как бы трамплином для прыжка на Прагу. Замечу по ходу, что в Западном Берлине мы прошли по нескольким районам, не везде встречая сопротивление противника. У Тельтова канала стояли в обороне двумя танками вместе с командиром нашей 2-й танковой роты гв. ст. л-том Латником, где командиром танка был гв. мл. л-т А. Тонконог. Потом нас перебросили на группировку противника (около 120 тыс.) под Треббином-Луккенвальде, где наши танкисты поработали по пленению и уничтожению противника.

Неожиданно комбат предложил мне в Треббине занять место вы-

▼ Танк 1-25. Командир взвода гв. мл. лейтенант Л.Е. Бураков (в центре)

бывшего по ранению командира 1-й роты: «Хочу сделать тебя ротным, пора», — сказал он. Я отказывался категорически, ссылаясь на свою молодость (20 лет) и звание. Принял роту против воли. День, два походил в хвосте колонны и вроде оказался «не при деле». Почувствовал, что жизнь здесь другая, не та, что в разведке. Там — постоянное движение, свобода действий, импровизаций. И снова ушел в свой взвод — Коротеев уступил. От Берлина до Праги был в разведке не менее 3–4 раз, а вместе с действиями на группировке и того больше.

В лесу пришлось идти по следу «Королевского тигра». Коротеев сказал коротко: «Сожги его!» Никто мне не завидовал, никто не догонял, сам шел головным. Охотился на него, рассматривал огромные следы, места остановок, допрашивал пленных, которых было достаточно — усталые, голодные, перевязанные бумажными бинтами, сидели они у дороги и в лесу, прислонившись к соснам, и просили пить. «Да, королевский, — говорили они, — только прошел». Останавливался, выходил из танка, прислушивался. По ходу попались два бронетранспортера. Котегов, мой стреляющий, разбил их осколочными. Наконец, когда заболели глаза и шея, выйдя вперед, увидел в бинокль смятые сосенки — они-то и выдали зверя. Толя Каштанов вывел танк тихо по обочине дороги, подлеском. Удар Котегова подкалиберным был неотразим. Второй, броневой, пошел рикошетом от башни, третий — в корму — добил его. Подъехали, пошел смотреть. Рикошет от башни, на которой крепилась запасные траки и два катка.

И еще шел в разведке, когда наша 2-я рота, усиленная двумя тяжелыми танками «ИС» под командованием ст. л-та Латника (был там и замполит ст. л-т Услуги), выполняла задачу по расчленению противника и шла на выручку 2-му батальону, потерявшему в лесной деревне четыре танка. Маршрут был пройден удачно, взяты пленные, дело шло к вечеру, мой взвод втянулся в деревню, подходил к площади, было тихо... Остановил машины, автоматчиков спешил, послал вперед посмотреть. И вдруг огонь из-за домов по танкам, и бой начался. Ведем массивный огонь из орудий. Стало смеркаться, загорелся угловой дом, несколько фигур противника, объятые пламенем, выскакивают из-за угла. Подходит рота, но ей трудно развернуться в узкой улице. Я с тревогой слежу за опушкой леса сразу за площадью. (Помню один ночной бой зимой в Польше). И недаром: как призрак, появляется там силуэт танка противника, но Котегов, предупрежденный мною, дважды посылает снаряды... Утром мы разглядели там «Пантеру». Тем временем автоматчики отходят назад, пожар становится сильнее, танки видны как на ладони... Полетели фаустпатроны... Дело — «труба». Советуюсь с Котовым и Гринько: «Надо уходить, утром обстановка изменится, не стоит рисковать из-за этой деревни». Свое решение довожу ротному по радию, он согласен. Машины рывками разворачиваются, башни идут назад, механики-водители один за другим срывают машины с места и выносят их влево, из деревни. Остальная рота за нами. Молодцы водители Каштанов, Фролов, фамилию во-

дителя Гринько, к сожалению, не помню — дело еще в том, что они провели машины по краю болота. Утром после артобстрела взяли деревню без труда, в окрестностях было взято в плен около 200 фашистов. Это было 1 мая.

Запомнился случай у чешской границы. Отлично, в темпе, прошли км 25–30, сбивая заградотряды отступающего противника (власовцы, армейские части, фолькштурм). Быстро взяли одну деревню, проскочив ее поперек двумя машинами, моей и Гринько, на большой скорости — буквально через группу не успевших изготовиться фаустпатронщиков, расстреливая из стрелкового оружия автоматчиков и командиров машин. Высовывается из-за угла каска или собачья шапка, потом должен появиться фаустпатрон — в это время его и надо снимать очередь. Затем мы стали бить их с тыла, а Котов вел огонь с другой стороны. Началась паника, противник рассеялся. Прошли еще один населенный пункт, который представлял странное зрелище: все дома, выходящие на небольшую площадь, были заклеены плакатами и листовками: «Каждый немецкий солдат — убей 10 русских!», «Каждый — 10!», «Все на защиту родины!» и т.д. Городок пуст, ни души, одни зловещие призывы... Но вот идем мимо фольварка. Пропустив первую машину Котова и рассчитывая, очевидно, на панику, противник с близкого расстояния, из-за ограды бьет фаустпатронами по моему танку. Один из снарядов ударяет в лобовую броню рядом с люком водителя, взрывная волна, огонь, и осколки пошли в полуоткрытый люк Каштанова и наверх к башне, ко мне. Был ранен в лицо мой замечательный механик Анатолий Каштанов, контужены радист Данилов и я, загорелось что-то в танке. Данилов и заряжающий Долгополов бросились тушить машину. Защищая нас, подъехал ближе танк Гринько. Толя Каштанов, вырывая осколки из обожженного и окровавленного лица, кричал мне: «Лейтенант, а как же Прага, не войти мне теперь в Прагу!..» Подъехал комбат Коротеев. Осмотрели машину, только приборы побиты да люк не держится на стопоре. «Надо, Бураков, пойми, идти дальше, некогда менять взвод, комбриг ждет от нас выполнения задачи. Можешь идти — дадим нового водителя?» Я знал, что нас ждет Прага, и если командир просит... Поговорил с экипажем. Подошел новый водитель Марухненко. Он оказался отличным водителем, мне повезло. И опять пошли вперед, хотя звенела контуженная голова и невыносимо жаль было Анатолия. (Он попал все-таки в Прагу, в го-

спиталь, где лежал вместе с И. Шкловским, раненным в Праге водителем из экипажа л-та И. Гончаренко. Где ты сейчас, Толя Каштанов, как живешь?) В конце этого броска в одном населенном пункте освободили около 250 плененных французов.

В Рудных горах, после езды по шпалам железной дороги и по кручам, в нашей машине полетел американский подшипник направляющего колеса (ленивец) — не выдержал наших русских нагрузок. «Все, — говорят мне, — отъездились ты, Бураков, загорай, жди летучку, авось после войны попадешь в Прагу». Не верилось, был как во сне... Горячие, запыленные машины уже обходят нас. Мы стоим на обочине дороги в безлюдном городке. Надо искать выход. К механику: «Что можно сделать?» — «Можно идти и без подшипника, — говорит он, подумав. — Пока не перепилится ось». Итак, выход найден. Пошли догонять своих, только заносит машину все время вправо. Уж пришлось поработать Марухненко. Всю дорогу думал о направляющем колесе — ведь могли слететь под откос, расстелить гусеницу перед противником. Помню, с каким сочувствием смотрели все на один танк, съехавший вниз по обрыву и чудом зацепившийся за камень. Ему уже не бывать в Праге... Когда вечером 9 мая в Праге сняли направляющее колесо, увидели ось толщиной с мизинец. Хватило!

Помню, как бомбили и обстреливали нас свои штурмовики «ИЛь» при спуске с гор, очевидно, думали — немцы, уж очень быстро наши танки оказались в этих местах. Но вот танкисты спустились в долину. На пролетающих мимо указках все чаще встречается имя города — Прага. Всеобщий энтузиазм, упоение скоростями... Ничто не остановит эту лавину с гор, танковую армаду! Чувствуем себя ее частью, острием ее клина. Иногда, вследствие бессонных ночей, засыпали механики и машины шли в сторону... Засыпали и мы, командиры, в башнях или на лобовой броне...

Но не было предела человеческим возможностям. Смяли колонну немецких машин — еле успел вскочить в люк. Скрежет металла, машину качает, как на волнах. И вот первые встречи с чехословаками, неожиданные своей теплотой и сердечностью. Чешские флаги, красные знамена, цветы, рукопожатия, крики «Наздар!» Все это очень приятно после Германии. Иногда останавливались, хоть и спешили, отвечали на приветствия, понимали друг друга без переводчиков. В одном городке грузил жители на танки ящики с вином, которым в Праге отмечали день Побе-

ды. Вот по радио слышим тревожные сигналы: «В Праге восстание... Спешите на помощь Праге!» Не опоздать! Мы вовремя должны появиться на улицах Праги! И мой взвод должен быть первым!

К ночи полковник Фомичев сменяет передовые отряды. Вперед выходит наш 1-й танковый батальон и занимает место в голове колонны. Ответственный момент. Я подхожу к комбату с просьбой выделить мой взвод в боевую разведку. Коротеев не отказал. «Выводи, Бураков, свой взвод вперед», — сказал он. Я был уверен, что задачу выполню. Был уже опыт. И в Висло-Одерской операции «не вылезал» из головного дозора в качестве командира машины. Однажды что-то случилось с машиной. И, как высшая награда, прозвучал голос сурового комбата Егорова (он погиб у реки Бобер, и я хоронил его в Загане): «Бери, Бураков, любую машину в батальоне и иди дальше вперед». И я выбрал машину... Главным в действии взвода считал выполнение боевой задачи до конца. Используя скорость и маневренность танков Т-34, пройти заданный маршрут в минимальное время, потерь не иметь. Обходя противника с флангов и тыла, просачиваясь там, где он не ждет. Ударить внезапно, посеять панику — и вперед! С остатками противника справится рота, батальон. Знал многие шаблонные приемы противника при обороне населенных пунктов, но всегда ждал его неожиданных ходов, сюрпризов. Любил свободу действий. Видеть всегда и все. Закрытый, слепой танк обречен. Связь экипажа с командиром — основа.

Получил от комбата карту, маршрут. Вывел вперед свой танк, Котова, бегу к Гринько. Он расстроен, неполадки с машиной. Так жаль — отличный был экипаж, какое-то предчувствие кольнуло в сердце. Идем с комбатом и ротным вдоль батальона, ищем исправную машину. И вот слышу слова комбата: «Экипаж лейтенанта Гончаренко пойдет вместо Гринько. Согласен?» Беру экипаж, знал Ивана Гончаренко как человека: вместе ходить не приходилось, экипажа не знал. И вот взвод впереди, танки построены по такому порядку: 1-23 — Котова, 1-25 — мой, 1-24 — Гончаренко.

Поставил задачу: «По местам, заводь, вперед!» Взвод начал набирать скорость, оторвался от батальона, ушел в ночь... Вначале головным шел Котов. Останавливались, прислушивались. Иногда всплывали фар освещали дорогу, пускали ракеты. Ни справа, ни слева — никого. Снова бросок, и так несколько раз. Неожиданно появилась впереди колонна машин против-

ника, шедшая нам навстречу без света. Котов открыл огонь... Некоторые машины сбиваем с дороги на обочину. При свете ракет видим, как бронетранспортер и самоходка уходят в сторону по проселку. Следы трассеров несутся в сторону противника, несколько вспышек — одна машина горит, вторую кто-то достает на гребне высоты, еще удар — взрыв, столб огня — все. Схватка в ночи коротка. Короткая заминка — у моей машины оторван начисто весь левый фальшборт. Смотрю на карту. Выхожу сам вперед, за мной машина Гончаренко, Котов замыкает колонну. Прибавляю скорость. Изредка даю ракеты. Никакого зарева над Прагой не было. Идем уже порядочно... Переговариваюсь иногда с командирами машин, с комбатом. Ловлю на себе взгляды экипажа, чувствую — они спокойны, мне доверяют. Где вы сейчас, мои друзья?

Город возник неожиданно... Невысокие силуэты домов, чуть видных справа от дороги... Замедлил скорость. Остановился. Было часа два... Подошли остальные танки, стали невдалеке. Тишина. Впереди что-то чернеет. Спешиваю автоматчиков. Они осматривают препятствие на дороге. Это завал из брусчатки мостовой, метра два высотой. Вижу, как от крайнего дома направляются ко мне три-четыре фигуры. Подходят — вижу, люди в незнакомой военной форме. Здравуются по-чешски. Спускаюсь к ним из танка, задаю первые вопросы: «Откуда форма?» — «Держали в тайниках». — «Есть ли у немцев танки в городе?» — «Есть, ближе к центру». — «Что впер-

◀ На площади Праги

ди?» — «Завал — сами делали». Подходят еще люди, среди них вижу и женщин. Приветствия, восклицания. Сообщил комбату по радио о достижении Праги. Попросил чехов снять часть брусчатки в центре, чтобы танки смогли преодолеть препятствие. Чехи построились цепочкой и начали перекидывать друг другу тяжелые камни, им помогали наши автоматчики. По просьбе чехов дали им с машин кое-какое оружие, гранаты, трофейные винтовки.

Неожиданно подъехал командир роты Латник, поговорили с ним. Вот проход в завале стал вполне достаточным по высоте, чтобы его преодолеть. Надо торопиться. Посоветовавшись с ротным, первой через завал посылаем машину Гончаренко, из-за неисправности ленивца моя идет второй, благополучно преодолевает препятствие. Затем машина Котова. Идем по улице. Цепочка домов справа становится чаще, дома появляются и слева. Все собраны, орудия танков развернуты веером. Так прошли метров 300–400. Неожиданно нас обстреливают спереди. Идем вперед, улица расширяется и кажется площадью. Светлеет. Сбрасываем скорость, идем осторожно, стараясь разглядеть, что впереди. «Впереди баррикада», — говорит Котегов. Да, вот видим и все мы — впереди в серой предрасветной дымке видна большая баррикада, сложенная из вагонов, автобусов, ящиков. Оттуда по нам начина-

◀ Танк 1-25, отдыхающий после боев в цветущих зарослях под Пражским Градом

ют бить автоматные очереди, идет ружейный и пулеметный огонь. Разворачиваю взвод «углом вперед». Начинаем вести огонь из пулеметов. Здесь я впервые сказал по радио: «Огонь вести только из стрелкового оружия, из орудий только по танкам и самоходкам, чтобы не повредить город». Спешиваем автоматчиков, которые заходят за танки. Иногда они и чехи, выскакивая из-за танков, очередями обстреливают противника. Огненные трассы пулеметного огня трех танков обрушиваются на баррикаду, и она начинает гореть. Постепенно огонь противника утихает. Иногда раздаются редкие очереди и одиночные выстрелы. Утренний расцвет, около четырех часов. Появляются жители Праги, подходят, приветственно машут руками. «Вот они, советские танкисты, пришли из Берлина к нам на помощь». Узнаем, что восстание началось несколько дней назад. Всюду баррикады. Немцы обстреливают город, их танки прорвались в центр города. Есть жертвы.

Куда идти дальше? Сообщаю обстановку командованию. Получаю приказ ждать подхода главных сил. Вот мы и в Праге. Исполнилось наше желание. Подхожу к машине Гончаренко. Беседую с ним. Затем с Котовым. Раненых нет. Техника в порядке. Делимся впечатлениями. Беседуем с повстанцами — они в странных касках, некоторые в немецких, кое у кого немецкие автоматы, винтовки. Взошло солнце. Через некоторое время подходит наша рота, затем и весь батальон. Докладываю комбату о выполнении задания. Подходит 3-й батальон Акинышина, затем 2-й — комбата Пулкова. Здо-

роваемся, беседуем со знакомыми танкистами. Часов 6 утра. Вдруг проносится новость: «Фашистская Германия капитулировала. Конец войне!» Известие принял радист управления. Все радостны, довольны. Этого надо было ожидать! У одного из танков третьего батальона собирается большая группа танкистов. Достают ящик сухого вина, подарок чехов. Все выпивают за Победу из стаканов, кружек, фляг. Вижу Ивана Гончаренко, но он не пьет. «Что-то нет настроения», — говорит он. Какое-то предчувствие у него было. Противник вдруг возобновляет пулеметный огонь с крыши высокого здания. Он как бы напоминает нам о том, что для нас война еще не окончилась. Наконец-то вдоль колонны звучит команда: будут создаваться штурмовые группы для овладения различными объектами города. Командир роты вызван к комбату. Возвращается он с картой и приказом комбата-комбрига. Собираемся у моего танка. Штурмовую группу образует мой сводный взвод и машина командира роты — четыре танка и автоматчики. Задача: овладеть мостом через реку Влтаву. Подходят Котов, Гончаренко и Тонконог. Изучаем маршрут. Ротный определяет порядок построения: он прежний во взводе, за ним идет машина командира роты (ком. танка гв. мл. л-т Тонконог). Десант садится на танки, и группа идет на задание. Нас приветствуют остающиеся. В их глазах мы читаем сочувствие: уже после капитуляции Германии мы идем в бой. Мы все это прекрасно понимаем, все собраны, подтянуты. Прошли через баррикаду, между обгоревших машин, и тут же поворачиваем направо. Расстояние между машинами 15–20 метров. Слева группа домов, с балконов и подъездов нас приветствуют чехи. Отвечаем на приветствия, хотя по нам иногда стреляют откуда-то с крыши.

Вскоре замечаю, что улица начинает спускаться в низину и становится уже. Спускаемся еще ниже, танки идут почти вплотную друг к другу. Вот они неожиданно втягиваются в узкую, подковообразную улочку, справа за оградой парк. Эту улочку я запомнил на всю жизнь. Вдруг впереди перед машиной Гончаренко — грохот разрывов снарядов противника. Все останавливаются. Из-за угла противник стреляет в глухую стену дома справа, затем огонь прекращается. Командир роты собирает офицеров. В неглубокой полукруглой нише подпорной стены собрались мы, пятеро командиров: Латник, Котов, я, Гончаренко, Тонконог. По карте видно — за поворотом улица спускается к мосту, за мостом старый город, площадь. Каков противник, его силы, пока

неизвестно, но ясно, что они серьезные. Обхода нет. Условия местности для нас — хуже нельзя, для противника — отличные. Подытоживает ротный: «Бураков, остаешься за меня. Я иду в разведку сам». Не слушая наши возражения и протесты, он один исчезает за решеткой парка. Смелый был человек.

Разошлись по машинам. Ждем. Держу связь с комбатом, иногда подключается комбриг. Объясняю обстановку. Через некоторое время пошел мелкий, нудный дождь. Неожиданно сверху, из парка и через крыши домов полетели на нас фаустпатроны. Грохот разрывов между танками. Теснота, места для маневра нет, мы как в ловушке. Даю приказание передвигать танки с места на место, усилить наблюдение. Положение трудное, экипажи нервничают. Может, погиб командир роты? Разворачиваю башню своего танка к корме, и Котегов стреляет в парк из пулеметов и несколько раз из орудия. Постепенно противник прекращает огонь. Изредка собираемся в нише, ждем ротного. Вдруг из-за угла со стороны противника выскакивает на большой скорости крытая военная машина с красным крестом. За ней легковая с офицером и мотоциклист — трофеи наших войск. Допрашиваю офицера обер-лейтенанта. Он говорит мне, что у моста стоят четыре танка и пехота. В машине группа раненых солдат противника. Выделяю автоматчика и посылаю эти трофеи в бригаду. Настроение повышается. Неожиданно появляется командир роты. Он спокоен и невозмутим, как всегда, а держался из-за немецких автоматчиков. У моста четыре немецких самоходки и фаустпатронщики за домами. Советуемся, смотрим карту. И вот решение: атака противника колонной, дистанция между машинами 10 метров, скорость предельная в этих условиях, огонь с хода, автоматчики на броне, ведут огонь по фаустпатронщикам. Довели задачу до экипажей.

Старушка чешка одна ходила между машинами, благословляла и благодарила нас с графинчиком настойки — угощала, но пить никому не хотелось. Потом один из механиков пожалел ее, подставил кружку и выпил за Победу и за ее здоровье. Взревели моторы, заклацали затворы заряжаемых орудий, улочка наполнилась дымом, заскрежетали гусеницы по старой пражской мостовой, задрожала земля, и танки, один за другим, делая крутой правый поворот, исчезали за углом дома. Вперед! Под выстрелы самоходок и фаустпатроны пошла штурмовая группа. Атака длилась считанные минуты. Иван Гончаренко скрывается за углом, в дыму

вижу в последний раз его танкошлем над открытым люком...

Несколько слов экипажу — и вот уже Марухненко бросает машину в правый поворот. Смотрю поверх люка — прямой свет бьет в глаза — и сразу вижу вдаль четыре серые немецкие самоходки, «сучки», нацеленные на нас, извергающие уже огонь... Орудие Котегова мгновенно «прилипает» к ним, выстрел — удар по самоходке, звон гильзы... Голос Долгополова: «Готово!» Выстрел — снова вспышка, и в это же время вижу, как на нашу машину идут два фаустпатрона. Механику: «Рывок!» И танк уходит из-под одного фаустпатрона, второй проходит вплотную над башней и взрывается где-то за кормой. Разрывы справа и у машины Гончаренко, которая отстает. Автоматчики с танка ведут сильный огонь из автоматов. Чувствую затылком орудие Котегова, идущего следом. Волна от выстрела его орудия отбрасывает меня вперед. Вижу, как из самоходок выпрыгивают серые фигурки. Одна самоходка разворачивается и уходит. Что там впереди, за рекой? У того здания? А справа и слева могут ударить вдоль берега орудия противника.

Здесь атака выиграна! Мы хозяева положения! Оглядываясь, вижу летящие следом машины Котегова и Тонконога, их орудия разворачиваются вправо и влево вдоль реки. Да! Немцы не выдержали психологически, хотя позицию имели превосходную. Они были обречены. Если бы поменяться местами — мы сдержали бы здесь батальон.

И вот я уже на мосту, скорей к тому берегу! За мною уже мчатся две машины. По радио: «Мост взят!» Не стовариваясь, идем дальше. Вот уже моя машина на том берегу, иду по площади. «Наш Парламент», — кричит кто-то из чехов, показывая на внушительное здание слева. На нем вижу флаги. Слева — огонь по танку. Заворачиваю башню — огонь из пулемета и десанта. Еще остановка у большого здания. Вижу, как ротный докладывает что-то по радио комбату. Снова вперед. Проходим квартал, вижу слева, в переулке, баррикаду, оттуда кто-то стреляет. С другой стороны к нам бегут чехи, вскакивая на ходу на танки. Чувствую подъем. Волнение нарастает. Механику: «Жми, Марухненко, газу!» Машины набирают скорость, мчатся вперед. У Котегова алый стяг с серпом и молотом, когда он появился? Вижу расширяющуюся площадь, до меня доходит, что это, очевидно, центр Праги. Вот собор, ищу противника, не вижу, интуицией чувствую, что стрелять, может быть, здесь уже не придется. Вижу бегущих навстречу чехов, один из них наводит ка-

меру, снимая нас... Накатываются машины Котегова и Тонконога... Сбрасываю танкошлем — и броском из башни на броню, затем на землю к этим людям, нашим союзникам и друзьям. Ротный у башни, командиры на лобовой броне приветственно машут руками на башне. Снимавший нас чех берет у меня интервью: «Откуда пришли, сколько дней шли? Как встречали нас жители в горах, а как внизу, в городах и селах?» Отвечаю ему, он записывает. Кто он? Где он сейчас? Почему его кадры остались безымянными и нигде не печатались?

Какая-то женщина взволнованно говорит: «Подумать только, они пришли из самого Берлина, чтобы освободить нас...» Все больше чехов собирается вокруг наших танков, появляются цветы, танкистов чем-то угощают. Возникает митинг дружбы и освобождения. Пражане ликуют, среди них видны и наши помощники — люди с оружием, в касках и с повязками на руках. По радио уже идут приказы вернуться назад, к мосту, на охрану его. «От кого охранять?» — смеемся мы. Выйти из ликующей толпы невозможно. Наконец, после многочисленных просьб обозначился какой-то проход. Пошли вперед, мимо ограды памятника Яну Гусу. Делая большую дугу, пошли по городу, Вацлавская площадь, центр нового города, и обратно к «своему мосту». Где-то есть фотографии танка Котегова 1-23 на Вацлавском наместье. Помню хорошо предмостную башню Карлова моста с отметинами от снарядов, полученными во время пражского восстания. И вот мы снова проходим мост, разворачиваем машины и ставим их слева и справа от моста. И тут узнаем горестную весть: наш боевой товарищ Иван Гончаренко погиб в атаке, ранены два члена его экипажа: Шкловский и Филиппов, а также чех-повстанец. Иван погиб сразу, сраженный в голову фаустпатроном. Он упал на плечи командира орудия Батырева. Снаряд из самоходки пробил левый борт танка спереди, осколками ранив в лицо механика-водителя И. Шкловского и радиста А. Филиппова. Иван Гончаренко погиб как солдат в своем последнем бою в День Победы. Он смотрел в лицо врага до последней минуты своей жизни. Кое-где еще были слышны отдельные выстрелы, но уже было ясно, что Прага отныне свободна, что война бесповоротно окончена здесь, где она когда-то начиналась. И наш взвод, наша штурмовая группа причастны к этому событию. Нам довелось стать непосредственными участниками событиями 9 мая 1945 года: первыми во-

▲ Танк 1-23. Командир гв. мл. л-т Котов

йти в этот город, сделать здесь, недалеко от Чешского Града, последние залпы и выйти в центр этого восставшего города, на Староместскую площадь, где, собственно, и закончилась Вторая мировая война.

Радость Победы была омрачена гибелью товарища, павшего уже после капитуляции Германии, в день нашей Победы. Снова собрались пражане около нашей машины. Все выпивают за светлую память Ивана, за всех наших товарищей, погибших в этой войне. Затем были тосты за Победу, за повстанцев, за прекрасный город Прагу! Уставшие, не спавшие несколько ночей танкисты заснули кто около танков, кто в парке.

Наша машина 1-25 сфотографирована кем-то из чехов, с открытыми люками, с оборванными крыльями и левым бортом, пробежавшая так много дорог по Германии и Чехословакии, она словно отдыхает под деревьями на фоне Чешского Града.

Поздно вечером меня снова вызвал комбат: «Пойдешь с Котовым в разведку. Выводи батальон из Праги в населенный пункт в 24 км от Праги, там находятся власовцы». Я сказал ему про направляющее колесо. Механик мой сообщил, что, пока я отдыхал, они устранили неисправность, поставив направляющее колесо с машины Гончаренко. Пошли снова впереди, и это была уже последняя моя разведка в ночь

с 9 на 10 мая. Прага ликовала: толпы народа на полутемных улицах города, вспышки ракет, песни, музыка, воинские колонны со всех сторон все еще устремлялись в Прагу. Трудно пройти танкам в такой обстановке. Решил взять проводника. Один, средних лет чех, согласился вывести наши машины в указанный ему пункт на окраине города. Сделать это было ему нелегко. Наконец я смог поблагодарить этого славного человека, и мы с Котовым помчались. Теперь уже из Праги. Батальон догнал нас не скоро. Обследовав деревню и убедившись, что противника нет (он успел сбежать), мы вскоре сидели и мирно беседовали с чехами.

За боевые действия в Берлинско-Пражской операции на командира нашей 2-й танковой роты ст. л-та Латника и на меня были поданы наградные листы на присвоение званий Героев Советского Союза. Соответственно — и на личный состав наших экипажей: Котова, Гринько, Гончаренко. Эти наградные листы я читал в штабе батальона (в местечке Малая Кишица под Прагой в мае 1945 года), куда меня пригласил командир батальона М. Коротеев. После того как нам объявили, что «не мы были первыми в Праге», награды мне и командиру роты были снижены и мы были награждены орденами Красного Знамени. Орденами Красного Знамени были также награждены: гв. мл. л-т Котов, гв. мл. л-т Гринько,

механики-водители Каштанов, Фролов, водитель танка Гринько (не полно его фамилию), водитель танка командира роты Басинский, командир орудия Котегов, другие члены и командиры также были награждены орденами Славы и Отечественной войны. Это произошло уже в Австрии, в Штейнберге. Здесь у меня состоялся разговор с полковником Фомичевым. «Как же случилось, что танкистам Рыбалко приписали наши действия в Праге?» — спросил я его. — «Надо было водрузить флаг на Парламенте или на Староместской площади», — ответил он. «Флагов достаточно было везде, да никому это не пришло в голову. Как они могут доказать, что были там?» — спрашивал я. Но ответа не получил.

Таковы упрямые и точные факты последних событий Берлинско-Пражской операции. Их подтвердят все участники этих событий: гв. ст. л-т Латник, гв. мл. л-т Котов, мой экипаж, экипаж гв. мл. л-та Тонконога. Никто из командования их не разыскивал, не помог мне это сделать, не дал возможность напечатать мне эту статью или опубликовать фотоснимки. Пытался мне помочь это сделать тов. Емельянов из Львова, вел со мною переписку, но и у него ничего не получилось. Недавно я узнал, что он умер. Умер в 1985 году и гв. мл. л-т А. Тонконог.

В декабре месяце, когда наша часть стояла в городе Секешфехервар, в Венгрии, стало известно, что чехословацкое правительство прислало медали для награждения участников освобождения Чехословакии и города Праги. Командование бригады наградило само себя, командиров батальонов, замполитов, двух командиров роты из 3-го батальона. Никто из непосредственных участников нашего взвода и штурмовой группы награжден не был.

В заключение этой статьи прилагаю список личного состава экипажей взвода и штурмовой группы, о действии которых написано выше. Экипаж танка 1-232-го взвода: командир машины гв. мл. л-т Котов, механик-водитель Фролов, командир орудия Наймушин, фамилии заряжающего и радиста не помню. Экипаж танка 1-20 командира 2-й танковой роты гв. ст. л-та Латника: командир машины гв. мл. л-т А. Тонконог, механик-водитель Аким Басинский, командир орудия Серебряков, радист-пулеметчик Полячков. Экипаж танка 1-25 командира 2-го взвода гв. мл. л-т Буракова Л.Е., механик-водитель Анатолий Каштанов, механик-водитель Михаил Марухненко, ком. орудия Котегов, заряжающий Долгополов (умер после войны), радист-пулеметчик Данилов. **УС**

Алексей Молчанов

Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета. Работал в пресс-службе ГУВД Свердловской области, газете «Уральский рабочий», телевизионной и радиовещательной компании. Печатался во многих газетах и журналах, как центральных, так и местных. Дипломант и призер многих газет и журналов. Давний автор нашего журнала. В настоящее время главный специалист по связям со СМИ ООО «Уралдрагмет-холдинг».

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Иллюстрации
предоставлены автором

◀ Виктор Чечвий во время службы на Северном флоте. Фото из семейного архива

Король Чечвий

Виктор не знал пощады бандитам и прочей нечисти. А для друзей, коллег из ОМОН ГУВД Свердловской области он, как в его любимой песне поется, «батяня-комбат», верный и добрый товарищ. Для

«И присвоили ему звание короля...»

Королем его нарекли в маленьком поселке Кедровка близ Березовского, где прошло детство Виктора. У отзывчивого и общительного парня было много друзей. Он старался помогать

всем: и молодым, и старым. Если затевалась какая-то буза и поблизости оказывался Виктор, он спешил предотвратить конфликт. «Порядок, Степаныч, порядок!» — с такими словами, как правило, расходились драчуны. Сильный, с великолепно накачен-

ной мускулатурой, Виктор зря никого не обижал. Был из плеяды благородных рыцарей, таких как Ленька Королев, про которого сложил свою песню Булат Окуджава. В роду у Виктора было немало тех, кто связал свою жизнь со служ-

бой в органах внутренних дел. Но, пожалуй, самым ярким примером для подражания был отец Степан Степанович, участковый инспектор Березовского ОВД, лейтенант милиции.

Вместе с матерью Виктора Людмилой Евлампьевной в домашней обстановке смотрю видеозапись тренировки, которую с молодыми бойцами екатеринбургского ОМОНа проводит майор милиции Виктор Чечвий. Умелыми, ловкими движениями с помощью троса он поднимается по вертикальной стене кирпичного здания. Слышны восхищенные возгласы ребят. «Неуставаемый!» — комментирует видео мать Виктора. Путевку на работу в органы внутренних дел ему дала срочная служба в 61-й отдельной Киркинесской десантно-штурмовой бригаде морской пехоты Северного флота. Командование высоко ценило мастерство Чечвья, и он исполнял обязанности командира взвода. Демобилизовавшись, Виктор устраивается на работу в Березовский ОВД. Мать гордилась своим сыном, особенно когда он надевал парадный китель, на котором красовались орден «Мужества», медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени, медали «За отвагу», «За отличие в охране общественного порядка».

«Бойцы вспоминают минувшие дни...»

В 89-м Виктор Чечвий стал бойцом ОМОН ГУВД Свердловской области и прошел путь от заместителя командира взвода до заместителя командира батальона. 10 лет в составе элитного подразделения, на знамени которого начертан девиз: «Доблесть, честь, отечество». Эта полная романтики, мужества, профессионального мастерства дорога привела его к славе и бессмертию. Много ребят из Березовского, Кедровки привлек Виктор на работу в екатеринбургский ОМОН. В их числе и Василий Сорокин, с которым дружил еще с детского сада. Под его рукой бойцы занимались физической подготовкой: бегали 6-7-10-километровый кросс, стреляли на стадионе «Биатлон», отжимались на руках от пола — 100 раз за одну минуту. Учились прыгать с парашютом и без него — из зависшего над землей вертолета. И всегда Виктор, как и положено командиру,

был впереди всех, воодушевлял личным примером, постоянно работал с молодыми, учил дисциплине. Многие из них благодаря этому стали офицерами. Омоновцы боготворили его. Чечвий был разносторонний спортсмен: мастер спорта по самбо, каратист, неоднократный призер открытого первенства России по рукопашному бою среди спецподразделений. Этого воистину уникального человека знали во многих ОМОНах России.

Когда Константин Рьжков учился в 8-м классе, Виктор Степанович уже работал в милиции и вел в его школе секцию рукопашного боя. После демобилизации для Кости не стоял вопрос «Куда пойти работать?» Конечно же, в ОМОН, потому что знакомый с детства Виктор Чечвий был человеком, на которого он всегда равнялся. Вместе с ним участвовал в различных операциях: освобождали заложников, изымали оружие, наркотики. Как-то поступила информация, что в квартире одного из домов по улице Амундсена в областном центре находится группа вооруженных лиц. Бойцы зашли в подъезд, вырубили свет на этаже. А затем попросили одну из жительниц дома позвонить в нужную им квартиру: пусть выйдут, разберутся, что случилось с электричеством. Пока шли переговоры, Чечвий взял с собой одного из бойцов, и они через соседний балкон первыми проникли в жилище, уложили бандитов на пол. На помощь милиционерам через входную дверь подоспели их коллеги. У хозяев изъяли два газовых пистолета, переделанных под стрельбу боевыми патронами.

Дмитрий Филиппов на Ми-8 вместе с Виктором в 93-м летал в Серов во время случившегося там наводнения. Милиционеры следили за тем,

чтобы не было мародеров, спасали не только людей, но и животных. «Желтая» пресса в те годы рисовала бойцов ОМОН как таких монстров. Но когда кадры, запечатлевшие то, как ребята выручали город из беды, были показаны по телевидению, отношение к омоновцам изменилось. В любой ситуации Чечвий учил не расслабляться.

«И пошел на войну...»

Весной 93-го Виктор Чечвий впервые побывал в «горячей точке» — в Северо-Осетинской и Ингушской республиках. 2 декабря 94-го группу бойцов ОМОНа ГУВД Свердловской области собрали по тревоге. Милиционерам дали три часа на сборы, а затем отправили самолетом в Ростов, где на базе дивизии особого назначения внутренних войск РФ «Дон 100» был сформирован сводный отряд. Средства массовой информации тогда запустили «утку» о том, что якобы екатеринбургский ОМОН отказался ехать в Чечню. «Мы едем!» — твердо сказал Чечвий и тем самым решительно опроверг измышления. Бойцы не подвели своего командира, предателей и трусов среди них не нашлось. Милиционеры по железной дороге в эшелонах прибыли на станцию Беслань. Бойцы выехали на границу Грозного, в район 17-18 блокпостов. Здесь, в Чечне, они встретили новый, 1995 год. Товарищи рассказали мне о том, что Чечвий ни на что не жаловался. Даже тогда, когда его ранило взсколом в руку. Вместе со своим взводом он остался там на второй срок.

Это была его первая командировка в Чечню. Потом последовало еще три. Во время одной из них он великопно провел операцию по освобождению женщины с ребенком, взятых бандитами в заложники. Его

► Людмила Евлампьевна с женой Героя России Сергея Багаева среди детей. Фото автора

▲ Семья героя

группа незаметно прокралась к старому, времен Отечественной войны догу, где удерживались пленники. Появление бойцов ОМОНа было столь неожиданным, что террористы не успели оказать сопротивление и были арестованы. Пятая, роковая для Чечвия, командировка началась 16 декабря 1999 года.

Последний бой

Специальные операции по разоружению незаконных бандформирований, предотвращению террористических актов и установлению конституционного порядка в республике, задержанию лиц, со-

вершивших тяжкие преступления, в том числе убийства военнослужащих, сотрудников ОВД и мирных граждан, зачистки — это его, Чечвия, стихия.

27 декабря Виктор и его коллеги совместно с бойцами отдельной бригады оперативного назначения внутренних войск МВД Российской Федерации получили задание освободить от боевиков жилой массив между улицами Красина и Кировградская в Старопротысловском районе чеченской столицы. Когда уральцы выдвигались в указанный район, бандиты не раз обстреливали их из винтовок, гранатометов. Виктор Чечвий смог быстро и правильно оценить ситуацию, определил опасные направления, произвел расстановку личного состава и средств, организовал ответные действия. Под умелым и грамотным руководством майора Чечвия, как всегда, отдававшего четкие команды своим негромким голосом по переносной рации «Виола», его штурмовой группой было подавлено свыше 10 огневых точек противника, две из которых он уничтожил сам, разгромлен опорный укрепленный пункт боевиков на улице Красина, не допущен подрыв БМП вражеским гранатометчиком. Чечвию удалось с риском для жизни эвакуировать из-под обстрела раненого военнослужащего внутренних войск и оказать ему первую медицинскую помощь.

В полдень в районе улицы Кировградской и 11-й линии бойцы обнаружили новый укрепленный пункт бандитов, который мешал дальнейшему продвижению. Майор милиции Чечвий принял решение силами штурмовой группы ОМОНа обойти его с фланга и подавить огнем. Завязался ожесточенный бой. При выдвигении на исходную позицию милиционеры подверглись сосредоточенному минометному обстрелу противника. Раненный в ноги Виктор огнем из автомата прикрывал отход личного состава из опасного района до тех пор, пока осколками от мин не был ранен вторично. Он умер, когда друзья выносили его с поля боя. Задача, поставленная командованием, была выполнена.

На месте гибели майора милиции Виктора Чечвия и павшего в том же бою прапорщика милиции Дмитрия Говорухи бойцы ОМОН ГУВД Свердловской области поставили крест. За мужество и героизм, проявленные при ликвидации неза-

конных вооруженных формирований в Северо-Кавказском регионе, Указом Президента Российской Федерации от 26 апреля 2000 года № 734 майору милиции Виктору Степановичу Чечвию посмертно присвоено звание Героя России. Медаль «Золотая Звезда», грамота и удостоверение Героя Российской Федерации переданы матери Виктора Людмиле Евлампьевне.

3 января тело Виктора Чечвия привезли в Кедровку. Директор клуба распорядился на время убрать елку и новогодние украшения. Гроб поставили в фойе, и жители Кедровки получили возможность попрощаться со своим героем. А на другой день тысячи людей с живыми цветами пришли в ДК ГУВД в Екатеринбурге, чтобы воздать последние почести майору милиции Виктору Чечвию и прапорщику Дмитрию Говорухе. Виктора похоронили в Березовском, а Дмитрия — в Екатеринбурге, на Ширококореченском кладбище.

▲ Памятная доска

▲ Почетный караул

«Но, слава богу, есть друзья...»

Он приехал в Кедровку за неделю до своей последней командировки. Матери ничего не сказал, побоялся расстраивать. Поцеловал ее, сел на диван. И тут Людмила Евлампьевна, как будто что-то предчувствуя, поведала ему о том, что давно жгло ее сердце: «Сынок, может, найдешь более безопасную работу, ведь ты у меня один, я боюсь тебя потерять». Он помолчал. А затем положил руку на ее плечо: «Мама, у меня же есть друзья». Он знал, что они в случае чего не оставят его семью в беде, помогут. И уходить из ОМОНа, искать теплое и спокойное место не собирался. Служивцы Виктора часто навещают ее, да и она сама нет-нет, да и приедет к ним поговорить, пообщаться.

«Память будет вечной»

Вскоре после похорон сына Людмилу Евлампьевну постигло еще одно несчастье — пожар дома. В суматохе куда-то запропастилась кассета с записью похорон Виктора. Спустя какое-то время, увидев, что на ней снято, и понимая, как должно быть, кассета дорога матери, ее вернул Людмиле Евлампьевне один человек, который купил ее на рынке. Новая кварти-

ра была куплена ей за счет средств МВД.

Мистика это или стечение обстоятельств, но однажды ночью загорелся деревянный крест на могиле Виктора: ветер раздул пламя от оставленных свечей, оно перекинулось на венки. Полыхнуло так, что пришлось вызывать пожарную машину. Вскоре вместо обуглившегося креста поднялся гранитный монумент, на котором начертано: «Герой России Виктор Чечвий. 1960.23.02.-1999.27.12. Жил по совести, погиб в бою с честью, земной твой путь краток, память будет вечной». Деньги на памятник Герою России выделил фонд социальной поддержки ветеранов Афганиста-

на. Были также добровольные пожертвования бойцов отряда и простых граждан.

Вместе с матерью Героя стою у его могилы. Она — у самого входа на кладбище города Березовского, справа от церкви. Рядом сидится кошка. Существует поверье, что эти животные приходят на могилы добрых людей. «Витю навещают многие, — говорит Людмила Евлампьевна. — Жители Кедровки, когда бывают в Березовском по делам, обязательно заходят на погост поклониться его праху». В это время по главной алее шла молодая женщина. Она приблизилась к памятнику, перекрестилась и застыла в скорбном молчании.

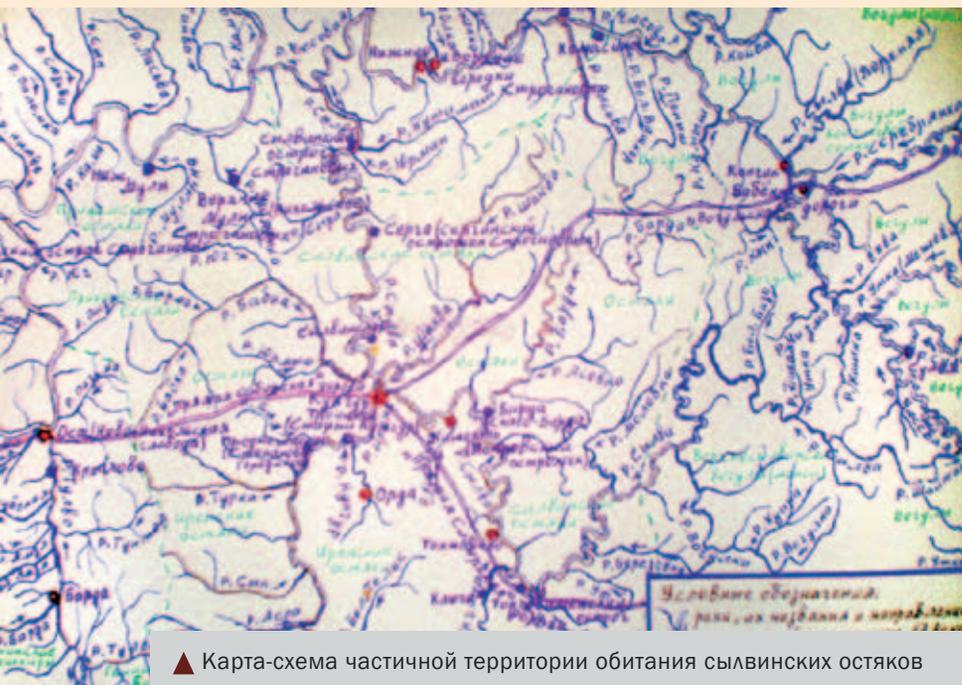
Имени Виктора Чечвия...

Средняя школа № 23 поселка Кедровка носит имя Виктора Чечвия. Здесь все гордятся своим знаменитым выпускником. В школьном музее, которым руководит Татьяна Губанова, хранится каска Героя, боевая форма, в которой он погиб. Плечо у жилета порвано. На стенде — фотографии Виктора в разные годы жизни: школьные, армейские, милицейские, почетные грамоты, которыми он был награжден за участие в спортивных состязаниях. Виктор занимался в секции баскетбола.

В первую субботу декабря начинается традиционная «Вахта памяти». А завершается она в День защитника Отечества общешкольным смотром строя и песни. Кстати, дата появления на свет Виктора Чечвия совпадает с этим праздником, что особенно символично. И всегда самым дорогой гость — мама Виктора Людмила Евлампьевна. ☒

▼ Участники «Вахты памяти»

▲ Карта-схема частичной территории обитания сылвинских остяков

Сылвинские остяки — не ханты

Прикамские, или так называемые «сылвинские» остяки, — этническая группа, сформировавшаяся к середине 16 века в результате очень длительного по времени смешения местного пермского населения с пришлыми башкирами (частью ушедшими от исламизации из пределов Золотой Орды и последующего Казанского ханства), возможно, в небольшой доле — с татарами, а на более ранней стадии — с булгарами.

Определенную долю в формировании прикамского остяцкого этноса, вероятно, сыграли и северные соседи — вогулы (манси). Ко второй половине 16 века они занимали обширную территорию — от реки Чусовой на севере (до начала 30-х годов 18 века эта река имела несколько иное официальное название — «Чюсовая»; об этом смотрите — «Уральский следопыт», 2006 г., № 7, стр. 80–81) до реки Тулвы и вершины реки Ирень на юге

и от реки Камы на западе до верхнего участка реки Сылвы (до современной границы между Свердловской областью и Пермским краем) на востоке с охватом всего водного бассейна среднего и нижнего течения Сылвы и междуречья между вышеотмеченными реками. Их основными ближайшими соседями были: на севере и востоке — чусовские и верхнесылвинские вогулы (манси), на юге и юго-востоке — башкиры, на западе — вотяки (удмурты).

Многие до сих пор отождествляют прикамских остяков с приобскими остяками — хантами (это присутствует во многих публикациях), которые, как и вогулы, относятся к угорской языковой группе. Но разность культур, жизненного уклада прикамских и приобских остяков и отсутствие документального подтверждения о каких-либо миграционных процессах прикамских остяков в северное Приобье подобное мнение отвергают. Эти разные этнические группы, обитающие на почтительном расстоянии друг от друга, получили у русских одинаковое название, видимо, из-за внешней схожести в облике, в быту и, главное, в некоторой схожести языческих обрядов.

Иллюстрации предоставлены автором

Остяки Прикамья, занимаясь в основном охотой и рыболовством, ограниченным пастушно-стойловым скотоводством и имея очаги примитивного земледелия, по своему бытовому укладу были более близки к северным башкирам. Это и не удивительно: основной приток тюркоязычных мигрантов шел именно из северобашкирских земель. Но в отличие от южных и юго-восточных тюркоязычных соседей — башкир и татар, у которых уже давно господствовал ислам, прикамские остяки, как и их соседи вогулы, оставались язычниками. В последующее время, с отказом от языческого верования и принятием одной частью остяков мусульманства, а другой — христианства, прикам-

ские («сылвинские») остяки полностью растворятся в среде татарского, башкирского, удмуртского и русского народов. Христианизации части прикамских остяков будут содействовать миссионерская деятельность Трифона Вятского, самих господ Строгановых, разных проповедников Соликамского Вознесенского, Пыскорского Спасо-Преображенского, Успенского (на Чусовой) и Осинского Преображенского монастырей. Но основная часть остяков все же примет мусульманство. Этому особо способствовало массовое бегство в земли прикамских остяков мусульманского населения и их проповедников из разгромленного войсками Ивана Грозного Казанского ханства.

Кстати: с конца 16 века, весь 17 век и несколько далее обобщенным словом «остяки» русские называли и многие другие языческие племена Западной и Восточной Сибири вплоть до Тихого океана и Приамурия — самодийские, тунгусские (эвенкийские) и некоторые другие. К 20-му столетию такое название останется только за современными хантами (хантэ). А в середине последнего ушедшего столетия некогда обобщенное для части языческих племен остяцкое название вообще выйдет из употребления. **УС**

Виктор Привалов

Родился в дер. Куеда Пермского края в 1952 г. С 1979-го много путешествовал по Среднему Уралу и особенно по реке Чусовой. Было много и специальных поездок — поездками и автобусами, на пароходе и пешком. Много времени провел в библиотеках Свердловска, Первоуральска, Перми, Горького. В 1985-м семья переехала в г. Электросталь, но Урал и Чусовая неизменно остаются объектами любви и познания.

**ПЕРМСКИЙ
КРАЙ**

▲ Бюст А.И. Герцена

КИРОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ**Александр Рашковский**

Кировский краевед и архивист. Руководитель известного в России клуба «Вятские книголюбцы», основанного писателем и краеведом Е. Д. Петряевым. Один из инициаторов проведения в Кирове Петряевских чтений, получивших статус всероссийских. Скрупулезно изучает вятские архивы. Занимается разбором архива Е. Д. Петряева. Активно публикует свои находки в интернете. Автор многих очерков в нашем журнале.

Неудавшееся «покушение» на Герцена

С юных лет я помню этот бюст при входе в Кировскую областную библиотеку им. А.И. Герцена, но историю его создания не знал. Но вот в Государственном архиве Кировской области попали мне в руки любопытные документы.

Из удостоверения от 30 ноября 1918 года, выданного Отделом по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомата просвещения РСФСР Зинаиде Дмитриевне Клобуковой:

«Отдел выдал настоящее удостоверение скульптору Зинаиде Дмитриевне Клобуковой в том, что она принимает участие в работах по постановке памятников в Москве и ею исполнена, по заказу Советского правительства, цитатная доска, одобренная в установленном порядке.

Так как отделу известно о намерении Вятского губисполкома поставить в городе Вятке памятники выдающимся деятелям революции и культуры, то отдел, со своей стороны, рекомендует Зинаиду Дмитриевну Клобукову как художницу, которая может взять на себя осуществление этой задачи.

Отдел предлагает Губисполкому почтить устройством памятника великого культурного деятеля и революционера Александра Ивановича Герцена, прошедшего в Вятке годы ссылки и оставившего глубокий след в культурной жизни города.

Заведующая отделом Н. Троцкая». (ГАКО. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 9. Л. 56).

Из письма Вятского ГубОНО в адрес губернской Чрезвычайной Комиссии от 6 декабря 1918 года: «Вятское ГубОНО просит оказать художнику-скульптору Зинаиде Дмитриевне Клобуковой всяческое содействие в деле восстановления ее мастерской-лаборатории». (Там же. Л. 58).

Из письма Вятского ГубОНО в адрес Зинаиды Дмитриевны Клобуковой от 6 декабря 1918 года: «Осведомившись о Вашей деятельности по созданию художественных памятников в городе Москве, ГубОНО просит Вас принять

на себя разработку памятника Александру Ивановичу Герцену и создать самый памятник». (Л. 59).

Из Постановления Вятского губернского совета народного образования от 30 декабря 1918 года: «ГубОНО постановил: Выдать художнику-скульптору Зинаиде Дмитриевне Клобуковой в оплату труда по выполнению бюста А.И. Герцена 2.500 рублей

▲ Клобукова с мужем

и за отливку этого бюста 500 рублей, а всего 3.000 рублей». (Л. 57).

Таким образом, инициатором создания бюста А.И. Герцена была Наталья Ивановна Троцкая (в девичестве Седова; 1882–1962), вторая жена наркома по военным делам, председателя Реввоенсовета Советской республики Л.Д. Троцкого. С 1918-го по 1928 год она заведовала отделом по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения (более известного как музейный отдел Наркомпроса). Директор Вятской публичной библиотеки Елена Владимировна Гогель переехала заказ на библиотеку, так как с 1917 года она носила имя Герцена.

Зинаида Дмитриевна Клобукова (в девичестве Абрамова) родилась 18 (30) сентября 1887 года в Екатеринбургe в семье банкира. Окончила Вятскую Мариинскую женскую гимназию (ГАКО.Ф. 213. Оп. 1. Д. 5. Л. 65). В выборе ее будущей профессии большую роль сыграл скульптор Наум Львович Аронсон (1872–1943), приезжавший к брату-дантисту в Вятку из Парижа и Петербурга. Именно он разглядел в Клобуковой будущего скульптора еще в то время, когда она была ученицей Мариинской гимназии Зиночкой Абрамовой. В воспоминаниях своими первыми учителями она назы-

◀ Клобукова — сестра милосердия

▶ З.Д. Клобукова в мастерской

вает также превосходного рисовальщика Николая Николаевича Хохлакова (1857–1928) и портретиста Сергея Александровича Огородникова (1886–?). Общение с вятскими художниками А.А. Рыловым, А.Н. Юдиным, Н.Н. Румянцевым, братьями В.М. и А.М. Васнецовыми, земляком екатеринбуржцем В.В. Игнатьевым формировало ее художественные взгляды. Будучи уже замужней дамой, Зинаида Дмитриевна занималась общественной деятельностью и творческим саморазвитием. Клобукову избирали заместителем председателя правления Вятского художественного кружка художника-фотографа С.А. Лобовикова. Силами кружка был открыт в 1910 году Художественно-исторический музей. Помещение музея ремонтировали на средства Клобуковой и ее мужа Петра Павловича. Клобукова помогала музею своими средствами, была постоянным членом его правления. А с 1912 и вплоть до ноября 1918 года музейная экспозиция располагалась на втором этаже родового дома Клобуковых на углу Спаской и Спенчинской улиц, оставшегося в наследство вдове Елизавете Петровне, свекрови Зинаиды Дмитриевны. При доме супружеской четы Клобуковых на углу Семеновской и Царевской в 1912 году был сделан пристрой с узкими простенками между окон — для скульптурной мастерской Зинаиды Дмитриевны.

В 1913 году на выставке в Москве Зинаида Дмитриевна познакомилась со скульптором Анной Семеновной Голубкиной (1864–1927) и стала заниматься у нее лепкой. Начинали с этюдов по методике Голубкиной: сначала лепили руки, ноги, головы, чтобы выучить натуру, а потом уже делали портреты и композиции.

В 1923 году Зинаида Дмитриевна с мужем и тремя детьми переехала в Москву. Туда же возвращалась из сибирской ссылки в 1940-м и эвакуации из Кара-Калпакии в 1945 году. До конца жизни занималась станковой, монументальной, парковой скульптурой и созданием музеев А.С. Голубкиной в Москве и Зарайске.

Умерла Зинаида Дмитриевна 31 марта 1968 года в Москве.

Бюст А.И. Герцена много лет стоял возле лестницы при входе в библиотеку, а потом куда-то исчез. Когда я готовил материал о юбилее краеведческого отдела и нашел упоминания о бюсте, то, естественно, поинтересовался, куда он делся. Оказалось, что кто-то толкнул бюст и он упал на каменный пол. При падении был поврежден, и его убрали, но никто не помнил, куда. Все только пожимали плечами. Тогда я попросил заместителя директора библиотеки Н.В. Стрельникову все-таки поискать его, так как не верилось, что бюст могли выбросить. Прошло две недели, и Наталья Владимировна сказала мне, что бюст удалось найти в подвале бывшего Дома политического просвещения, в котором тогда располагались отделы библиотеки.

Скульптор Александр Викторович Селезнев привел бюст в божеский вид, и сегодня он занимает в библиотеке свое почетное место.

Такая вот история... **УС**

Иллюстрации предоставлены автором

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ**Светлана Самойлова**

Заведующая модельной Павленковской библиотекой-филиалом № 9 МКУ «ЦБС» (пос. Тургойка).

Красный Тургойка

260-летию поселка посвящается

Эпитетом «красный» на Руси испокон веку называли места красивые, взрачные, привлекательные для жизни.

В 1756 году берег озера облюбовали переселенцы из Тульской и Калужской губерний. Теплым летним днем выехала на берег семья из пяти человек по фамилии Мурдасовы. Переселенцы-раскольники пришли на эти таежные, необжитые земли, чтобы сохранить свою веру, богатые традиции, построить новую жизнь. Вместе с предметами быта привезли иконы и книги старого письма. Деревня сначала именовалась Тургойским медеплавильным рудником Златоустовского завода.

В 1831 году в деревне Тургойка насчитывалось 90 дворов и 240 душ мужского населения. В 1848 году 109 дворов населяли 340 мужчин и 335 женщин. Занятия жителей были разнообразны: рыболовство, бортничество, выжигание древесного угля, смолокурение, изготовление скипидара, дегтя, тканье льняного полотна, добыча медной руды, драгоценного камня в Ильменских горах. Все изготовленное и добытое крестьянами доставлялось на подводах в Миасс и Златоуст. Особая гордость жителей — добыча зо-

лота на благо Российского государства. Развивались личные подворья. Так, в 1846–1848 годах на 109 дворов приходилось 380 лошадей, 340 коров, 780 баранов, 30 коз, 180 свиней. В 1900 году появилось кумысное производство. Деревню Тургойка можно было считать зажиточной.

В 1850 году в Тургойке построили первую школу. Она находилась в ведении горного ведомства и была рассчитана на 50 мальчиков. Важным в жизни деревни стал год 1861-й. Заводские люди становились свободными, в течение последующих двух лет освободились от обязательных работ для Златоустовского завода. Люди получили земельный надел и вышли в состояние свободных сельских обывателей. К 80-м годам 19 века деревня превратилась в торгово-промышленный центр, в ней находилось волостное правление. Возникла потребность в строительстве церкви.

В конце мая 1883 года в присутствии всех жителей деревни священники А. Мальшев, В. Максимов, Н. Се-

ментовский освятили место и заложили первый камень храма Архангела Михаила. Но ночью двое тургойских мужиков совершили кражу денег, заложенных под камень, и пропили их в питейном заведении на улице Забегаловка. За это непристойное дело местный

▶ Центр с. Тургойка.
Начало 20 в.

Модельная библиотека поселка Тургойак — единственная в Миасском городском округе, что с 2005 года обретается в статусе «Павленковская» и состоит в российской общественной организации «Содружество павленковских библиотек» под флагом ЮНЕСКО.

Библиотека активно живет жизнью поселка, города, области. Участвует в форумах, конференциях российского масштаба. Обслуживает 1700 читателей поселка и города. Основные направления ее работы: эколого-краеведческое, патриотическое, литературно-эстетическое. Читателей объединяют библиоклубы «Держава», «Контакт», «Сударушка», «Волшебство», «Самоделкин». К их интересам и запросам оборудованы залы и комнаты: фонда ценной литературы, медиа-комната с современной компьютерной и копировальной техникой, русская изба, оформленная предметами труда и быта тургойакской деревни середины 19 — начала 20 веков. Уникальность тургойакской территории привлекает сюда не только россиян, но и гостей из Германии, Чехословакии, Канады, Швеции.

► Библиотекари на празднике

волостной суд приговорил их к «высшей мере наказания, то есть к 25 ударам розгами». А церковь таки поднялась. 1 октября 1886 года на ней установили 6 золоченых крестов и подняли 4 колокола. Но только 6 ноября 1888-го состоялось освящение храма. К его приходу были отнесены, кроме Тургойакской деревни, еще Куштумгинская, Ново-Тагильская и Новоандреевская. Однопрестольная каменная церковь на 400 прихожан была построена на добровольные их пожертвования. Жители называли ее «Белая Лебедушка».

Жили и творили на нашей земле известные люди: писательница Л. Сей-

фулина, педагог и политик Н. Крупская, семья поэта К. Бальмонта, писатель Юрий Либединский, художник Юрий Репин (сын Ильи Репина). Бывали с визитом: С. Шойгу, И. Роднина, В. Фетисов, Ш. Амонашвили и другие. Ю. Репин бывал в доме батюшки А.В. Протопопова. Он любил слушать, как поют дуэтом Александр Васильевич и Серафима Васильевна. Протопоповы собрали хорошую библиотеку. Во время насильственного выселения семьи священника в 1929 году книги у них конфисковали. По воспоминаниям Н.А. Крыловой (Протопоповой), «вся русская классика была вынесена,

свалена в телегу и отвезена в сарай, где все книги растащили на растопку и самокрутки». В ноябре 1929 года церковь Архангела Михаила закрыли. И только в 2003 году началось возрождение храма, благодаря огромным усилиям о. Виталия Жулина и его единомышленников.

Осенью 1918 года Первая мировая война закончилась, а Гражданская была в самом разгаре. На сходе с Тургойак выступал Илья Степанович Мурдасов, только что вернувшийся домой после 7-летней военной службы: «Все солдаты побросали свои окопы и восстали против своих внутренних врагов — генералов, помещиков, фабрикантов и всех мироедов. Государственная власть перешла в руки Советов рабочих и крестьянских депутатов. Народ получил мир, отменена помещичья собственность на землю, установлен рабочий контроль над предприятиями, создано Советское правительство. И нам надо создать в Тургойаке Советскую власть!». 16 июня 1918 года была создана боевая дружина из 35 человек, которая помогала Красной Армии в борьбе с белочехами и казаками. В дружине состояли: Василий Куляшов, Илья и Алексей Мурдасовы, Иван Лыкосов, Василий Щеглов, Тимофей Самойлов, Василий Крылов и другие.

Создан был ревком во главе с Д.Л. Щегловым. А в противовес ревкому — штаб контрреволюции из кулаков и торговцев. Нужно было оружие, и члены боевой дружины — братья Щегловы, А. Назаров, Чиненов — поехали в Троицк, но не доехали — Челя-

▲ Первая тургоякская улица Забегаловка

бинск и станции захватили белочехи. Они вошли в село, разгромили Советы. Часть дружинников была расстреляна, часть скрылась в горах.

Из воспоминаний очевидицы революционных событий Ульяны Тютевой: «1918 год. Шли жестокие бои между красными и белыми. Революционеры партизаны скрывались в местечке «Средний стан». Рыли окопы. Параллельно ул. Долгой (ныне ул. Ленина) за горой стояли красные. За рекой Миасс — белые. Село Тургояк в середине. Оно принимало на себя все атаки. Было очень страшно. Летели снаряды. В огородах воронки, гильзы. Детей прятали в погребах. По ул. Долгой, в районе дома 131, есть переулок Михалевский. Там хозяйка спрятала красноармейца в бане. Пришли белые, соседи сразу предали, и солдата расстреляли».

Горькая страница в истории деревни Тургояк — 96 замученных карабашских рабочих. Был большой бой под Аргаяшем. Белые взяли в плен красноармейцев — отряд жителей Златоуста, Миасса, Карабаша. Июль, жара. Пленных гнали в кандалах по ул.

Долгой. Тургоякские мужики были на «Среднем стане». Женщины бежали, поили бедолаг, подавали хлеб. Кричали белым: «Подождите, вернутся мужики, вам не жить». 5 человек в казачком отряде были тургоякские жители. Когда пленных вывели за село, прискакал посыльный и сказал, что из Златоуста идет отряд Фрунзе. Сразу всех оста-

новили, порубили шашками и полуживых побросали, а некоторые сами прыгали в карьер. Напротив стоял старообрядческий монастырь. Молодой пасечник все видел и рассказал жителям села.

19 июля 1919 года Тургояк был освобожден частями Красной Армии. Председателем Сельского Совета стал Константин Куляшов.

► Храм Архангела Михаила. 2015 г.

▼ Поселок на берегу

В 1942 году село Тургойк переименовали в поселок. В боях Великой Отечественной войны погибли более 300 односельчан. Жители села — женщины, дети, старики — вязали теплые вещи для солдат, гнали смолу на лекарство для медсанбатов, ткали полотно для укрывания орудий «Капоша», восстанавливали эвакуированный автозавод... Воинам-односельчанам установлен памятник. После войны жизнь налаживалась. Заработали мельница, пекарня, парикмахерская, сельский клуб, изба-читальня, книжный магазин.

В разные годы истории села Тургойк, а впоследствии поселка жители занимались разными промыслами. По воспоминаниям старожилов, в 1918–20-х годах построили мастерскую и парилку для дерева. В ней парили прутья, делали дуги для лошадей, гнули полозья для саней, плели из них большие корзины, короба для сельских нужд, кошелки для удобной поездки на лошади, делали деревянную посуду. В послевоенные годы была организована бондарная мастерская. В ней изготавливали бочки, ушаты для бани, корыта. В то же время открылась мастерская по изготовлению мебели. Тургойкские мастера ладили табуреты, столы круглые и прямоугольные, комоды, шкафы. Было организовано животноводческое товарищество «Светлый путь». Лесопилка пилила лес на доски. Работники заготавливали сено, комбикорма, содержали не один десяток коней, быков для двух сельских табунов. По речке Исток стояли бани, их топили «по-черному». Там же сушили лен, били, мяли, чесали, пряли нитки и ткали льняное полотно. На смолокурнях

► Клуб и библиотека

гнали деготь, делали скипидар. Озеро было богато разной работой. Рыбная артель занималась ее промыслом.

В поселке Тургойк живут люди 14 национальностей: башкиры, татары, украинцы, белорусы, русские, маришцы, мордва, немцы, армяне, грузины, узбеки, таджики, казахи, чуваша. Все дружно трудятся в различных сферах деятельности. Строят ракеты и знаменитые машины «Урал». В поселке 25 улиц. Восстанавливается храм Михаила Архангела. Работает Администрация Тургойкского территориального округа, сеть магазинов, средняя школа (МКОУ СОШ № 2), модельная Павленковская библиотека, кибер-почта, детский сад, амбулатория, благоустроенный городской пляж, маршрутное такси, лесничество, экологический участок «Особо охраняемые природные территории». В поселке развивается культурный туризм.

На берегу красного озера и люди живут красивые, чтут свои традиции, культуру. Нрава не кроткого, хозяйственные, чистоплотные, рабающиеся — достойные и благодарные потомки своих предков. **УС**

В 1920-м при детской сельскохозяйственной колонии для трудновоспитуемых детей создана 1-я ячейка РКСМ. Секретарем стал Василий Лепешков. Деятельность ячейки была разнообразной: обучали неграмотных, вели антирелигиозную агитацию, помогали восстанавливать разрушенную ж/д станцию. Первый Сельский Совет находился в здании бывшей амбулатории.

Перед Великой Отечественной для детей-сирот была открыта изба-читальня. В военные годы она обслуживала много эвакуированных людей из Москвы. История Тургойкской библиотеки богата. От избы-читальни при сельском клубе стала учреждением культуры со значимым именем и статусом.

Конец 19 века. Фотография, не успев еще раскрыть всех своих возможностей, родила Кино. Естественно, первыми «киношниками» стали сами фотографы. Пальма первенства досталась братьям Люмьер, сыновьям владельца фабрики фотобумаг в Лионе (Франция). Их фильм «Прибытие поезда» (1895) с триумфом прокатился по всему миру. 1896 год — Москва, Петербург, Екатеринбург. В музее кино (в том же Лионе) есть афиша екатеринбургского киносеанса 1897 года: «С дозволения начальства. Городской театр. Единственный в мире аппарат движущейся фотографии. Синематограф Люьера. 48 сюжетов в четырех отделениях с антрактом». В 21 веке (2012) в Екатеринбурге даже поставят памятник братьям Люьерам (перед кинотеатром «Космос»).

Разумный кинематограф

Вскоре подключились и другие фирмы — французские «Братья Патэ» и «Гомон», русская «Ханжонков и Ко». Репертуар преобладал «кассовый», приносящий побольше дохода: от «Политого поливальщика» до «Купания женщины». Особенным успехом пользовался «Фантомас» (1913). К этому году относится и парадоксальная резолюция на одном из документов, подписанных Николаем II, самодержцем всея Руси: «Я считаю, кинематография — пустое, никому не нужное и даже вредное развлечение. Только ненормальный человек может ставить этот балаганный промысел в уровень с искусством».

А в Екатеринбурге в 1913-м стал выходить журнал «Разумный кинематограф и наглядные пособия» (редактор-издатель Н.П. Тихонов). Программное заявление (1913, № 1, август) гласило: «Главная задача — приспособление кинематографа для просветительских и учебных целей». На страницах журнала появились статьи «Пьянство и кинематограф», «Анти-пьяные ленты», «Кинематограф и дети», «Домашний и школьный кинематограф». К слову сказать, кинематограф стал постоянным увлечением Николая II и его семьи. Регулярно печатался «обзор разумных научных лент» (с описанием) по разделам: Духовно-нравственный отдел, Естественная история, Геология и минералогия, Технография и производство, Физика, География и Этнография, Спорт и гимнастика. Редактор Н. Тихонов часто выступал с лекциями: «Кинематограф — его значение в школе и науке» (даже в Перми — «пригородном стечении слушателей, до 1000 человек»). В 1913–1914 гг. вышло пять номеров журнала. Это были в России первые «ласточки».

Но начавшаяся Первая мировая прервала это начинание. В 1915 году Тихонов едет по городам Урала и Сибири (Омск) с чтением лекций о ходе войны с показом световых картин — «волшебный фонарь». Его просветительская деятельность на этом не закончится: он войдет в историю и советской кинематографии.

Николай Петрович Тихонов (1884–1942) — сын известного вятского фотографа П.Г. Тихонова. Кроме павильонной работы (портреты), он занимался и видовой съемкой: панорамы улиц Вятки выпущены в серии городских открыток и иллюстрируют книгу «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении» (редактор П.П. Семенов-Тянь-Шанский). Выполнял фотограф и заказы кустарных мастеровских и земских служб — отмечен за них медалью Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки (1887 г., Екатеринбург), «За трудолюбие и искусство» — от Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ, 1890 г.) и даже Золотой медалью и званием Члена Национальной академии сельского хозяйства, мануфактур и коммерции в Париже. Фотографическая известность сочеталась у него с общественной: заведовал Мастерской учебных пособий губернского земства, был церковным старостой и казначеем, членом-учредителем Вятской народной монархической партии — был ярким черносотенцем. Последнее и сказало в 1918 году: Петр Григорьевич был арестован красными в числе заложников и... расстрелян. Остались ученики: С. Лобовиков, прославившийся еще больше как мастер социальной светописы, В. Репин, который фактически

Евгений Бирюков

Краевед, историк фотографии на Урале. Собиратель и хранитель коллекции, старший научный сотрудник и экскурсовод екатеринбургского Музея фотографии (Дом Метенкова). Автор книги «Метенков и К — фото».

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Автор:
Екатерина
Александровна

Памятник основоположникам кинематографа братьям Люмьер открыт 27 августа, в День российского кино, перед киноконцертным театром «Космос» в Екатеринбурге

и унаследовал «Центральную фотографию», и сын Николай.

Старший из детей (всех было семеро) и первый помощник: проявлял и печатал (работа с реактивами), участвовал в опытах с электричеством, ездил в Германию, где освоил новейшую фототехнику и даже научную фотосъемку. Там же набрался свободолобия, что и привело к ссоре с отцом-монархистом (последний хватался даже за пистолет).

1906 год. У семейства были какие-то фотододела в Екатеринбурге, и Николая отправляют туда. Поступает на службу в УОЛЕ (помощник хранителя музея), организует Мастерскую наглядных пособий (передвижную), занимается научной документацией и фотографированием археологических находок и сам ездит в полевые экспедиции. Открывает собственную фотолабораторию и типографию (цинографию).

Увлекается кино и в 1913 году начинает издавать журнал «Разумный кинематограф» (вышло 5 номеров).

Первая мировая война. Февральская революция. Октябрьский переворот... 1918 год. НаркомПрос откомандировывает Н.П. Тихонова в Москву для организации (по распоряжению А.В. Луначарского) отделения научной фотографии при ФотоКиноКомитете, который вскоре становится экспериментальным институтом фотографии и кинематографии. Тихонов — его директор. Печатает ряд статей: «Кинематограф в науке и технике», «Кино и дети». Преподает в Государственном кинематографическом институте (ВГИК), получает звание профессора. Выходят его научно-популярные фильмы: «Тиф и борьба с ним», «Пчеловодство» и агитационные: «Как большевики укрепляют власть рабочих и крестьян» и др. В те 1920-е годы ро-

дилось и ставшее крылатым выражение: «Пока народ безграмотен, из всех искусств важнейшим для нас являются кино и цирк» (В.И. Ленин). Тихонову доверяют работу по восстановлению фотодокументов семьи Ульяновых. В 1926 году переезжает в Ленинград. В Кинотехникуме читает лекции по операторскому делу. Руководит Институтом археологической технологии при Государственной академии истории, материальной культуры. Пишет руководство «Фотография как метод размножения и сохранности документов» (1934), заведует Лабораторией консервации и реставрации документов (в составе Отделения общественных наук АН СССР).

1941 год, Великая Отечественная война, блокада Ленинграда. Николай Петрович умирает в феврале 1942 года. Бомбой разрушена и Лаборатория. Сын Алексей (1907) окончил фототехникум, работал в Государственном оптико-механическом заводе (ГОМЗ имени ОГПУ) по военному профилю, (дальномеры, прицелы и т.п.). После войны он добивается восстановления отцовской Лаборатории и работает в ней. В 1951-м переходит в Государственный Оптический институт (ГОИ) ведущим конструктором (стереофото, свет, витражи). Выйдет на пенсию (1968), сотрудничает с Государственным музеем Революции, пишет воспоминания. **УС**

Баяновы из слободы Заречной

В заречной части Верхотурья есть улица Баянова.

Почему и в честь кого она названа? Кто такой Баянов?

Откуда он появился в Верхотурье? Чтобы ответить

на эти вопросы, мы с моей бабушкой Валентиной

Михайловной Путимцевой, педагогом средней школы

№ 3, начали поиск.

Первые Баяновы появились в нашем городе почти одновременно с его основанием. Огромные пространства Урала были не обжиты. Царские глашатаи призывали жителей России заселить новый город на Туре. И люди, сорвавшись с насиженных мест, отправлялись в новые края. Каждый старался найти свою счастливую долю. Так вместе с переселенцами появился в нашем городе предок Баяновых, живший в Москве. Был он потомственным мастером-оружейником. И приехал на Урал с командой стрельцов Верхотурского гарнизона.

Семья Баяновых стала одной из первых поселенцев Заречной слободы, где в основном селились стрельцы и пашенные крестьяне. Для своего подворья Баяновы выбрали одно из красивейших мест на правом берегу Туры. Из домика, построенного на пригорке, открывался вид на Троицкий камень, у подножия которого протекала полноводная, в то время с прозрачной, как стекло, водой красавица Тура. На своем участке хозяин сохранил в первозданном виде кусочек нетронутой уральской тайги. Кто бывает в Заречной части города, обращает внимание на дом, в саду которого растут ель и старая лиственница, свидетельница жизни династии Баяновых. Долгое время в саду стояла трехъярусная деревянная смотровая вышка, возможно, с тех тревожных времен, когда еще опасались внезапного нападения коренных жителей этих земель — вогуличей.

Мастерство, трудолюбие, упорство были отличительными черта-

ми членов семьи Баяновых. Немудрено, что каждое поколение явило мастеров своего дела, умеющих пахать, сеять, плотничать, чинить разные механизмы.

Семья Алексея Михайловича и Евдокии Андреевны Баяновых состояла из 8 человек. Было шестеро детей. Сыновья: Николай, Александр, Егор, Алексей, дочери: Нина и Прасковья.

Николай был первым в семье. Родился то ли в 1883-м, то ли в 1885 году. Учился какое-то время в городском училище. Но по бедности ему вместе с братьями пришлось работать на заготовке дров, деловой древесины, благо, что силенкой и здоровьем Бог не обидел.

Позднее работал лесником. Незадолго до революции создал свою семью, женившись на дочери рабочего. Жена обшивала семью богатея Лапина. Детей у них не было. Жили в небольшом домишке, который находился в начале улицы Нагорной. Позднее этой улице и дадут имя Баянова. Их дом не сохранился.

Перед самой революцией Николай стал рядовым милиционером городской милиции. Тогда в Верхотурье милиции было две: уездная и городская. Уездная помещалась на втором этаже нынешнего здания администрации, а первый этаж занимала городская.

Когда формировался красногвардейский отряд для борьбы с колчаковцами, Николай Бая-

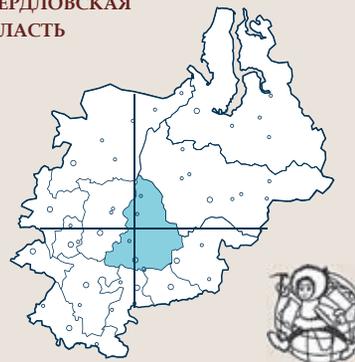
▶ Алексей Михайлович и Евдокия Андреевна Баяновы

Екатерина Шеянова

Студентка 3-го курса Уральского государственного университета путей сообщения. Любит животных, занимается краеведением и зоозащитой.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Уральский следопыт, ноябрь 2016

▲ А.М. Баянов (крайний справа)

▼ Родовое гнездо семьи Баяновых

▶ Алексей Алексеевич Баянов

нов в июне 1918 года добровольно вступил в него. В ночь на 14 октября 1918 года красногвардейцы вынуждены были оставить город, закрепившись для обороны у реки Актай. Вот как вспоминал события Елизар Михайлович Новгородов, который вместе с Николаем был в красногвардейском отряде: «Командиру отряда Волкову, что был начальником уездной милиции, срочно потребовалось послать в город надежного человека, выполнить какое-то важное задание. Выбор пал на выносливого и смелого Николая Баянова, хорошо знающего все тайные тропы. Когда Николай пробирался между зданиями казначейства (ныне Сельхозбанк) и уездной милицией, его заметили. Николай бросился к речушке Сви-

▶ А.А. Баянов с дочерью

► Музыкальная школа (1-й этаж)
в 1960-е годы

яге, надеясь, вероятно, вплавь перебраться на правый берег реки Туры».

Евдокия Семеновна Едигарьева жила на улице Крестьянской. Из окон ее дома хорошо был виден Троицкий камень. «Мы обедали, когда со стороны речки Неромки раздались глухие выстрелы. И вдруг Степан, подойдя к окну, увидел бегущего человека и как крикнет: «Да это же Баянов Николай! Вдруг грянул выстрел, второй... Мы выскочили из-за стола и увидели, как белогвардеец, сидевший на коне и стрелявший в упор в Николая, повернул коня и поскакал прочь. Братья выскочили на улицу, выбежали и мы. Детское любопытство, несмотря на страх, одолевало нас. Братья Циренщиковы Владимир и Иван побежали по плавучему мосту через реку Туру под Троицкий камень. В убитом сразу узнали Николая Баянова. Он лежал лицом вниз, головой к реке, широко раскинув руки. Мы, девочки, очень испугались и тихонько плакали. С оглядкой стали подходить взрослые. Кто-то уже сказал жене Николая. Спотыкаясь, она подбежала, упала на тело мужа и не плакала, а ревела, жутко было слушать...»

Тело Николая пролежало под Троицким камнем трое суток, так как не разрешали хоронить. Спустя трое суток убитого родственники тихо похоронили на городском кладбище. Могила Николая находится рядом с могилой его отца Алексея Михайловича.

Теперь о брате Николая — Алексее Алексеевиче Баянове.

Многие из Баяновых увлекались музыкой и пением русских народных песен, играли на музыкальных инструментах. Алексей Баянов самоучком постиг азы музыкальной грамоты, освоил игру на кларнете и скрипке. Когда призвали в армию, служил в музыкальной команде Владивостокского гарнизона. Понимая, что ему не хватает музыкального образования, Алексей нашел в Камышловое профессионального композитора Шоллера, окончившего Венскую консерваторию.

В конце 20-х годов он устроился на работу в Верхотурский детский дом имени Парижской коммуны. Руководил духовым оркестром. Воспитал из детдомовцев двух флейтистов для Свердловской филармонии. Когда в Верхотурье открылась музыкальная школа, создал оркестр баянистов. С ним Алексей Алексеевич выступал на всех праздничных меро-

приятиях. Кстати, музыкальная школа в те времена находилась на улице Карла Маркса в зданиях нынешнего гастронома и санэпидстанции.

Верхотурский композитор создал симфоническую поэму «Тайга». В 1952 году она прозвучала по всесоюзному радио.

Эту свою музыку Алексей Алексеевич писал около года, по ночам, так как днём требовала его заботы большая семья: жена Серафима Ивановна, дети — Феля, Еля, Екатерина, Светлана, Людмила, Алексей. Всех нужно было прокормить, обустроить, одеть. Год упорного труда — и один час звучания! Но в эту симфонию вошла вся его жизнь. Как мальчишкой уходил с инструментом в лес... Как вернувшись домой солдатом, привез в походном котелке саженец приморской ели и посадил на своей усадьбе... Как с женой и детьми ходили с ночевкой в лес за брусникой и клюквой и он у костра рассказывал ребятам о ночных звездах... Стук топора, голоса птиц, разговор реки — все это было в его поэме-симфонии.

Супруги Баяновы тоже похоронены на городском кладбище. Сейчас живы четверо детей Алексея Алексеевича. Двое из них — Людмила Алексеевна и Алексей Алексеевич — живут рядом с нами в нашем городе. Благодаря им мы многое узнали о династии Баяновых. Род Баяновых продолжит внук Алексея Алексеевича, который учится в первом классе средней школы № 3.

Наш поиск жизни и судьбы верхотурцев Баяновых только начинается. Но он обещает много нового и интересного. **УС**

◀ Ноты поэмы «Тайга»

Северные Шабровские каменные палатки

**Александр
Автаев-Уральский**

Магистр истории. Работал на археологических раскопках. С 2011 г. — главный библиограф информационно-библиографического отдела Свердловской областной библиотеки для детства и юношества. Увлекается фотографией, нумизматикой, бонистикой, филателией. Собирает коллекцию камней. Частный исследователь-генеалог.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

► Окрестности каменных палаток

Собирая информацию об археологических находках на Змеиной горке (которую иногда называют Шабровскими каменными палатками), я обнаружил, что мест с таким названием два: одно — южнее станции Седельниково, а второе — севернее ее. Необходимо было выяснить, в каком из двух мест конкретно проходили раскопки.

В один из декабрьских воскресных дней мы с отцом поехали на Северные палатки. Маршрут наш пролегал через деревню Большое Седельниково, до которой было около 35 км. От нее до Северных палаток 5,5 километра. Проехав деревню, мы повернули в сторону станции Седельниково. Дорога проходила вдоль небольшой речки Арамилки. Примерно через полтора километра асфальтированная дорога поворачивала к станции Седельниково. Прямо же следовала полузаметенная снегом грунтовая проселочная дорога. По обе стороны раскинулись поля.

Была середина декабря, а снег лишь по щиколотку покрывал землю в окрестных полях. Но ветер сметал его на дорогу, образуя сугробы и надувы, поэтому продвигаться по такой дороге было чрезвычайно трудно. Мы даже подумывали о том, чтоб оставить машину и идти пешком до пала-

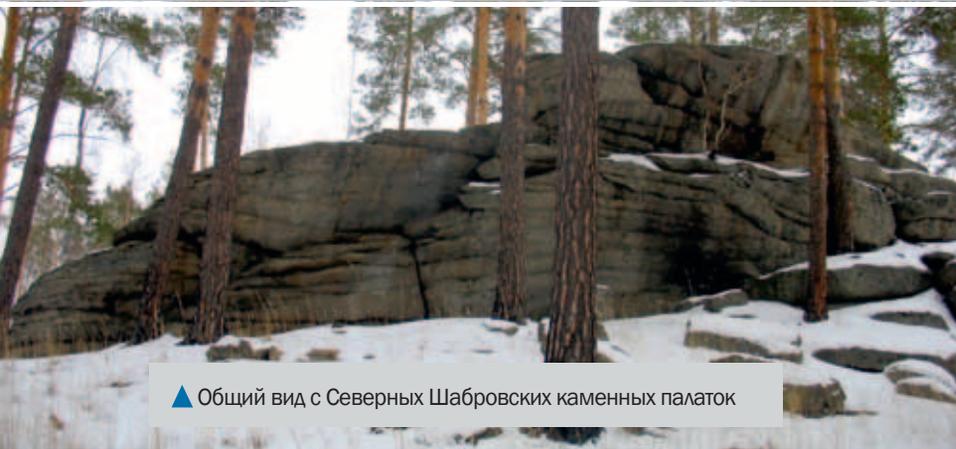
ток, однако нам удалось все же преодолеть снежные заносы. Метров через 800 от поворота с правой стороны дороги — небольшой бетонный автомобильный мостик через речку Арамилку. Через некоторое время показался и еще один мостик через эту же речку. Отсюда уже можно было разглядеть Северные палатки. За мостом — развилка дороги. Едем по дороге, уходящей влево, и подъезжаем непосредственно к палаткам.

Северные Шабровские палатки расположены на невысокой горке метров 10–15 высотой, в небольшом смешанном лесном массиве между дорогой и Шабровской нефтебазой. Высота Северных Шабровских палаток примерно 15–20 метров, протяженность — около 10–15 метров. Они представляют собой матрацевидные выходы палеозойских гранитов. Их «блинчатая» структура подобна структуре Кырманских

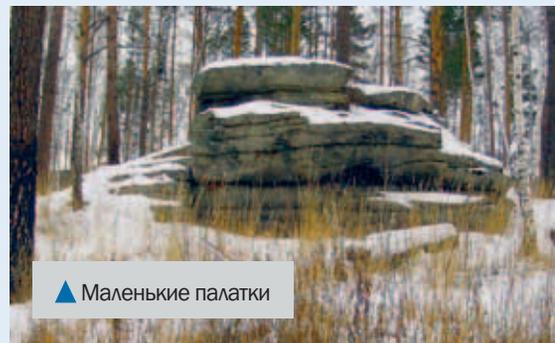

◀ Общий вид Северных Шабровских каменных палаток

▲ Общий вид с Северных Шабровских каменных палаток

▲ Маленькие палатки

▶ Отвесная стена Северных Шабровских палаток

▲ Жажда жизни

разного размера камни. Создавалось впечатление, что их намеренно кто-то раскидывал...

Забраться на вершину палаток весьма непросто, ввиду того, что одна сторона практически отвесная, а выступы плит расположены так, что затрудняют подъем на вершину. Тем не менее нам удалось туда забраться. С вершины палаток открывался интересный вид окрестностей.

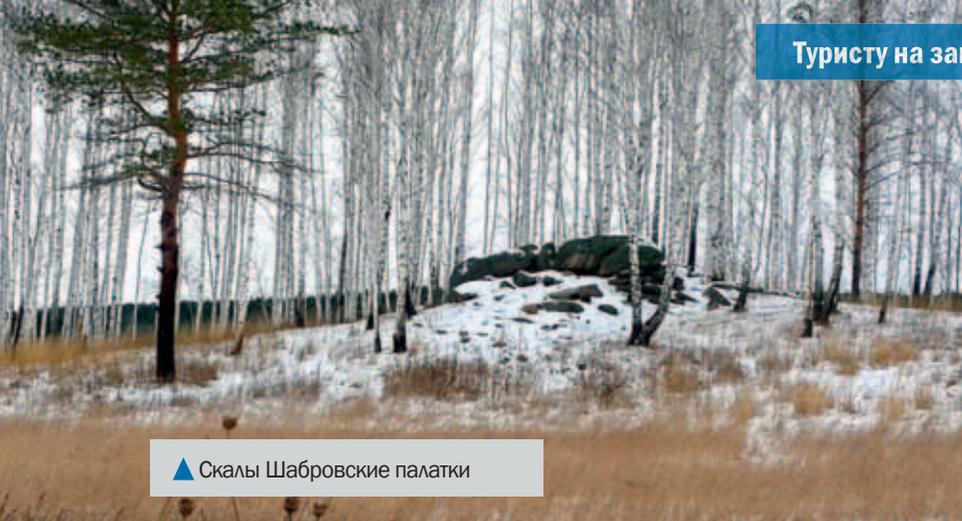
У подножия вертикальной стены в небольшой нише нами обнаружено кострище, а невдалеке — сосна, словно вросшая в каменную глыбу. То тут, то там из расщелин вылезают невысокие тоненькие березки, похожие на маленькие ростки травы, пробивающейся сквозь асфальт. Вообще удивляет способность деревьев и растений жить и расти в непригодных местах,

несмотря ни на что, даже между камнями... Так велика жажда жизни...

По всей поверхности стены в разных местах видны различного размера «ниши». Они представляют собой углубления с гладкой поверхностью. Наиболее вероятным способом происхождения этих «ниш» и скал вообще является эрозия скальных пород.

При разрушении образует гранулы (отсюда и название породы), состоящие из трех компонентов: кварца, полевого шпата и слюды. Граниты относятся к кислым интрузиям (подземным магматическим телам), и более, чем другие породы, подвержены выветриванию. В процессе охлаждения гранитной магмы на разных глубинах в ней появлялись вертикальные и горизонтальные трещины. В результате длительного выветривания возник-

скал, Шарташских каменных палаток, Чертова городища и прочих скал, находящихся в окрестностях Екатеринбурга. На достаточно большом расстоянии вокруг каменных палаток разбросаны

▲ Скалы Шабровские палатки

ли многочисленные матрацевидные плиты, которые, «накладываясь» друг на друга, образовывали каменные «палатки», или шиханы, внешне напоминающие причудливые столбы, башни, пирамиды или замки-крепости. Гранитные останцы почти всегда находятся среди леса и лишь в редких случаях превышают по высоте уровень окружающих деревьев. Почему скалы имеют такие причудливые формы и напоминают фигуры людей, животных или даже фантастические сооружения? Было время, когда думали, что странные нагромождения каменных глыб — дело рук сверхъестественной силы. Отсюда и названия многих из них — Чертово Городище, Чертов Стул, Чертов Палец и др. Позднее высказывались предположения, что имеющиеся в скалах-останцах ниши, округлые углубления, гигантские ступени сделаны первобытными людьми. Современная геологическая наука достоверно доказала, что скалистые обнажения — результат длительного развития гор и их разрушения: тысячи лет вода, солнце, лед и ветер, мхи и лишайники превращали горные породы в своеобразные каменные палатки.

Возможно, эти «ниши» образовались в процессе выветривания породы, однако известно, что гранит — очень прочный камень и плохо подвергается воздействию воды и ветра. Неясно также предназначение этих «ниш», если они сделаны человеком.

Одна из таких «ниш» входит в «композицию», которую я назвал «плачущий динозавр», поскольку форма и трещины в скале делают ее похожей на этого древнего животного.

В некотором отдалении от Северных палаток находятся маленькие палатки — одиночные скалы-останцы высотой около 2–4 метров, не представляющие особого интереса.

Осмотрев скалы, мы двинулись в обратный путь по другому маршруту: по дороге вдоль кромки этого небольшого леса. И обнаружили еще одни

скалы-останцы, которые можно назвать «скалы — Шабровские палатки», затем еще одни, в маленьком леске. С трудом миновали небольшой ручей, русло которого было неглубоким, но выступающие изо льда камни затрудняли движе-

ние. И вот мы на дороге, ведущей в город.

После анализа полученных фотографий стало понятно: раскопки были не на Северных, а на Южных Шабровских палатках (Змеиная горка), так как на фотографиях не совпадали рельеф местности, расположение останцев относительно друг друга. Также ни в литературе, ни в интернете мне не удалось найти каких-либо упоминаний о раскопках или найденных предметах (на Южных палатках найдены черепки разных орнаментированных сосудов, каменные и костяные орудия и другие мелкие изделия, много раздробленных костей животных).

Экскурсия доставила нам большое удовольствие: легкий морозец, свежий воздух, зимний пейзаж. Отлично проведенный выходной день! **УС**

ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ В ВАШИХ РУКАХ!

Малый и большой бассейны Спортивного центра «Верх-Исетский» ждут вас!
Обучение плаванию детей (от 1 года) и взрослых, свободное плавание,
работа в группах и индивидуальные занятия.

Камень Писанец

57° 01'49"N 60° 26'52"E

В северной части Исетского озера, у самого берега, над водой возвышается небольшая скала высотой около 10 метров — это камень Писанец. До 1946 года, когда водное зеркало Исетского озера достигло современного уровня, Писанец завершал каменистый мыс, выступающий в акваторию озера. С берегом скальный массив соединялся перешейком. Сейчас скала превратилась в остров, отделенный от берега заболоченной отмелью. На туристических картах и в путеводителях по окрестностям Екатеринбурга Писанца не найти, на его месте указан лес и устье ручья Лебяжки. Со стороны деревни Мурзинки и города Среднеуральска его не видно, поэтому посещается он довольно редко.

Поднимающаяся из воды скала интересна не только своим живописным видом, раньше она была хорошо известна среди любителей и профессиональных археологов благодаря наскальному рисунку, располагавшемуся на стороне, обращенной к центру озера. Впервые на древнее изображение возрастом более 4 тысяч лет обратил внимание в 1856 году екатеринбургский священник Макарий. В 1914 году у скалы побывали и описали нанесенную охрой писаницу члены УОЛЕ В. Я. Толмачев и Н. А. Рыжников, а в 1940 году рисунок был обследован уральскими археологами П. А. Дмитриевым и Е. М. Берс.

Подъем уровня озера скрыл древний рисунок, сейчас он находится на глубине более метра и состояние его неизвестно.

Летом 2018 года Россия готовится принимать финальную часть 21-го Чемпионата мира по футболу. Проведение игр финала запланировано в 11 городах. В начале лета в Екатеринбург, представляющий весь Урал, съедутся тысячи болельщиков, участников этого масштабного события. Для нас это возможность показать соотечественникам и зарубежным гостям наш край. Что же мы можем предложить посмотреть туристам разного уровня подготовки и интересов

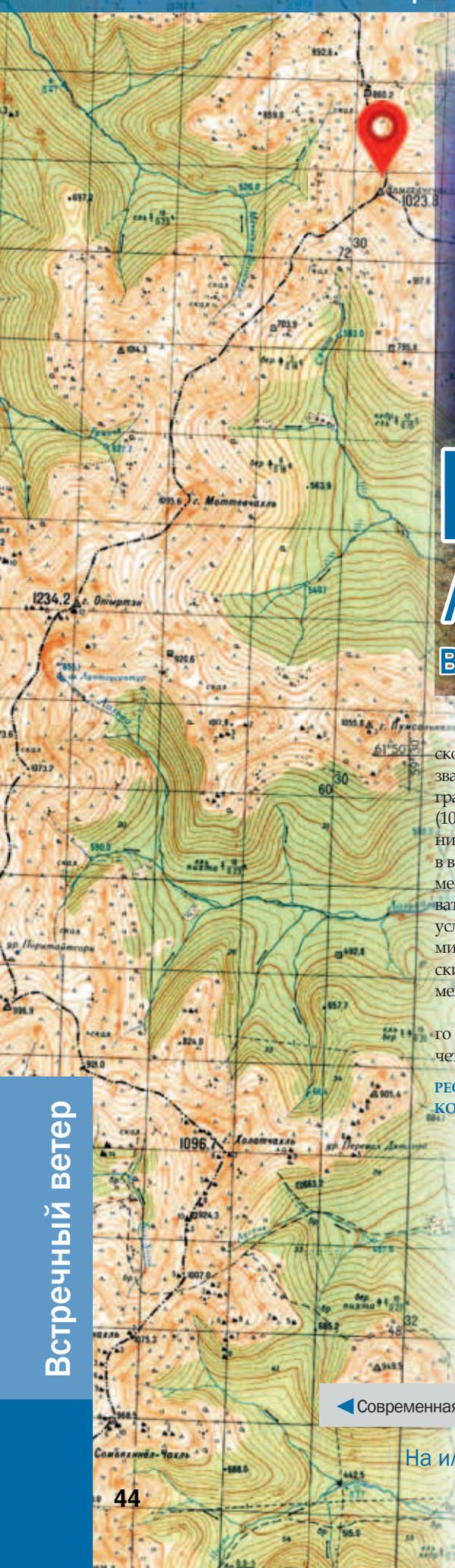
между матчами? Для участников большого футбольного праздника мы предлагаем на территории региона познакомиться с достопримечательностями. Для каждого объекта дается краткое, но объективное описание и точная координата. Турист сможет самостоятельно, используя современные средства навигации, спланировать поездку от места проживания и посетить предложенный объект или связать их в маршрут. А затем опять отправиться на стадион, поддержать спортсменов.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Евгений Тамплон

Издатель, фотограф, исследователь Урала.
Член-корреспондент Российской академии
естественных наук.

Вершины

Лосьвинского Крючка

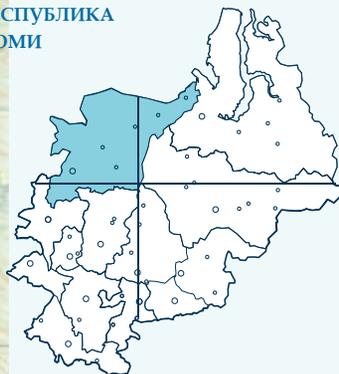
Вершины верхлозьвинского перевала

В самой северной точке Свердловской области находится вершина, название которой на современных географических картах — Яныгхачесял (1023,8 м). На картах обычно последний компонент названия записывают в виде Чахль, что не соответствует форме мансийского языка. Следует записывать — сял. На макушке горы имеется условная точка, в которой сходятся административные границы трех уральских территорий: Свердловской и Тюменской областей и Республики Коми.

Гора находится на линии Главного Уральского водораздела. Она имеет четыре отрога. Два из них совпадают

с направлениями Главного Уральского водораздела, один из которых от вершины отходит в северном направлении, а другой — на юго-запад. Третий отрог тянется на юго-восток, а четвертый — на северо-восток. На склонах горы находятся истоки нескольких рек. На западном склоне лежат истоки р. Маньская Волосница (приток р. Печоры). На юго-западном склоне расположен исток р. Сульпа (приток р. Лосьвы). На юго-восточных склонах горы берет начало р. Ахтыл (приток р. Лосьвы). А на северо-восточных скатах находятся истоки р. Правой Сосьвы. На макушке горы расположено плато, на кото-

РЕСПУБЛИКА
КОМИ

◀ Современная карта района верховий р. Лосьвы

Владислав Карелин

Заслуженный путешественник России, мастер спорта по туризму, действительный член Русского географического общества, уральский краевед, автор более 500 статей, в том числе в журнале «Уральский следопыт», начиная с 70-х гг. прошлого века.

На иллюстрациях используются картографические названия гор

▲ Перевал, расположенный к западу от горы (фото К. Юхновец)

ром имеется геодезический тур. Практически вся площадь горы расположена выше границы леса.

Вероятно, впервые название горы было записано участниками Североуральской экспедиции Императорского Русского географического общества, посетившими район вершины в 1847 г. Один из базовых лагерей экспедиции находился в верховьях р. Маньская Волосница. Из этого лагеря начальник экспедиции Э. Гофманн и Ф. Брант поднялись на гору. Судя по опубликованным материалам, имеющимся в моем распоряжении, это было первовосхождение, письменно

▲ Останец на плато вершины Яныгхачесяхл. Фото экспедиции «Уральского следопыта». Июль 2016 г.

зафиксированное. Хотя, беспрерывно, ранее на эту гору неоднократно поднимались безвестные манси. Гофманн измерил высоту вершины и записал ее название — Яны-Гачет-Ур. Н. Стражевский, руководитель второго отряда этой экспедиции, в своем дневнике привел такое же название горы — Большой Гачет-Ур. Экспедиционный топограф Д. Юрьев в своем «Топографическом описании Северного Урала и рек его обоих склонов» гору именует Яны-Гачет-Ур. В опубликованном отчетном томе о результатах, полученных экспедицией, приведен список вершин, у которых в ходе обследования были определены отметки высоты. В этом списке числится гора — Яны-Гачет-Ур.

В 1886 г. в районе горы проводил геологические исследования Е. Федоров, будущий российский академик. Он в 1888 г. составил «Геологическую карту бассейна реки Лозьвы, верхней части реки Вишеры и прилегающих частей Северного Урала». На этой карте в верховьях рек Сольпы, Малая Печора и Актель, т.е. на месте современной вершины Яныгхачесяхл, указана гора Яны-Хачет, а рядом, несколько юго-западнее, нанесена гора Хайс.

В 1888–1889 гг. на Северном Урале проводил лингвистические исследования венгерский исследователь Б. Мункачи. Он собрал сведения по языку манси, включая диалекты, и позднее издал четыре тома мансийских текстов и два тома комментариев. В материалах Мункачи название горы записано в виде — Xatsit-Saxl (Хатсит-Сяхл).

Известный уральский кинооператор М. Заплатин в рассказе об одном из своих киносъёмочных уральских путешествий название Горы записал — Хасьсяхл.

В середине XX века уральские топонимисты Г. Глинских и А. Матвеев гору именуют — Яныг-Хась-Сяхл, приводя также оронимы Мань-Хась-Сяхл и Хась-Сяхл.

Уже в начале XXI века Т. Слинкина в своей фундаментальной книге «Мансийские оронимы Урала», используя запись Б. Мункачи, приводит название горы — Яныг-Хатсит-Ур-Сяхл, и впервые дает перевод оронима: '[Высшая] вершина на большом протяженном крапчатом кряже' от хатсит 'крапчатый, с пятнышками, пестроватый'. И при этом поясняет, что «горы, на которых долго удерживаются пятна снега, считаются пестроватыми». Однако пят-

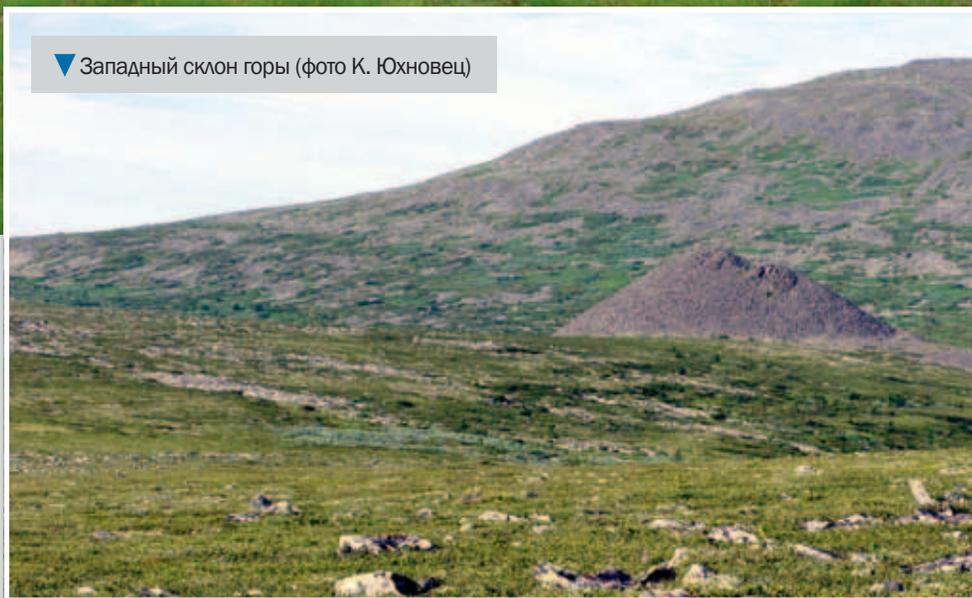
▼ Куча щебенки (фото К. Юхновец)

▼ Северный склон горы (фото К. Юхновец)

▼ Западный склон горы (фото К. Юхновец)

на снега одинаково долго удерживаются не только на горе Яныг-Хатсит-Сяхл, но и на многих других вершинах, окружающих ее. Поэтому вариант названия хатсит 'крапчатый' не отражает отличия горы от других вершин. В порядке дискуссии возможно рассмотреть следующее объяснение.

Выпишем все вышеприведенные названия горы: Большой Гачет-Ур-Сяхл, Яны-Гачет-Ур, Хайс, Хасьсяхл, Яныг-Хась-Сяхл, Хатсит-Сяхл, Яныг-Хатсит-Ур-Сяхл.

Первая часть названия горы — Яныг — несомненно 'большой' (манси). Слово гачет можно представить как гач + ет. Согласные буквы Г, Ч в мансийском языке встречаются только в заимствованных словах. Поэтому вместо согласной Г следует писать согласную К, которая в мансийском языке зачастую заменяется на согласную Х. В мансийском языке звонкая согласная буква Ч практически отсутствует. Вместо согласной Ч следует проставить согласную С. Тогда гач = хас. В результате название с морфемой гач соответствует названиям с морфемой хась, хайс. По таким же соображениям морфема гачс = хатс. Таким образом, гора, возможно, имела два параллельных названия с морфемами ХАС и ХАТС.

В мансийском языке сохранилось слово хас 'крючок (рыболовный)'. Тогда гора Яныг-Хасет-Сяхл 'Большая гора [на] крючке' или 'Большая гора, [расположенная на] крючке', где -ет —

суффикс местного падежа. Здесь под «крючком» понимается большой изгиб линии Главного Уральского водораздела, расположенный в верховьях р. Лозьвы с притоками. Гора Яныг-Хасет-Сяхл размещена как раз на начальном северном участке такого «крючка». Севернее горы Яныг-Хасет-Сяхл водораздел уходит в направлении юг-север. А южнее горы линия водораздела значительно отклоняется к западу. Но затем, обогнув верхние правые притоки р. Лозьвы, возвращается к востоку. И «Лозьвинский Крючок» оканчивается на вершине, имеющей название на современных географических картах — Холат-Сяхл. После последней линии Главного Уральского водораздела снова имеет направление север-юг. Несомненно, от природы внимательные и наблюдательные манси не могли не заметить искривление линии водораздела, что и зафиксировали в орониме Яныг-Хасет-Сяхл.

Далее рассмотрим второй вариант пояснения названия горы. Б. Мункачи и Т. Слинкина используют в названии горы слово хатсит. Учитывая возможную диалектную замену гласных букв А-У, а также И-Е, получаем хатсит-хутсет, где хутс от хутсуңкве 'гнутья'; -ет — суффикс местного падежа. В итоге имеем: Яныг-Хутсет-Сяхл 'Большая гора, [расположенная на] изгибе [Главного Уральского водораздела]'. Таким образом, оба названия горы (Яныг-Хасет-Сяхл и Яныг-Хутсет-Сяхл) поясняют географическую особенность горы: она расположена на изгибе Главного Уральского водораздела, который имеет вид, подобный «крючку».

Попутно отмечу, что Д. Юрьев со слов манси сделал любопытную запись: чертосём-урр 'линия разделения

▲ Трангуляционный знак на вершине Яныгхачесяхл. Фото экспедиции «Уральского следопыта». Июль 2016 г.

вод! Такая запись также является своеобразным топонимом. Слово чертосём разделим на две лексемы: чертосём = черт + тосём. Здесь первая часть с учетом замены согласных Ч на С и гласных Е на Ю, а также введения второй согласной буквы Т означает сокращенное спорт от спортмил 'линия, черта'. А вторая часть — тосам 'сухой, сухо'. В результате получаем: спорт-тосам 'сухая [горная] линия [водораздел]'. Здесь имеем весьма образное восприятие горного водораздела как 'сухой линии', с которой вода обязательно стекает по обоим склонам, и водораздел остается сухим.

В свете вышеизложенного можно полагать, что название р. Хозь-Я

также происходит от корня хās 'крючок'. Истоки этой реки расположены на вышеуказанном изгибе линии Главного Уральского водораздела. Тогда р. Хозь-Я, точнее Хās-Я Река, [имеющая истоки на горном] крючке, [горном] изгибе'.

В заключение отмечу, что топограф Д. Юрьев в своем описании Северного Урала четко зафиксировал наличие двойного изгиба Главного Уральского водораздела в верховьях р. Лозьвы. Можно полагать, что такую географическую деталь подсказали ему манси, которые в качестве проводников сопровождали экспедиционный отряд Русского географического общества. **УС**

▼ Вид со склона горы на кучу щебенки (фото В. Дей)

Государственное унитарное предприятие санаторий «Карагай» Республики Башкортостан

Основан в 1969 году

В живописном месте на берегу чистой горной реки Ик, в 300 км от городов Уфа, Екатеринбург, Пермь, Челябинск, в сосновом бору расположилась одна из лучших здравниц Республики Башкортостан - санаторий «Карагай». Великолепные вековые сосны и журчание реки создают атмосферу уюта и покоя. Сегодня санаторий «Карагай» является центром, предоставляющим многосторонние услуги по оздоровлению и восстановлению здоровья. Природные факторы как сапропелевая грязь озера Культубак, минеральная вода «Карагай» и хвойный воздух способствуют лечению заболеваний опорно-двигательного аппарата, органов дыхания и пищеварения, нервной системы, кожи и подкожной клетчатки, гинекологии и урологии.

В сентябре 2016 года открылось отделение лечения позвоночника, предлагающее услуги тракционной терапии: дозированное компьютерное «сухое» вытяжение шейного и поясничного отделов позвоночника на многофункциональном комплексе «Ормед профессионал», дозированное подводное вытяжение шейного и поясничного отделов позвоночника в природной минеральной воде на многофункциональном комплексе «Акватракцион», аппаратная кинезиотерапия на установке для активно-пассивной механотерапии позвоночника «Ормед кинезо».

Прекрасное место для семейного отдыха!

Республика Башкортостан, Мечетлинский район, с.Большеустыкинское, ул. Курортная, 90

тел. (34770) 2-08-52, 2-08-49 www.karagay.ru

УРАЛЬСКИЙ **снеговим** ИСМН 0124 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снеговим** ИСМН 0124 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www.uralstalker.com

Ноябрь 2016

Аэлита

50

Координаты чудес

ЭДУАРД КОРИДОРОВ

Маленькая рыбка в океане

50

Маленькая рыбка в океане

Повесть

Эдуард Коридоров

Екатеринбургский журналист, публицист, литератор, поэт. Занимается политическим консалтингом. Родился 25 октября 1969 года в г. Нижний Тагил. Окончил факультет журналистики Уральского госуниверситета им. А. М. Горького. Работал в газете «Екатеринбургская неделя» (1991–2005), публиковался в целом ряде уральских и федеральных СМИ. Далее занимал руководящие должности в ОАО «Уралкалий», ОАО «Первоуральский новотрубный завод», украинском холдинге «Метинвест». Автор книг «Мига единого ради» (Свердловск. Старт. 1991), «Стихотворения» (Екатеринбург. Уральский литератор. 1994), «В коридорах власти с Эдуардом Коридоровым. Политический дневник, ноябрь 1997 — май 1998» (Екатеринбург. Лавка. 1998), «Сорок градусов» (Березники. 2009), «Фура с пряниками. Избранное смехотворчество» (Березники. 2011). Соавтор публицистических книг «Под счастливой звездой» (Екатеринбург. Средне-Уральское книжное издательство «Новое время», 2002), краеведческого двухтомника «Екатеринбург — Свердловск — Екатеринбург. История городской власти, 1745–2005» (Екатеринбург. Средне-Уральское книжное издательство «Новое время», 2003 (первый том), 2005 (второй том)), нескольких детских книг.

1. Котёнок

Протяжным, ликующим криком: «И да будет так во веки веков, до крайнего времени мира», — Майор завершил вечерний лохотрон, и я тут же прошмыгнул через всю казарму к каптёрке.

Всё было рассчитано точно. Буйвол, дежурный по каптёрке, обычно заканчивал молиться последним. Вот и сейчас его туша замерла в последнем поклоне всемилостивейшему Лоху. Мне всегда было интересно, что за просьбы адресует Буйвол небесам в этот святой момент. Я нарочно подстерегал, с каким выражением лица он распрямится: вдруг найду отгадку. Но глазки Буйвола глядели на мир после молитвы сонно и равнодушно.

Сам я прошу всемилостивейшего Лоха об одном: лишь бы завтра пронесло, лишь бы не назначили спортивный день. Единственный вид спорта, где я чувствую себя уверенно, — это футбол. Как-то само собой оно получается — подхватить мяч, обвести защитников и легонько закинуть в пустой угол ворот.

Красться, обманывать, отводить глаза пляской на ровном месте — это да, это моё. За это меня здесь и прозвали Котёнком. Ну, ещё, пожалуй, на кросс выносливости хватит. Ноги у меня сильные. А вот бороться или гири выжимать я даже не берусь. Кишка тонка. Все знают об этом, и Капитан-2 знает. Он у нас ответственный за выживаемость. Каждый раз издевается надо мной почём зря. Самолично подвесит на перекладину и кроет меня матом, пока я болтаюсь на ватных руках. А всё отделение покатывается со смеху. Однажды, пока я так висел, похабник Ананас сдёрнул с меня штаны — и ничего не попишешь, пришлось позориться: Капитан-2 стоял рядом и не давал спрыгнуть на землю.

У Ананаса — вечный стояк, он всем об этом уши прожужжал, ни о чём другом говорить не способен. Рожа у него паскудная — узкая, всегда лоснящаяся, и даже глаза как будто жиром намазаны. Однако же в отделении нашем Ананас всем — свой в доску. А взять меня или, например, Красавчика — нас считают слабаками. Устраивают нам мелкие пакости. Майор на той неделе, после больших учений, прямо заявил, что мы с Красавчиком не заслужили высокое звание мучеников. Заявил перед строем. Я всё на Полковника смотрел — ждал, может, Полковник защитит нас как-нибудь. Ведь тогда, на учениях, когда у меня заклинило торпедный механизм и я еле-еле сумел резервной торпедой поразить цель, он молча подошёл и взъерошил мне волосы, как сыну. Так, что я чуть не заревел, совсем забыл, что руки бывают такими. Родными, живыми, добрыми. Наверное, с того момента ко мне и начала возвращаться память.

Тёплые вещи и загодя собранный рюкзак лежали там, где я их спрятал — в укромном уголке каптёрки. Я накинул бушлат, спрятал шапку за пазуху: хоть и конец лета, а ночи холодные, пригодится. Из снаряжения приглядел самое простое и необходимое — компас, пехотную лопату, перевязочный пакет да фонарик. Никаких бронжилетов, шлемов и прочего железа, которое только стесняет движения. Под которым мы задыхаемся на тренировках. Оружие я тоже не беру. Отвоевался.

Окно в каптёрке я изучил ещё пару дней назад. Его сроду никто не открывал, мало того, его створки были плотно притиснуты ржавыми гвоздями. Но гвозди эти я аккуратно расшатал, и теперь их можно было отогнуть. Полминуты, не больше, ушло на то, чтобы распахнуть одну створ-

ку. Пыльную, слежавшуюся духоту, наполненную острым запахом ношенной обуви, полоснула струя свежего воздуха, и у меня слегка закружилась голова. До земли было метров шесть, не меньше. Пора двигаться. Я тихонько выглянул наружу, в казарму: надеюсь, больше мне здесь не бывать. Майор уже ушёл, он никогда не задерживается в отделении после солдатского лохотрона — спешит на командирский. Буйвол зевал, широко открыв пасть с крупными, ровными зубами. У него всё по расписанию. Сейчас он вразвалочку потопает в сортир, и только после этого — сюда, в каптёрку, готовить экипировку для завтрашних занятий.

Лох с вами, ничего сильно уж плохого вы мне не сделали, счастливо оставаться. А я пошёл.

Рюкзак был под завязку набит консервами, и хлебом, и кое-какой полезной амуницией, я приготовил его вчера во время ночного дежурства по кухне. В кармане бушлата лежал моток крепкой верёвки. Один её конец я привязал к железным рёбрам батареи, второй — к рюкзаку. Тяжёлый груз скользнул вниз, в кромешную тьму. Вот он достиг земли, лёг на неё мягко, беззвучно. Теперь моя очередь.

На обшарпанном столике, рядом с журналом учёта экипировки и уставом мученика, я заметил гильзу от крупнокалиберного патрона — мы такими частенько пуляем на учениях. Прихватил гильзу на память. Сразу подумалось, остро и печально: у меня совсем нет вещей, которые напоминали бы о прошлом. Поэтому и память о нём тусклая, равная, плохая, всё равно как если смотреть в прошлое сквозь Докторовы вечно захватанные пальцами очки.

Я ухватился за верёвку и перекинул ноги в проём окна. Свободной рукой поплотнее прикрыл

оконную створку: чем позже обо мне спохватятся, тем лучше.

Долго стоял внизу, прислушивался. Тишина была почти мёртвой. Невдалеке чуть слышно шумело море — от здания казармы, от плаца дорожка вела прямо к базе подводного террора, где мы осваивали управление атакующими капсулами. А на плацу и на полосе препятствий Капитан-1 учил нас боевой тактике. Нельзя спешить равномерно, говорил он. Нужно быстрые движения постоянно чередовать с медленными, наблюдение — с действием. И тогда ты будешь недосыгаем для нечистых, врагов рода человеческого, а сам сможешь нанести им большой урон.

Мне стало немного жаль, что я так и не убил ни одного нечистого. В конце концов, слабаком я становлюсь только в спортивные дни. А на учениях мне просто не повезло, такое могло случиться в любой подводной капсуле. Я хотел бы стать мучеником.

Пока не начала возвращаться память, я только об этом и мечтал. Всё подгонял время — когда же настоящее дело, когда я спущусь в капсулу не для тренировки, а для борьбы, на которую настраивает нас Майор, для борьбы с прогнившей, оскорбляющей мир цивилизацией нечистых, борьбы насмерть? Всемиловитивший Лох обязывает нас хватать и убивать нечистых, где бы они не встретились, изгонять их из тех мест, откуда они изгнали нас. Но Лох обязывает и заботиться о своих ближних. Мне пришлось выбирать одно из двух. Я точно знаю, что никто, кроме меня, о маме не позаботится. Нечистые были, есть и, к сожалению, будут, а маму я одну не оставляю. Прекрасно помню, что говорил об этом Лохань святой веры. Те, кто отсиживается дома, на целую степень ниже

тех, кто сражается во имя Лоха, жертвуя своей жизнью.

Ниже так ниже. Ну и пусть. Наплевать, что здесь подумают обо мне. Кроме, разве, Полковника. Но ведь он не стал со мной говорить о маме. Он цыкнул зубом и сказал: учи устав, Котёнок. У мученика нет ни ближних, ни дальних, нет ни боли, ни радости, нет ни жизни, ни смерти, есть только враги — нечистые, и есть только долг — убивать их, пока милосердный Лох не заберёт тебя на небо, в сады, где текут ручьи, и не обрушит в пекло твоих врагов. В возмездии — основа краткого существования мученика. Это я помню наизусть, в этом я клялся кровью, но в момент клятвы я напрочь забыл о том, как трудно без меня маме. Пусть побег мне простится. Полковник ни за что не отпустил бы меня, я это понял. И я уловил, что Полковник меня жалеет, только не хочет, чтобы это видели все вокруг. В сердце мученика нет места жалости, трусости и сомнениям.

Длинными перебежками я приблизился к заболоченной речке, которая перерезала расположение нашей части. Рюкзак хорошо сидел на спине, мощными вдохами я вгонял в себя резкую, дрожащую прохладу, изо рта шёл чуть заметный пар. Через речку был путь по невысокому мостику, я ходил по нему тысячу раз, но сейчас это опасно. Над мостиком установлена видеокамера, и дежурный по штабу заметит меня. Нужно идти вброд. Промочу ноги, но ничего, в лесу, убежав подальше, разведу костёр и высушу лёгкие кожаные «вздоходы». А в сапогах далеко не ушагаешь.

Там, за речкой, у резервных ворот, находится караульный пост, где сегодня должен коротать ночь Красавчик. Вот тут я рисковал. Если Красавчика по какой-то причине в карауле не окажется, если

Доктору взбрѣдет в голову оставить его в медсанчасти, пиши пропало. Придѣтся под прицелом автоматически наведѣнных пулемѣтов и под присмотром всё тех же видеокамер кромсать проволоку и зайцем прыгать по заминированной полосе, неудачу. И очень даже не факт, что после всего этого от меня останется хотя бы клочок гимнастѣрки.

Но выжидать удобного стечения обстоятельств было невмоготу. Решил — так решил. Смерть, причинѣнная оружием, — удел достойных. В любом случае.

Я подкрался вплотную к караульной будке и не торопясь восстановил дыхание. Перед будкой чуть покачивался яркий колокол света. Сейчас я встану в этот колокол и помашу руками — караульный увидит меня на мониторе и обязан будет взять меня на прицел и окликнуть.

«Котѣнок? — не по уставу спросил Красавчик, это был он. — Ты чего?»

В динамиках слышно было, как он снимает с предохранителя автомат. Дружба дружбой, а служба службой.

«Дело есть, — сказал я. — Выйди, скажу. Только в штаб погоды докладывать. И не шуми сильно».

Случись такая история, если бы я стоял в карауле, — доложил бы в штаб немедленно. И пульнул бы по нарушителю без раздумий, как того требует устав. Даже по Красавчику пульнул бы. Не зря же сказано: сегодня нарушишь закон в пользу своего, завтра — в пользу нечистого.

Но Красавчик — действительно слабак. Он из тех, кто не создан для войны. Потому и пригрелся у Доктора.

Пускай слабость Красавчика пойдѣт мне на пользу. Я-то ничего дурного не делаю. Мне просто нужна свобода.

Форменная одежда сидела на Красавчике как на корове седло. Выйдя из караулки, он остановился на границе света и тени, и его белоснежное лицо мягко светилось, как светится луна в самый глухой ночной час. Пушистые ресницы удивлѣнно хлопали, гоня волны света мне навстречу. И зачем всемилостивѣйший Лох награждает мужчин бесполезной красотой? Сколько из-за неё Красавчику перепадает насмешек и неприятностей. Но у него хотя бы защитник имеется — Доктор.

«Т-ты чего?» — повторил Красавчик, слегка заикаясь. Он всегда заикается от волнения.

Я уже рассказывал ему о маме. Мы частенько ходили с ним на берег речки, в камыши, и сидели там, глядя на воду и лениво перебрасываясь фразами так, ни о чём — о том, что было сегодня, о жестоком Капитане-2, о Полковнике, о Докторе. О Майоре и ребятах мы говорить не любили — и так всё ясно, чего там. С тех пор, как стала вспоминаться мама, я чуть не каждый вечер звал Красавчика на речку. За день накапливались всё новые крупницы памяти. Я вспомнил в мельчайших подробностях её лицо, руки, одежду, я видел, как она полулежит в своём вечном кресле, видел её скорбную улыбку, контраст между потрескавшимися, состарившимися губами и молодым упругим лицом. Но как её зовут и почему она не может двигаться, — этого я не мог вспомнить, как ни силился.

Красавчик терпеливо выслушивал меня и не переставал хлопать девчачьими ресницами. О своих родителях он не помнил ничего. Полный ноль. Такое ощущение, что я здесь, в нашем лагере, и родился, удивлѣнно говорил Красавчик. Мы попробовали осторожноенько повыспросить ребят об их прошлом — но те в ответ лишь крутили пальцем

у виска. И они были правы. Мученику не пристало думать о постороннем.

«Я решил уйти из части, — сказал я Красавчику. — Мама там совсем одна. Мне надо к ней».

«Т-ты чего? — в третий раз прошелестел Красавчик и сморщил нос, как будто приготовился заплакать. — А как же клятва? Ты ничего не успеешь сделать для мамы. Тебя поймают и отдадут под суд. Сам знаешь, что такое военное лохосудие. От него снисхождения не жди. Оттуда живыми не возвращаются».

«Отсюда тоже».

Красавчик горестно помотал головой. Уж кому-кому, а ему помирать не хотелось. А отвечать за мой побег, как ни крути, придётся.

Одним движением я сорвал с него автомат, уроки Капитана-1 не прошли даром. И саданул по светлокаштановым отросшим волосам, Доктор позволял ему вольности. Прости, Красавчик. Но теперь с тебя взятки гладки. За такую оплошность не расстреляют. Разве что посадят в яму на месяц-другой.

Я прихватил и автомат, и сумку с магазинами — на случай погони. А не понадобятся — брошу. В караулке было тихо, этот дурачок и впрямь не отправил сообщение в штаб. Значит, времени у меня вагон.

Я усадил обмякшего Красавчика на стул, связал его. Немного поколебался, но рот затыкать не стал — пускай кричит, если захочет.

Представил, как заохает, засуетится Доктор над своим любимчиком. Хорошо, когда есть кому над тобой суетиться. Бедная моя мама.

За воротами сплошной стеной стояли невысокие тёмные заросли. Позади, далеко за речкой и спящей казармой бесшумно лежало море, и только ветер изредка доносил до меня его приторное дыхание.

Я до дыр доизучал секретную карту, которую прихватил во время последних учений из подводной капсулы. Мне следовало двигаться в сторону, противоположную морю. Конечную цель я тоже хорошо себе представлял — название нашего посёлка, в отличие от маминого имени, вспомнилось почти сразу.

Взяв хороший темп, я врубился в заросли. Теперь следовало бежать, бежать и бежать, и внимательно следить за дыханием. Я и бежал. За спиной чуть раскачивались вещмешок и автомат, по бедру мерно хлопали фляжка и сумка с тремя магазинами к автомату. Я всё бежал и чувствовал, как где-то внутри медленно растёт, воздушным шаром распирая грудь, новое, подымающее над землёй чувство. Как он называется? — гадал я между делом.

На ум пришло одно слово — свобода. И едва оно прозвучало, мне стало стыдно перед ребятами, которым суждено помереть ради другой, большой свободы — свободы от врагов рода человеческого. Ведь наступит когда-нибудь время, когда они перестанут совращать людей с пути Лоха, неверие сгинет, и станут верующие поклоняться только Лоху.

Но я сейчас желаю другого, стремлюсь к другому, думаю о другом.

2. Доктор

«Ну, что скажете, отцы-командиры?».

Полковник, уставившись строго в стол, цыкнул зубом, по милому своему обыкновению. Ужасно бесит это презрительное цыканье. Сто раз я ему предлагал законопатить зуб. Отказывается. Прощёл чёрт знает через что, на теле живого места нет, лицо — как мятая жестяная банка, а боли боится.

В кабинете Полковника — весь цвет военной мысли. Вся банда. Только что о побеге Котёнка докладывал Капитан-2. Уже тёпленький. И так-то не семи пядей во лбу, а спяну и вовсе слова забывает.

Первым, естественно, полез наш стукач, наш наместник Лоха на земле — Майор. Во все стороны посыпались громы и молнии.

«С такой дисциплиной мы не выполним наше задание! Под угрозой важнейшая операция, от которой зависит успех вековой борьбы за свободу и независимость наших народов! Братья по вере, проливая кровь, с надеждой смотрят на нас, а мы беспечны, как нечистые в своих зачумлённых мегаполисах!».

Ну, и дальше в том же духе. Все с интересом ждали, когда Майор от проповеди перейдёт к конкретным предложениям. Будь его воля — он давно бы всех присутствующих поставил к стенке. Но руки коротки. Святой Лохариат читает его кляузы, копит компромат, но людоедскими санкциями не разбрасывается. Оно и понятно: торчать на краю света и дрессировать мучеников мало кто желает даже за большие деньги. Да ещё под руководством стукача-истерика. Ну, Полковник — отработанный материал, где и кому он нужен? Единственный кадровый военный с академическим образованием и боевым опытом — Капитан-1. Он как-то проговорился мне, что мечтает не о карьере даже, — её очень просто сделать на войне, где командиров щёлкают по ущельям, как горных козлов, — он мечтает, на минуточку, вождём заделаться. И он прав. Нынче в их системе сосунки безграмотные, вчера из кишлака, делают карьеру, не поднимая задницы. Так, для отвода глаз, посидят в лесочке, у партизанского ко-

стра, постреляют ворон, допьются до белой горячки — а потом скупят сотню-другую скальпов нечистых и прутся к вождю. Денег-то вкачано в эту войну — океан. Говорят, вконец оборзели сосунки, подсовывают скальпы десятилетней давности. А вождь уши развесил и слушает сказочки про то, что нечистых — тьмы и толпы, и всемилостивейший Лох посылает нам всё новые испытания. Глядишь, герой едет в родной кишлак бригадным генералом.

Среди таких партизан генеральствовать бесполезно, это факт. Никакого морального удовлетворения. Правильно прицелился Капитан-1. Вождь стар, нечистые рано или поздно его кокнут. И начнётся драка за его трон. Вот в ней-то победит только тот герой, чьи руки пахнут не деньгами, а кровью.

Наши здешние ребятишки, наши безмозглые мученики — это бомба, которая взорвётся, и очень скоро. Ребятишки на вечерних лохотронах просят-умоляют поскорее отправить их на смерть. Два десятка сумасшедших, в которых вытравлено всё человеческое — это сила. Они утащат на тот свет тысячи нечистых. И после этого Капитан-1 будет командовать генералами. Никаких проблем.

А пока он слушает бредни Майора — спокойный, подтянутый, готовый к любым подвигам.

«... допускаем пьянство на боевом посту!» — брызжет слюной Майор с высоты своего двухметрового роста. Слюны хватает на всех.

Бедняга Майор, никто его не боится. Капитан-2, объект критики, повесил свой сизый нос и, кажется, спит. Ему эта ругань — мёртвому припарка. Он не мальчик, знает, что на время священной борьбы Лохариатом введён сухой закон. Потому и пьёт, что не мальчик. Он один во всей республи-

ке — обломок тех весёлых времён, когда на воздух взлетали города нечистых. Его опыт — на вес золота. Майору его пьянство не по зубам.

Теперь мой черёд закрыть глаза и спать. Ха-ха. Теперь Майор поносит Красавчика. Горе-солдат. Никакого представления о бдительности, о законах войны. Преступные, разлагающие дух и плоть забавы — вот все его устремления. А мы, командиры, им потакаем.

В мой огород камушек. Но и здесь у Майора не выгорит. Свою любовь к Красавчику я не прячу, она у всех на виду. И все знают, что по происхождению я — нечистый. А кроме того, все в курсе, что мне доверена высшая тайна священной борьбы. Она хранится у меня в сейфе. И только благодаря ей славные, чистые мальчики, не успеешь глазом моргнуть, превращаются в фанатиков, готовых погибнуть за общее дело. Никаких проблем.

Вождь лично, из рук в руки, передал мне коробку с ампулами. В них, говорит, будущее нашей республики. И твоё, говорит, будущее тоже. А какое мне светило будущее без вождя и без ампул? Тюряга. Если не до скончания лет, то уж до старости точно. Я помог одной безнадежно больной даме свести счёты с жизнью. Избавил её от мучений и взял за это очень приличную сумму. Что меня толкнуло на это?

Вовсе не доброта душевная. Дама была богата и при том ужасающе уродлива и тупа, богатство свалилось на неё случайно, по праву наследования. Её существование на белом свете — торжество несправедливости. Именно осознание этого и позволило мне услышать её мольбы. Я освободил её от тягот болезни, а мир — от неё. Никаких проблем. Если б только не выяснилось потом,

что эта гадина ведёт дневничок, с которым делится своими переживаниями...

Так что я без долгих раздумий согласился с вождём террористов, вступил в Лохань святой веры и вприпрыжку побежал сюда, в этот чёртов лагерь.

Всё, что требуется от Майора — шпионить, чтобы я берёг тайну и никому её не разглашал. Я берегу. Никаких проблем. А всё остальное — никого не касается. Красавчика я им не отдам.

Красавчик. Он сейчас нежится в медсанчасти на белых шёлковых простынях. Я забинтовал ему голову — пусть считают, что он ранен, хотя на самом деле у него всего лишь сотрясение мозга. Нет, больше никаких караулов, никаких боевых тренировок. Когда я примчался в будку, его уже развязали, и он смотрел на меня, как щенок, брошенный хозяином. На щеке засохла кровь, и я гладил, гладил, целовал его щёку, я могу часами его целовать.

Любимый мой. Пусть воюют, взрывают, стреляют, погибают другие. Он не создан для войны и для смерти. Он создан для меня. И он счастлив со мной.

Конечно, и он, как все эти несчастные ребятишки, получает свою ежедневную дозу. Я читал его личное дело. Незачем ему знать, что было до меня. Какое значение имеют теперь его многочисленные родственники, увешанные титулами и нагруженные богатствами. Для них он уже умер, и они его оплакали. Им война принесла горе, а мне — счастье. Всегда есть тот, кто выигрывает. Красавчик — мой. Мой пленник, любимый, вся моя чёртова жизнь. Я трижды проклял себя за то, что отпустил его в караул. Как я мог! Я должен был предвидеть. Конечно, Котёнок сначала испробовал бы все самые лёгкие пути к бегству. Слава Лоху, что он не убил Красавчика.

А ведь мог бы. Спокойно мог бы. Пуля прошила бы это сладкое, это белоснежное тело, вонзилась бы рядом со светло-коричневой родинкой под левым соском. И оставила почти незаметное, аккуратное отверстие. И через пару часов под мёртвой кожей разлилась бы желтизна, и я бы не смог поцеловать эту кожу, я бы крепко набрался спирта и всадил себе пулю в голову.

Я должен был предусмотреть эту опасность. Красавчик говорил мне, что они дружат с Котёнком — я ещё принялся ревновать, выспрашивал, чем они занимаются там, на берегу речки. Дурак. Надо было не ревновать, а думать о главном, о том, что подставляю любимого человечка под гибель, дурную случайную гибель.

«Ну, хорош митинговать, — вновь цыкнул зубом Полковник. — Будем ловить Котёнка. Уйти ему, сами понимаете, некуда. Господа капитаны, берите свои отделения и прочёсывайте лес. Ставьте в ружьё всех, кроме охраны базы и караульных. Идите навстречу друг другу, с разных сторон, берите Котёнка в кольцо. Он вооружён, но брать его приказываю живым. Только живым. Ребята берегите, не подставляйте под пули. Вперёд.

3. Капитан-1

Я взглянул на часы — около четырёх утра. Котёнок покинул лагерь в 20–46, и вообще-то с погоней можно было не спешить. Полковник прав, деться беглецу некуда.

Но, пока я двигался к казарме, что-то ныло в голове, какая-то недодуманная мысль. Зачем Котёнок ударился в бегство? Судя по пропажам в каптёрке, всё он спланировал заранее. Тщательно, без эмоций. В чём же заключается его план? На что он рассчитывает?

Да, это главный вопрос. Парень может оказаться не так-то прост.

Оба отделения уже построились, успели получить оружие. 21 диверсант. Восемь — в нарядах и в карауле, один — в бегах. Оставшиеся — в роли загонщиков. Старший над моими одиннадцатью — провинившийся Буйвол. Заработал неделю ямы за незапертую каптёрку, — и ничего. Его хоть вверх ногами подвесь — будет молча висеть, пока не снимут или не сгниёт заживо. Идеальная машина для войны. Судя по нашим мученикам, высшая тайна себя оправдывает. Производство ударных и террористических групп можно будет ставить на поток. Причём, что самое ценное, нечистые станут уничтожать нечистых. В моём отделении чуть меньше половины — нечистые по происхождению. Но истово молятся на вечерних лохотронах, будто умели это с детства. И готовы разорвать врага, неугодного всемилостивейшему Лоху.

Стоят, хлопают глазами, ещё не проснулись толком. И Котёнок, между прочим, точно так же стоял вместе с ними во время учебных тревог. Что с ним случилось? Что сдвинулось в его хорошо обработанной голове? Капитан-2 недолго любил Котёнка. Если кто-то обидел Котёнка здесь, в лагере, тогда всё ясно, и никакой угрозы нашему общему делу. Парень дрогнул, психика дала трещину. Или поддержим, или отбракуем, дело техники. А если не в этом причина? Если недостаточно надёжно то, что составляет высшую тайну? Даже думать об этом не хочется. На доработку могут уйти годы. Десятилетия. И до конца жизни я обречён мельтешить в партизанской войне. Стычки в горах. Два-три крупных теракта в год. Шуму много, а толку никакого. Дорого. Неэффективно. Кратковременное устрашение — да, такими методами

его добиться можно. А настоящую победу обеспечит только военное превосходство. Обидно положить жизнь и не увидеть результата.

Капитан-2 закончил объяснять диспозицию. Я приказал Буйволу выдать всем портативные рации и забрать гранаты, боевые патроны. Котёнок нужен живым. Он должен рассказать нам, почему бежал. От его ответа зависит перспектива нашей борьбы на много лет. И моя судьба тоже.

Бойцы спускаются вниз, на плац. Оттуда мы разойдёмся двумя маршрутами, чтобы там, за пределами лагеря, окружить Котёнка. Капитан-2, не особо таясь, приложился к фляжке. Ас, великий знаток войны, никто из нас так не владеет сложным техническим оборудованием. Мог бы возглавить всю нашу армию, но предпочёл медленно сжечь себя алкоголем. Сделать подарок врагам.

Мы рассыпались по зарослям. Я иду в цепи крайним слева, дальше всего от лагеря. Первая мысль была — вообще поручить прочёсывание зарослей Буйволу, а самому изучить следы, ведущие от караульной будки. Они там есть, я заметил. Но в зарослях, скорее всего, Котёнок использует всё то, чему я их учил. Он способный ученик. Причём именно это ему удаётся больше, чем другим — запутывать следы, хитрить. Так что тратить время на одиночное преследование ни к чему. Быстрее поймать Котёнка облавой.

Как всё-таки я соскучился по настоящему делу. Баловство, развлечение — загнать беглеца в угол. А кровь бежит по жилам быстрее. В том, как движешься, дышишь, слушаешь, приноживаешься, появляется что-то звериное.

Зверь. Зверёныш. Таким показался мне Котёнок, когда мы впервые пришли в дом его матери. Бедный был дом, в нём пахло бедняцким жи-

ном — картошкой, а не мясом. Мы принесли плохую весть. Брат Котёнка был взят в плен и расстрелян нечистыми. А незадолго до того их отца в ключья разорвал взрыв фугаса. Мать Котёнка выслушала нас и молча вышла из комнаты. Потом её хватил удар, она потеряла способность двигаться и разум, кажется, тоже потеряла. Котёнок зыркнул на нас зло, по-звериному и бросил: «Уходите». Как будто это мы убили его родственников. Как будто это нам он должен мстить за их смерть.

Впереди, намного левее, темнеет что-то вроде коряги. И чужой, не лесной звук едва коснулся моего слуха. Я приостановился, чтобы нацелить цепь на эту корягу, поднёс рацию ко рту, но дать команду не успел. Большой, горячий комок ударил в грудь и пресёк дыхание. Ноги сразу перестали держать меня, и уже валясь на мягкую, поросшую густой травой землю, я услышал грохот выстрела.

«Как глупо», — это последнее, что я подумал.

4. Котёнок

Я и не знал, что свобода так опьяняет. Подумать только — утром меня уже не подбросит команда «Подъём», и на утреннем лохотроне не нужно будет слушать заклинания Майора. Когда настанет утро, я и сам помолюсь всемилостивейшему Лоху.

Сам себе хозяин — мерно колотилось в голове в такт бегу. Сам себе хозяин. Что хочу, то и делаю. Почему это простое и удивительное чувство не посещало меня до сих пор?

Лох всемогущий, до чего просто и до чего удивительно. Делать что взбредёт в голову в любой неурочный час. Да и нет их для меня, неурочных часов! Делать что вздумается, а не что требуется. Жить своей жизнью. Ужасно, что для всех нас это — преступление. Ужасно и несправедливо. На-

верное, если бы не война, свободы было бы гораздо больше.

Я хохотнул — не смог представить жизнь без войны. Полковник, Майор, Капитан-1 — чем бы они занимались? Война у них в крови. Капитану-1 как-то в столовой случайно положили нашего варёва больше, чем обычно, с горкой — а он не доел, лишнее оставил на тарелке. Он ест ровно столько, чтобы заниматься тем, чем занимается каждый день. Преодолевать полосу препятствий, стрелять, применять приёмы рукопашной. Ни ему, ни другим свобода вовсе и не нужна. Все они нужны войне. Все мы нужны сегодня войне. Ну, может быть, кроме Доктора. И Красавчика.

Я точно знал, что бегу верно. Конечно, я по многу раз менял направление, запутывал следы. Но по множеству ориентиров возвращался на главную траекторию — вглубь леса, вдаль от моря.

Понемногу начало светлеть небо. Ещё примерно через час я должен был, судя по карте, достичь берега довольно большой реки. И тогда погоня из лагеря мне будет совсем не страшна.

Красавчика должны уже обнаружить. Он пропустил обычный ночной доклад дежурному по штабу, и теперь вокруг караульной будки суета. Красавчик, наверное, в обиде на меня. Жаль, что так получилось. Ему меня не понять. Он, конечно, свободнее, чем любой из ребят, Доктор позволяет ему вольности. И всё равно он — тоже белка в этом однажды заведённом колесе. Свобода Красавчика заканчивается перед колючей проволокой вокруг лагеря, перед постелью, которую он делит с Доктором. Интересно, как они любят друг друга. О чём говорят, когда одни. Красавчик об этом помалкивает, не любит отвечать на такие вопросы.

Но к Доктору его тянет, это точно. Никто не принуждает Красавчика идти в медсанчасть. Странно всё это. Странно и несовместимо с устоями мученика.

Красавчик, между прочим, мог бы сейчас бежать вместе со мной. Он побежал бы, если бы по какой-то причине потерял своего Доктора. Тут с Майором не поспоришь: Красавчик — плохой мученик.

А хорошо было бы здесь, на свободе, вдвоём. Гораздо удобнее и безопаснее. Можно дежурить по очереди: один спит, второй стоит на часах. Ну и просто — было бы с кем перекинуться словечком.

Заросли неожиданно расступились, и я едва сумел остановиться на краю обрыва. Я не верил глазам. Впереди лежало серо-зелёное море. И только сейчас я осознал, что давно уже слышал отдалённые крики чаек, только не придавал этому значения.

Как я мог ошибиться? И где я сейчас нахожусь? Если я не сбился с пути, то должен был достичь реки. Вот она на карте — толстой синей прожилкой. Нет, сбиться с пути я никак не мог. Я ориентировался по звёздам, и по Луне, и по восходящему солнцу. Я проверял направление по компасу. Эти ориентиры не обманывают.

Я вернулся к самому краю обрыва. И по левую, и по правую сторону, насколько хватало обзора, лежало морское пространство. «Остров! — спокойно и убеждённо сказал мне внутренний голос. — Ты на острове, Котёнок, карта врёт!».

Силы как-то враз оставили меня. Машинально я развязал вещмешок, достал и вскрыл самую маленькую банку, с консервированной колбасой, сделал бутерброд, запил водой из фляги. Вокруг меня снова была клетка.

Лох милосердный, они подсунули нам фальшивую карту! Они лгали нам, мне и ребятам. Пока мы, в поту, учились драться, управлять подводными капсулами, в тридцатиградусную жару штурмовали укрепления, — всё это время нас водили за нос. Играли с нами. Использовали нас. Готовили к чему-то, о чём знать было не положено. В бешенстве я отбросил прочь пустую банку.

И сразу — Эмма. Это имя как будто полыхнуло в мозгу. Так звали мою маму. И я тут же вспомнил, как мы с ней расстались. Меня забрали вечером. Я ненадолго отлучился — задать корму рабам. Мы дорого заплатили за нечистых, отдали последнее. Сами стали жить впроголодь, и я был сердит на рабов. Мне казалось, что они мало работают. Хотя, по совести, нам досталось ровно то, за что мы смогли заплатить. Это были два давно пленённых, больных, слабосильных раба. Даже еда уже не пробуждала в них жизни, они сидели в яме безучастно и ухом не повели, когда я пришёл их кормить. Раздражённым я вернулся в дом, и оказалось, что у нас гости. Люди в военной форме, трое. Они, видно, пытались поговорить с мамой, но быстро поняли, что она парализована. Они молча ждали меня, усевшись за стол. Один из них, старший... Он очень на кого-то похож... Нет Бога, кроме Лоха, воистину велик и он, и пророки его! Это был Капитан-1. Точно, это был он. Увидев меня, он сказал: «Эмма, мы забираем твоего сына. Он нужен для священной борьбы. Пусть о тебе позаботятся соседи».

Всё, чем мама могла двигать, — глаза. Они кричали. Они кричали так, будто её убивают. Я всегда успокаивал её тем, что закон запрещает забирать на войну единственного кормильца. И выходило, что я её обманул.

На часах 4–30. Они уже ищут меня. Они уже хватали оружие и двинулись по моим следам. И они знают, что лагерь — на острове. Полковник, Майор, капитаны наверняка это знают. Не торопясь, размеренно они догоняют меня. И очень скоро догонят.

Я вскочил и ринулся обратно в заросли. Нужно было правильно выбрать позицию. Что делать дальше, я не представлял. Время, нужно выиграть время. Чтобы хорошенько всё обдумать. Чтобы вырваться всё-таки отсюда на свободу.

Я обосновался за корнями вывороченного из земли дерева. До чего неведом мир, по которому меня носит. Я не знаю, как зовётся это дерево. По комьям земли, застрявшим меж корней, ползало невзрачное насекомое — и его имя было мне неизвестно.

Всё, что я знаю: меня зовут Котёнок, и скоро меня придут убивать. Нет! Ещё я знаю, как зовут маму — Эмма.

Небо стало совсем светлым, но в лесу ещё клубился сумрак. Верно я сделал, заранее оборудовав позицию и определив пути отхода. Потревоженные мною птицы уже успокоились, не выдадут своими криками. И автомат, отобранный у Красавчика, сейчас очень мне пригодится. Только в нём сейчас и есть моё спасение.

Они шли цепью, не слишком частой. Ребята шагали понуро, бездумно.

А вот Капитан-1, крайний в цепи, охотился по-настоящему, всё видел, всё слышал и всё тут же раскладывал по полочкам. Лица его видно не было, но я мог ясно представить это лицо — цепко бегающие глаза, нос, тщательно втягивающий запахи. И язык, который время от времени облизывает сухие губы.

Ты сам учил нас выводить из строя самого опасного противника. Я старательно прицелился и спустил курок. И — давай Лох ноги.

5. Капитан-2

Ни черта они не могут, эти нынешние.

С самого начала всё было неправильно. Не надо было преследовать пацанёнка. Не надо было отбирать у мучеников боевые патроны.

Ай да Полковник. Совсем из ума выжил. Или, может, Майор на него так действует своими воплями.

Ну, куда бы он делся, Котёнок? Поплутал бы по лесу денёк-другой. Погоревал бы. Еда рано или поздно кончится. И он приползёт обратно в лагерь. Тут его и бери голыми руками, только караулы усиль.

Развели истерику. Все последние годы — сплошная истерика. На войне можно ставить крест, она проиграна. И на мне можно ставить крест.

Поначалу, когда здесь оказался, ещё теплилась надежда на новое оружие, на эту филькину вышнюю тайну. И что в итоге? Кучка молокососов, обезьян с гранатами. Да, их ничего не удерживает, ничего не отягощает, они готовы к подвигам. Но они пойдут на смерть обманутыми. Они умрут не ради идеи, не ради свободы. Их руками водят другие люди, а этими людьми движут совсем иные идеи.

Все, с кем я начинал, мертвы. Они уходили в мир иной со спокойной душой, их смерть была оправданна и справедлива.

Эти мальчишки подохнут зазря. И даже если они взорвут полмира, это не даст нам победы. Побеждают не взрывы, не технологии. Побеждают идеи. То, ради чего люди сознательно отдают жизнь.

Наплевать, из-за чего сбежал мальчишка. Он сбежал, и точка. От Майора с его лохотронами, от Капитана-1 с его искусством воевать. И от меня с моим прошлым, которое предано и забыто нынешними. И от проигранной войны.

Буйвол срывающимся голосом передал по радиции, что Капитан-1 убит. Ничего удивительного. Мы все давно убиты. Ходим строем, поём гимны, машем знамёнами. Но не хотим побеждать. Нам стало удобно жить в рабстве. И какая разница, у кого — у нечистых или у самих себя.

Жаль капитана. Но он сам подставился. Он слишком берёт себя. Жил не сегодня, а завтра. Все думы и мечты — о грядущем высоком предназначении. Ну, что ж, теперь он живёт вчера.

Надо крепко выпить, чтобы эти мысли не лезли в голову. Я вызвал по радиции Полковника, доложил о боевых потерях. Не удержался и сказал о том, что Котёнок сам приползёт в часть. Неохота было дальше прочёсывать лес.

«Возвращайтесь», — помолчав, приказал Полковник.

Я дал команду старшему моего отделения, Рябому, бегом вести ребят обратно в лагерь. А сам с наслаждением хлебнул пару больших глотков из фляжки и в одиночестве поплёлся вслед за ними прогулочным шагом. Возвращайтесь... Я бы вернулся, но только лет на десять-пятнадцать назад.

6. Полковник

Перемудрили.

Ах, как плохо.

Зря поддался Доктору. Размяк. Эти интеллигентские беседы за шахматистками. Отвлечённые умствования. Надо же понимать, что Доктор — чу-

жой. И даже больше, чем чужой. Он пороха не нюхал. Он видел только чистенькую, стерильную, заранее запланированную смерть. Смерть чужого человека. Если с таким вот Доктором поделиться властью — каюк.

Вот он и грянул, каюк. Принесли из леса Капитана-1 вперёд ногами. Позорные, грубейшие просчёты. Один за другим.

А как он разливался, Доктор. «Ампулы действуют, они убирают из их памяти всё лишнее, все те знания, которые отвлекают от самопожертвования. Ампулы подчищают их жизнь, их жизненный опыт, но они не в силах изменить того, что заложено природой. Мы освободили мальчиков от внешних якорей — от прошлого, близких, от ценностей, которые кажутся вечными и единственно верными. Но в них всё равно живёт природный страх смерти. И он может проснуться, проявиться, подвести в самый неподходящий момент».

Он выдал эту тираду после того, как я рассказал о Котёнке. В каждой из подводных капсул мы имитировали нештатную ситуацию — важно было убедиться, что мальчики не запсихуют, когда поймут, что капсула им больше не подчиняется. Перестраховываемся, не хотим идти по стопам японцев, которые сознательно воспитывали идейных самоубийц, камикадзе. И правильно перестраховываемся. Какую химию не изобрети, камикадзе — штучный товар. Нельзя целое поколение долгое время удерживать на таком напряжённом градусе веры. Поколение сломается. И пойдёт обратная цепная реакция — от неумённой жажды смерти маятник качнётся к такой же неумённой жажде жизни.

Лучше готовить мальчиков не к смерти, а к подвигу. И принять меры, чтобы умная техника

не позволила отменить подвиг, даже если мученик струсит на ближних к нему подступах. Знаменитый диверсант Скорцени не зря считал, что смертнику совершенно необходимо оставлять пусть самый минимальный и фантастический шанс на выживание. Заранее объявленный смертный приговор изнуряет и оглушает. Фанатик думает не о том, как причинить врагу максимальный ущерб, а о том, как бы поскорее свести счёты с жизнью, прервав мучительную пытку ожидания смерти. И смертник, изнурённый этим ожиданием, не может действовать эффективно.

Да, я рассказал, как тряслись у Котёнка руки, как катились слёзы, и он не мог их остановить. Но он единственный из всех за считанные секунды нашёл выход из абсолютного тупика. Даже Капитан-2, готовивший тренировку, не видел этой возможности. Котёнок переиграл нас всех, он вернул управление и запустил торпеду, которая не должна была покинуть капсулу ни в коем случае. Капсула вместе с Котёнком, вместе со смертельным взрывчатым грузом должна была, на самом-то деле, таранить и потопить цель — какой-нибудь большой пассажирский лайнер нечистых. Пожар, паника, многие тысячи жертв, и большая часть — женщины и дети. То, от чего содрогаются сердца нечистых и шатаются их государства.

Я привёл эту историю как пример роковой непредсказуемости, причина которой — в непостижимом человеческом нутре. И Доктор завёлся. Да, Котёнок необычайно эмоционален и подвижен, и это может помешать нашему делу. Делать на него ставку как на террориста — нельзя. Так давайте используем его как учебное пособие. Ребят надо встряхнуть. Сплотить. Повязать кровью. А то, если они надорвутся от предстоящего героиче-

ства, обожрут уставом мученика, рассыплются. Вон у Буйвола, при его-то внушительной комплекции, чрезвычайно низкий болевой порог. Получил по морде в контактном бою — выл как маленький. Ананас грохнулся в обморок, когда Доктор брал у него кровь из вены. Боятся боли ребятишки, боятся смерти. Им не о чем думать и вспоминать — рано или поздно они, вследствие этой пустоты мозга, задумаются о лишнем, вредном, о жизни и смерти. Так пусть все вместе поучаствуют в ней. Станут палачами. Убийцами. Не в теории, а по-настоящему.

Каким убедительным казался нам план! И как блистательно он начал исполняться! Доктор всего-то навсего лишил Котёнка обычной дозы — всем мальчикам содержимое ампул он ежедневно растворял в пище. И Котёнок рассыпался. Мы с Доктором радостно наблюдали, как он готовится к побегу.

Доктор, поминутно протирая вечно заляпанные очки, с упоением комментировал каждую строчку в личном деле Котёнка. Вот сегодня в нём проклюнулось пока ещё неосознанное воспоминание о несправедливости. А сегодня оно превратилось в тревогу о матери. Память возвращается постепенно. И начинается её возвращение с мелочей, с каких-то смутных обрывков, с еле заметных шевелений в душе.

Неделя, всего неделя ушла на то, чтобы память мальчика одержала верх и над насаждаемой нами дисциплиной, и над проповедями Майора, и над железной логикой войны.

Когда всё уже было готово к побегу, мы вновь совещались с Доктором. Он настаивал на том, чтобы мы сняли минное ограждение на одном из участков за проволокой — открыли путь Ко-

тёнку. А как ему об этом сообщить, дело техники. Я возражал. Мне не хотелось огласки, а пуще всего не хотелось посвящать в нашу операцию Майора. И ещё мне захотелось немного уязвить Доктора, этого доморощенного теоретика, знатока человеческих душ. «Пусть Котёнка пропустит в лес Красавчик, они же друзья, — сказал я. — Это будет естественно. А Красавчика выгородим. Все знают, что он диверсант липовый. Отделается лёгким испугом».

Ах, как позеленел Доктор, как он задёргался! Но я его сразил простым аргументом: ты же уверен в успехе нашей операции, чего ж ты дёргаешься? В последний момент, перед назначением в караул, предупреди Красавчика, что Котёнок собрался в «самоволку». И скажи, чтобы пропустил и тут же сообщил в штаб, дежурному. Ничего страшного. Дальше — сплошное развлечение, игра в прятки. А в финале — очередная проповедь Майора, быстрое решение военного лохосудия, которое Майор и вынесет, и публичная казнь дезертира.

Казнь, которую произведут сами мальчишки. После неё они будут повязаны кровью Котёнка. Станут глупее и злее. И будут готовы мстить всему миру за эту казнь, смывать кровью кровь. Очень всё выглядело красиво. И очень здорово впутать в эту историю Доктора с его Красавчиком, думал я.

Вот здесь мы и прокололись. Не предусмотрели, что Красавчик выйдет к Котёнку, и Котёнок вздумает завладеть его автоматом. И теперь всё наперекосяк. Теперь крови хлебнул Котёнок. Сегодня-завтра он, уже подышавший воздухом свободы, обнаружит, что отсюда, с острова, не выбраться. Кто следующим попадёт в его прицел?

7. Буйвол

Я отдал ребятам снаряжение, своё и капитаново, и взвалил на закорки мёртвое тело. Кому как не мне его тащить. Был он мне командир. Таких командиров поискать. Он из меня человека сделал. В самом начале, когда у меня на занятиях ничего не выходило, он так меня поперёк лопаток прикладом хватанул, аж косточки затрещали. А после говорит: «Ты, Буйвол, старайся. Неуклюжий ты, мужик, неловкий, зато силы в тебе как в бульдозере. Ты научись силу из мышц во все клеточки, когда требуется, загонять. В пальцы, в нервы, в глаза, в ступни ног. Старайся, мужик, и выйдешь в дамки». Чудно он говорил со мной, Капитан-1. Не все слова разберёшь, чего они значат. А на учениях, когда дождь зарядил и мы в шатре грелись, он закурил и всё глядел на меня, глядел, будто в первый раз видел. И сказал, тихонько так: «Эх, Буйвол, для тебя война как мать родна. Радоваться надо, мужик, что ты к нам попал и померёшь первым. Угораздило бы тебя дожить до победы, дожидаться мирной жизни — заездили бы тебя, дурака, вконец, и сдох бы ты в плевках, под забором».

Вот тащу я теперь капитана, а сам думаю: чего дальше-то будет? Про мирную жизнь думать неохота, да и ни к чему она мне, раз капитан так решил. Мне тут житьё — лучшего и не надо.

Быстро сгинул капитан, в одночасье. Мы и моргнуть не успели. Постреляли вслед этому вражине, да что толку холостыми пулять. Ушёл он, понятное дело. А капитан мертвехонек валяется. На груди — пятно кровавое. Был человек — а теперь мёртвый груз. Не дай Лох так вот помереть, ни за грош. Позорно как-то. И боязно. Должно быть, больно это, когда пуля шкуру проды-

рявит и до сердца доберётся. И обидно. Сколько сил положил, чтобы обучиться, сколько потов сошло, сколько подзатыльников заработал, и всё зря. Бабах в тебя из засады, и полетела душа в рай. Нет уж, на такое я не согласный.

Но кому какое дело до твоего согласия. Был бы капитан жив, спроси его, желает ли он сгинуть зря, — вот он посмеялся бы. Любил он надо мной посмеяться. Всё дураком называл. А по мне так хоть горшком назови. Дурак — не дурак, а отделением командовать поставили. Капитан вот умный был, обстрелянный, а кто его теперь на загорбке тащит? То-то, что дурак. Зато живой.

Гимнастёрка на спине подмокать начала: видать, кровь из капитановой раны натекает. И запаха её слышен стал. Солёный такой, острый запах. Прямо в голову шибает. И туманится голова, кружится слеганца.

Ребята движутся ходко, а Капитан-2, выпивоха, приотстал. Не ровен час, схлопочет себе подарочек с пылу, с жару. Лох знает, что у Котёнка на уме.

А вдруг да он рядом скользит, выслеживает, выцеливает. Ему закон не писан. На меня он, между прочим, волком посматривал, факт.

Ребята переговариваются, беспокоятся о том же. «Скачем, как вши на блюдечке, а Котёнок, налегке-то, нас, поди, обошёл и на мушке держит, — хнычет Ананас. — Вот честное слово, каждую минуту жду — сейчас вдарит».

«А ты больше бы лез к нему, половой гигант, — подначивает Рябой. — Думаешь, чего Котёнок в лес драпанул? Он ведь знал, на что подписывается. Ему назад дороги нет. Вот ухлопает тебя, да ещё пару таких же приставучих — и дело в шляпе. А последний патрон себе в лобезжник».

«Чего ты каркаешь! — пугается Ананас. — Он что, придурок полный? Я же в шутку, я ж не со зла к нему лез. Больно ему надо ради меня такой цирк устраивать!».

«А зачем ещё, по-твоему, приспичило ему в лес убегать, а?» — продолжает Рябой.

«На свободу захотелось».

«А правда, хорошо ведь в лесу, — пыхтит конопатый Крендель. — Птички поют. Никто над душой не стоит».

«Нормальная свобода, — издевается Рябой. — А жратву вам в лесу что, с неба спустят? Вот сказочники хреновы. Котёнка в лагере разве на цепи держали? Да он и в яме-то ни разу не сидел. Победим нечистых — вот и будет всем нам свобода. А пока — война. Ты воюешь, тебя за это кормят. Не устраивает кого-то? Пусть идёт к Котёнку — прятаться по зарослям, жевать кору с деревьев».

Крендель не смущается: «А всё-таки интересно, что там дальше, за лесом. Я бы поглядел».

«Под ноги себе гляди, — визжит Ананас. — Ветка мне прямо в рожу прилетела!».

Свобода. Выдумали тоже. Правильно Рябой пригвоздил — сказочники. Что там, за лесом? А не всё ли равно. Ну, может, другой лес. А может, другой такой же лагерь, как наш, и другие такие же парни готовятся помереть в борьбе с нечистыми.

Кто её видел, свободу? Кто её знает в лицо? Кому и на что она, к бесу, нужна, коли вся она — туман, один туман, да ещё солоноватый запах. Запах крови, которая натекла из тяжёлого мёртвого тела. Капитан-1 — вот он сейчас свободен. Гуляет по райским садам, где текут ручьи.

Вот ежели случится, меня кокнут — вряд ли кто осилит меня на загорбке тащить. Больно я мясист,

и кость у меня чугунная. Бросят, должно быть, в лесу, и дальше побегут.

Майор говорит: не называйте покойниками тех, кто погиб во имя Лоха. Живы они, живее многих. И вы, говорит нам Майор, были мертвецами, а Лох оживил вас, чтобы умертвить, а после вновь оживить.

Как представлю себя мертвецом — мурашки по коже. Ни на какие сады с ручьями не променял бы я нашу казарму, занятия, берег моря, волны. Смотришь на них, а на сердце пусто и радостно.

Нет уж. Я жить хочу. А потому надо убить Котёнка. Найти и убить, пока он, гадёныш, меня не кокнул. Я ему глотку распластаю широким десантным ножом и послушаю, как пахнет его кровь, и успокоюсь.

Или я его, или наоборот. Жалко мне помирать раньше положенного срока. Вот и вся вам свобода. Одному — свобода, а другому-то — забота, мученье да страх, как бы шкуру сберечь.

8. Майор

Почти всю ночь я потратил на то, чтобы составить подробное донесение о чрезвычайном происшествии. Короткое я направил в Лохариат немедленно, как только Полковник собрал нас по тревоге.

Работа над донесением не клеилась, я начал нервничать. Описать внешнюю сторону событий было легко, но чем дальше я заходил в описаниях, тем яснее становилось, что движущие пружины событий остаются вне поля зрения. Поступок Котёнка казался необъяснимым. Я успел побеседовать с некоторыми будущими мучениками — это не помогло. Они охотно отвечали на все вопросы, но их ответы были пусты. Только незначительные

бытовые разногласия с Котёнком, ничего серьёзного.

Раннее утро добавило хлопот. Жёлто-коричневое лицо Полковника приобрело зеленоватый оттенок, какой бывает у старых бронзовых статуй. «Капитан-1 убит, — сообщил Полковник. — Дело поворачивается очень серьёзно. Нам нельзя ошибаться. Какие мысли имеются, выкладывайте».

Я были ошарашен, да и сам Полковник — не меньше. А Капитан-2 беззастенчиво клевал носом. Винные пары, исходившие от Капитана, быстро заполнили комнатку. Лохариат слишком мягок по отношению к ветеранам священной борьбы. Никакие былые заслуги не оправдывают надругательства над дисциплиной. Будь моя воля, Капитан-2 не стоял бы в боевом строю. Куда уж ему стоять, если ноги не держат.

Как всегда, мне пришлось брать огонь на себя. Это, конечно же, мой долг, и я его, будьте уверены, выполню как полагается. Я давал не только воинскую присягу, но и духовный обет пожизненной преданности Лохани нашей святой веры. И сегодня на меня равняются другие братья. Всё-таки я единственный из полевых командиров, удостоенных высокого духовного звания «лохарий».

Однако дело, которое мы собрались обсуждать, требовало именно военной инициативы. А военные молчали, вопреки своему долгу.

«Наверное, здесь есть люди, которые считают, что всемилостивейший Лох послал нам испытание, — начал я. — Это не так. Нам выпало не испытание. Мы несём наказание за мягкотелость, расхлябанность, за те просчёты, число которых давно превысило меру. Как быть, спрашивает Полковник. Об этом нас спрашивает командир, который

когда-то освободил от нечистых столицу республики, который много лет сражался рядом с вождями и видел перед собой примеры их мужества и воинской мудрости!».

Краем глаза я заметил, как забарабанил пальцами по столу Полковник. Барабанщик. Заяц, а не командир. Наши военные неудачи именно тогда и участились, когда твёрдость и верность Лоху покинули военачальников. Да, на их счету подвиги. Я подавал бойцам водку у партизанских костров, а затем делал первые шаги на духовном поприще, — а Полковник в то время латал жуткие раны, полученные при захвате тысячи заложников в одной из школ на территории нечистых. Но те дни сменились другими днями. Пришло время отправлять ветеранов на отдых. На смену бесшабашной, необузданной воинской удали должно было явиться нечто новое. Новая сила, новая мудрость, ведущая к победам. Я поразмыслил и сделал выбор. Я поставил на Лохариат, крепнущую духовную основу вечной борьбы, и я не прогадал. Если честно, сейчас, в штабе, меня переполюняло ликование. Глупый случай с Котёнком должен помочь мне добиться своего, всё расставить по местам. Я готов возглавить лагерь и нести весь груз ответственности за использование высшей тайны, в которую, кстати сказать, Лохариат меня совершенно напрасно и необоснованно отказался посвящать. Ничего, я терпелив, всему своё время. Нет бога, кроме Лоха, и он поможет мне преодолеть косность нашей управленческой системы. Мне бы только вовремя и безошибочно докопаться до истинных причин нынешнего происшествия. И, как ни кощунственно звучит, гибель Капитана-1 — на пользу дела. Этот мог меня обскакать. Его пасли там, наверху, примечали и приве-

чали. Потому-то я и побаивался до сих пор скидывать Полковника. Я потружусь, а плоды трудов, глядишь, достались бы Капитану-1. Повысили бы его в звании как дважды два, а меня оставили бы в бесславной роли духовного пастыря. Святая вера учит нас смирению, но не до такой же степени нужно смиряться! Сказано: Лох не меняет положения людей, пока они сами не изменят свои помыслы. А помыслы мои чисты: отдать жизнь во имя торжества религии истины и унижения её противников. Больно смирать горение души, когда видишь, как торжествуют нечистые.

«Все ответы уже найдены задолго до нас, — тем временем продолжал я, с удовольствием наблюдая, как никнут головы Полковника и Капитана под градом моих справедливых напоминаний. — Обратитесь к символу нашей веры — перелистайте святую Лохань. Если твой народ отвергнулся от веры и сбился с прямого пути — отринь народ свой и родину свою, Лох уготовил им великое наказание. Если друг твой предал тебя и всё, что тебе дорого, гласит она, ты свободен убить его, как собаку, любыми способами и средствами, не откладывая возмездия ни на час. Лох милосерден — но только к тем, кто является другом его и духовным сыном. Котёнок — предатель, а предателю нет от гнева Лоха защитника, и покроется его лицо клочьями ночи беспросветной. Мы свободны уничтожить его безотлагательно. Вот что я предлагаю».

Подал голос Капитан-2. «Майор героически, — сказал он, — а готов ли ты, майор, отвечать за тех, кого Котёнок пристрелит в следующий раз? Это же молокососы, Майор, и учили мы их не войне, а террору. Это просто смертники, которые сядут кто в подводную капсулу, кто в самолёт, кто

в автомобиль, и протаранят цель. Вся их задача — в нужный момент перестать жать на кнопки. А ты надеешься, что они сумеют нажать на курок. Да они же друг друга поубивают в зарослях!».

«Лохариат дал вам задание в короткий срок обучить их азам военного искусства, — холодно парировал я. — Есть возможность потренироваться в реальных условиях, укрепить боевой дух и проверить навыки. А вы, Капитан, почему-то не рады такой возможности. Может быть, потому, что пьянство отвлекало вас от выполнения главной обязанности?».

«Да заткнись ты, стукач, — вспылит Капитан-2. — Это я, а не ты ночью с ребятами по лесу бегал. С холостыми патронами, по милости покойничка».

Началась перепалка, какие частенько имеют место в нашем весёлом штабе. Хорошо ещё, что Доктор отсутствовал — был занят трупом Капитана-1. А то и он не преминул бы блеснуть интеллектом.

Наконец до Полковника дошло, что решение принимать всё равно придётся. «Я уверен, Майор, что ты не упустишь шанса обвинить меня во всей этой истории. Лох с тобой, потом разберёмся. Сейчас надо Котёнка поймать. Бегать за ним по лесу с автоматами наперевес — это, конечно, можно. Рано или поздно догонят паршивца или подстрелят. Но сколько наших он успеет положить, неизвестно. Котёнка надо брать наверняка, чтобы исход операции был предсказуем. Поэтому приказываю: сформировать разведгруппу, которая придёт по следу паршивца к месту его расположения. Группа должна быть совсем небольшой и мобильной. Если представится удобный случай, пусть берёт Котёнка живым или уничтожат его. В сложившейся ситуации второе даже предпочти-

тельно. Но главное — не надо рисковать. Их задача — обнаружить Котёнка и доложить нам об этом. Командир группы — ты, Майор. Немного боевых заслуг тебе не помешает».

Кипя возмущением, я отправился дописывать свою депешу. Вояки, мать их! Сами в кусты, а меня — на амбразуру. Замаливать их грехи.

Подводя черту под донесением, я вынес на суд Лохариата две просьбы — заточить непосредственного виновника всей кутерьмы, Красавчика, в яму на три месяца и сменить командование в лагере. Пусть-ка попрыгают и Полковник, и Доктор. Уж кто-кто, а Доктор о моих просьбах узнает сразу. У него свои связи наверху, он ведь у нас хранитель высшей тайны, тем и опасен. Подождём, что решат вожди. Не может быть такого, что отвергнут обе мои просьбы. Хоть одна, но сыграет. Плохо по-прежнему одно: скрыты причины бегства Котёнка. Надо бы взять его живым. И допросить его первым — не дай Лох, откроются какие-нибудь упущения и в моей работе. Заговорит — может быть, у меня найдутся более веские доводы для Лохариата. А в случае чего, в случае, если не о том заговорит, — можно ведь и пристрелить его при попытке к очередному бегству.

9. Красавчик

Доктор всю ночь не спал. Сперва, до того, как в штаб побежать, возился со мной — сюсюкал, тискал мне руки, приносил морс. Как-то чересчур уж ласково, чересчур назойливо. И всё протирал очки — он это делает, когда сильно волнуется. Лепетал что-то про свою вину передо мной. Ну да, это ведь он отправил меня в караул, да ещё, таинственно так, шептал про замысел Котёнка сигануть в «самоволку». «Ты его пропусти, — шептал. — Пусть

паренёк развеется, что-то он грустный в последнее время, ему полезно». Кто же знал, что Котёнок такое учудит? Да сам я виноват, вышел из караулки, хотя там, в будке, всё на автоматике. Жалко Доктора, он хороший, лучше бы так не убивался из-за меня. Мелочь же, царапина, обойдётся.

Без Доктора скучно. Я поспал, полюбовался на себя, забинтованного, в зеркало, выдавил пару прыщей на подбородке. Маета с этими прыщами. Только один заживёт, второй лезет. Ненавижу. Ничего нет более отвратительного, чем прыщи. Увижу новый — и настроение падает. День-деньской углы пинаю, ворчу, ною. Доктор мне специальную мазь заказал, привезли её очередным рейсом катера — не помогает. «Ты меня из-за этой мерзости точно разлюбишь», — к Доктору пристаю. Он смеётся.

Хорошо с ним. А было бы ещё лучше, если бы не злость его и не ревность. Он, по-моему, весь белый свет невзлюбил. Люди у него как на подбор тупые, грубые, жадные. Не люди, а животные. А уж ревнует к каждому столбу. Иногда даже приятно, что всё его задевает, каждый взгляд, на меня брошенный. Но вообще — утомляет это. Он же меня винит. Дескать, сам даю почву для таких взглядов, для заигрываний.

Пусть он спаситель мой, и не скучно с ним, что-то душновато мне в медсанчасти стало. Так, бывает, накатит волна, разом всё осточертеет, и думаешь: да пусть я в казарме сдохну, Буйвол с Рябым меня затравят, чем в этой золочёной клетке ворковать, одни и те же желчные речи выслушивать. Но это так, в минуты слабости. Куда я от Доктора денусь. Больше-то я никому не нужен.

Утром, перед завтраком, прибежал взъерошенный, лица на нём нет. Сразу — к сейфу своему за-

ветному, секретничает, ежеутренняя традиция. И кричит мне оттуда: «Котёнок-то в лесу Капитана-1 прикончил. Из твоего автомата. Один выстрел, и никаких проблем». У меня аж захолонуло внутри. Как же это? Как же это возможно?

«А чего тут невозможного? — орёт Доктор, шуруя в своём сейфе. — Наши его по всему острову гоняли. Ну, Капитан и схлопотал под шумок пулю в сердце».

Остров? Наш лагерь — на острове? А Котёнок-то к матери наладился. Ну конечно, он поздно прочухал, что попал в западню. Десантники за ним в погоню побежали. И он выстрелил.

Остров! Почему же Доктор не сказал мне это раньше! Я бы объяснил Котёнку, что шансов ноль.

Он специально утаил это от меня. Ему надо было подтолкнуть Котёнка к бегству. К этой ошибке.

И ему надо было, чтобы я помог Котёнку совершить ошибку.

Что же это такое. Почему он так со мной поступил?

Доктор и не заметил, что проговорился. Вышел из секретной комнатухи, очки протирает. «А майор, гадёныш, отправил кляuzu в Лохариат. Требуется в яму кинуть. На пару месяцев. Никаких проблем».

«И ты ему позволишь?»

«Против Лохариата не погрёшь. Ну, не грусти, пушистик. Я тебе туда еду приносить буду. А ночью как-нибудь, может, и спущусь к тебе, а? Похулиганим».

Пошутил, называется. Шуточки у него. Да я там, в яме, струпьями покроюсь, коростами, вшами.

Это ужасно.

Доктор опять потащился по своим бесконечным делам. Теперь жди его только после обеда. Мысль

о яме не давала мне покоя. Я очень ярко видел своё несчастное будущее. Выйду оттуда уродом, инвалидом. После месяца ямы в медсанчасти — отдельно от меня, в изоляторе — отлёживался Фашист, его наказали за порчу приборов в подводной капсуле. Фашист заболел чесоткой, всё тело было в язвах, кровавых расчёсах. Нет, я такого не переживу.

Ворочая в уме отчаянные мысли, я не сразу слышал осторожный стук, кто-то скрёбся в окно. Лох милосердный! Снаружи маячил Котёнок. Тот самый, кто саданул меня по голове и убил Капитана-1, собственной персоной. Жестами показал, чтобы я открыл окно.

Он быстро влез в палату, и мы обнялись. Как ни в чём не бывало. «Ты это... — негромко сказал Котёнок, — Прости, что стукнул тебя. Сам понимаешь, иначе мне из лагеря не выбраться».

«Не выбраться! — передразнил я. — Да мне Доктор велел тебя выпустить в «самоволку». Только я, дурак, с тобой пообщаться решил».

«Доктор знал, что я сбегу? — изумился Котёнок. — Не может быть! Откуда?!».

«Доктор много чего знает. Сегодня вот обмолвился, что лагерь-то наш — на острове. Ты как? Говорят, успел уже человека ухлопать».

«Ухлопал. Иначе бы меня вся наша дружная банда мучеников ухлопала. И про остров сам уже дошёл, своей головой. Точнее, ногами. Плохо всё. Если не выберусь с острова, затравят меня».

«Скорее всего, тем и кончится. А ко мне чего явился? И, главное, как? Я тебе ничем не помогу. Меня самого Майор грозит в яму бросить».

Котёнок помолчал, сел на мою кровать, потом откинулся и несколько минут блаженно лежал, закрыв глаза.

«Я за тобой явился, — просто сказал он. — Пошли на свободу вместе. У меня одного шансов почти никаких. А вдвоём справимся. Я кое-что придумал».

Целый калейдоскоп замелькал в моей бедной голове. Слишком много сюрпризов за неполные сутки. Не нашёлся, что и ответить.

«Доктор не вечно сможет тебя спасти. Войну пока никто не отменил. И яму Майор тебе, как пить дать, выхлопочет. Думай. Времени мало. Буду ждать тебя ночью у заброшенного маяка, там, за «колючкой». Бери с собой самое необходимое. Достанешь оружие — бери обязательно и его. Выйдешь на волю тем же путём, каким я сюда пришёл».

И Котёнок рассказал мне, как выйти на волю.

Я закрыл за ним окно и долго глядел на море.

Все вокруг называли его морем, но названия мы не знали, и знать его нам было не положено. Мне больше нравилось называть это огромное, смиренное чудовище океаном. Чудилось, что его близким побережьем завершается всё обжитое, привычное, разведанное. А за его водами нет более ничего, океан — край света, край жизни, упругая вечность, которая может обнять и обласкать наши тельца, а может и задушить, утопить в бездонной пучине.

Океан был бесконечным и серым, как моя жизнь. Он был глубоким и бессильным, как любовь Доктора. Он был угрожающим, огромным и бездушным, как война, которая управляла всем и всеми вокруг, без изъятия. «От себя не уплывёшь», — сказал мне океан. Мне хотелось ему возразить, но совсем не было воли.

«Ты вот что: сдай Котёнка с потрохами Доктору, или Майору, или Полковнику — и спасёшь-

ся если не от войны, то от ямы. От себя не уплывёшь, а от судьбы — можно», — прошелестел океан прямо мне в ухо.

В какую сторону плыть, вот в чём вопрос.

10. Доктор

Меня тянуло поговорить с Красавчиком, но проклятая служба отняла кучу времени. Плюс все эти события последних часов. Я едва успел ночью обработать ранку на его голове, уложил пушистика спать. А дальше, до обеда, всё у меня было расписано чуть не по минутам.

Но даже те несколько фраз, которыми мы обменялись за это время, — они обеспокоили меня. Что-то было не так. Красавчик был внимателен, но холоден и рассеян. И у меня в груди разлилась тревога. Я всегда ругал себя за излишнюю мнительность, мне часто кажется, что люди скрытны, себе на уме, настроены против меня. Особенно больно, когда в этом подозреваешь тех, кто дорог.

С того момента, как Красавчик вернулся в медсанчасть, между нами, неизвестно отчего, возникло отчуждение. Ну, я сразу признался ему, что виноват. А что в ответ? Я-то ждал, что Красавчик бросится мне на шею, прижмётся ко мне своим прекрасным тельцем, успокоит меня прощением. Ничего подобного. Он как будто жил чем-то совершенно другим. Моя вина, мои терзания — он их видел, но не откликался на них. И это добавляло терзаний.

После обеда, наконец, я примчался к нему. На языке вертелись горячие, обжигающие слова, и больше всего в жизни мне хотелось, чтобы Красавчик стал прежним — доверчивым, стеснительным, любящим, слабым. Он сидел на кровати, смотрел DVD, — свои любимые детские мульти-

ки, — и был несколько бледен. Я измерил его температуру, давление, — всё в норме. Уговорил пойти ко мне в кабинет, выпить чаю, у меня для этого был оборудован уголок — пара кресел и столик.

«Что с тобой? — печально спросил я. — Ты сам не свой. Молчишь, как чужой».

«Немного болит голова».

«И всё? На меня не дуешься, точно?».

«Точно».

Он смотрел куда-то сквозь меня. Он не думал обо мне. Я обозлился и принялся яростно размешивать сахар в стакане с чаем.

«Скажи, — вдруг спросил Красавчик, — а что там, за морем? Что за земля?»

«Это тайна. Если я её тебе открою, меня могут расстрелять. Никаких проблем. А почему тебя это интересует?».

Красавчик помолчал, откинувшись в кресле.

«Мне надоело здесь, — нехотя произнёс он. — Мне надоели косые взгляды, сплетни. Надоело быть как на привязи. Надоело быть собой. Я думаю, что где-то есть места, где всё по-другому. Другая жизнь».

«И другая любовь?» — горько уточнил я. Красавчик будто не услышал, это у него стало хорошо получаться.

«Здесь я будто бы каждую минуту оправдываюсь, что я такой, какой есть. Всё время чувствую, что я здесь случайно. И все здесь случайно, от безысходности».

Я задохнулся.

«Ты хочешь бросить меня, да?»

«Нет, папочка, — мягко ответил Красавчик, он иногда называл меня так, — это ты меня можешь бросить. А я не могу. Потому что не выживу без тебя, ты же знаешь».

Он не был расположен разговаривать дальше, и я отправил его отдыхать. Внутри всё переворачивалось, и во рту не проходил горький привкус. Мне хотелось бежать к нему, рыдать, стоя перед ним на коленях, обнимать его, вдыхать сладкий запах его волос. Через минуту я готов был бить его, рвать в клочья. Я хотел, чтобы он оставался моим. И я не понимал, как этого добиться.

Вечером мы, как обычно, отправились на вечерний лохотрон, я в штаб, он в казарму. Он долго не возвращался. Уже совсем стемнело, когда Красавчик, усталый и бледный, возник на пороге. Он отказался от ужина: «Давай спать».

«Ничего, это всё сотрясение мозга. Так бывает: потеря аппетита, лёгкая депрессия, — утешал я себя, ворочаясь один в постели. — Он пойдёт на поправку, и всё вернётся. Нет никаких причин, чтобы пушистик меня бросил. Я ужасно люблю его. Никаких проблем».

Погода начала портиться, и даже через закрытые окна слышен был усилившийся шум моря. Порывами налетал ветер, и ветки небольших сосёнок царапали по стеклу. Я провалился в сон.

В середине ночи меня как будто подбросило на кровати жуткое чувство потери. Раздетым я подкрался к палате, где спал Красавчик, и приоткрыл дверь. Его не было.

Его не было! Я кинулся одеваться, сгрёб со стола пистолет, выскочил наружу. Накрапывал мелкий, жалящий дождь. И сквозь его колеблющуюся пелену я увидел Красавчика. Нас разделяло метров сто, не больше. Он шёл к морю, и на спине его из стороны в сторону мотался плохо пригнанный увесистый рюкзак.

Это конец, беззвучно повторял я, крадучись за Красавчиком. Это конец.

Красавчик сошёл с дорожки, ведущей к базе подводников и караульным постам, и направился в сторону, к морскому берегу поодаль от базы. Она шарила прожекторами, свет выхватывал кусочки побережья, но особенно тщательно — территорию вдоль высокого железного решётчатого забора, установленного прямо в воде и наглухо перекрывающего путь в открытое пространство залива. Невдалеке, за решёткой забора, правее от базы по берегу, тёмной громадой угадывался заброшенный маяк. Он был военным ни к чему, у них хватало более современных навигационных приборов.

Красавчик подошёл к полосе прибоа и некоторое время стоял, о чём-то размышляя. Пусть он повернёт обратно, молил я всех богов мира, пусть он передумает уходить от меня.

Чуда не произошло. Высоко подняв рюкзак, Красавчик стал заходить в воду. Я, стиснув зубы, наблюдал за ним. Красавчик добрался до забора, здесь ему было почти по горлышко. Ещё немного он потоптался, видимо, изучая решётку, а затем нырнул, над водой торчала лишь рука, удерживавшая вещи. Ещё мгновение — и голова Красавчика появилась уже за забором. Он просунул сквозь решётку рюкзак и двинулся вдоль забора, по направлению к маяку.

Я заплакал. Всё было кончено. Всё было зря. Зря были лучшие наши ночи. Зря я шептал ему на ухо невообразимые, воздушные, пузырящиеся слова. Зря были его смех и его стоны, когда мы занимались любовью. Зря было всё, что привело меня к нему, а его — ко мне.

И вдруг я заледенел от простой, очевидной догадки: Красавчик влюбился в Котёнка. Они давно уже вместе. Они сговорились, и вот Красав-

чик бросает меня ради глупого, наглого недоросля. Никаких проблем. Я охнул и размазал по лицу слёзы и капли дождя.

Теперь я торопился. Так же, как Красавчик, не раздеваясь, зашёл в воду и повторил его манёвр. Действительно, именно в этом месте решётка проржавела, и, поднырнув, я оказался по ту сторону забора. Стараясь не шуметь, я поплыл вдоль него. Дождь оказался мне на руку, он заглушал звуки.

Красавчик уже выходил на берег. Я следовал за ним. Даже немного опередил его, забежав за деревья, окружавшие маяк.

У самого входа в заброшенное здание показался ещё один силуэт. Я осторожно перебежал поближе и убедился — это был он, Котёнок.

Красавчик бросил наземь рюкзак и обнял друга. Дождь скрадывал их очертания, и две тёмные фигуры, казалось, соединились, слились воедино.

Любовь, злоба, ревность, отчаяние душили меня. Распирали изнутри. Взрывали внутренности и саму душу.

Рука нечаянно наткнулась на мокрую кобуру. С бешеным хриплым криком я выхватил пистолет и принялся палить по ним. Пистолет плясал в руке, я палил, пока патроны не кончились. Увидел, как свалился наземь Красавчик, следом — Котёнок. И сам в изнеможении упал на мокрую траву и всё кричал, кричал, пока крик не превратился в бессильное шипенье.

11. Котёнок

«Привет, — улыбнулся Красавчик. — Вот, я надумал идти с тобой».

Мы обнялись, и я почувствовал, как он замёрз — до гусиной кожи. Надо было прятаться в здание

маяка. Я уже натаскал туда дров и мечтал, как мы разведём костерок и согреемся.

А дальше — беспорядочные выстрелы (пистолетные, сразу отметил я), звериный крик из зарослей, совсем близко. Красавчик обмяк и рухнул, увлекая меня за собой. Он упал на мокрую землю лицом вниз, и я увидел, что пуля угодила ему в затылок. Всего одна из восьми выпущенных: тот, кто кричал, потратил всю обойму. Пуля эта запросто могла попасть в меня. Точно так же она могла и улететь в белый свет как в копеечку. Красавчик случайно оказался на её пути. Тот, кто кричал, совсем не умел стрелять.

Прожектора базы подводников дружно повернулись в сторону маяка и стали шарить по окрестностям. Дьявол, скоро здесь будут мои преследователи. Я быстро перекатился в сторону от тела Красавчика, перекинул автомат из-за спины и пополз туда, откуда до сих пор слышался приглушённый вопль.

Доктор ничком лежал за деревом, его била дрожь, стиснутые кулаки, облепленные травинками, уже не молотили землю. Я молча завернул ему руки за спину, связал их ремнём. Затем поднял его, как куклу, за шиворот и поволок к маяку. Доктор был не в себе.

«Зачем, зачем, — всхлипывал он, — зачем?».

Возле тела Красавчика он остановился как вкопанный и в полный голос начал выкрикивать что-то нечленораздельное. Я с трудом его удержал — Доктор рвался к Красавчику. Я втащил его внутрь маяка и бросил прямо за тяжёлой дверью. Надо было принести сюда и Красавчика.

Это мне не удалось. Едва выглянув за дверь, я увидел фигуры мучеников. Различимы были трое, но Лох знает, сколько их скрывается в за-

рослях. Прости, Красавчик, сказал я второй раз за прошедшие сутки. Теперь уже в последний раз.

Дверь маяка хорошо, крепко запиралась изнутри. Она не устояла бы, конечно, против мины или гранаты — но что об этом думать, положение всё равно безвыходное. Сразу за дверью было огромное пустое помещение без окон, здесь я и планировал развести костёр. Лестница в глубине помещения вела на второй этаж, там имелись два небольших окошка, из которых удобно вести стрельбу. Я установил у одного окна свой автомат и всмотрелся в серую мглу, перечёркнутую дождевыми. Да, их было трое, они копошились в зарослях, в том месте, где недавно лежал Доктор. Затем все трое перебежками стали двигаться к телу Красавчика.

Честно говоря, я не знал, что делать. Я мог бы убить ребят, они были как на ладони. Ну и что? Куда мне бежать дальше? Как это ни печально, меня обнаружили. Убью этих — остальных мне всё равно не перестрелять.

Теперь их было видно очень хорошо, они склонились над Красавчиком. Точнее, склонились Буйвол и Рябой, а Фашист громко заржал, выпрямившись чуть не в полный рост. Он из тех, кого радует чужая беда.

Буйвол прикрикнул, и те двое потащили Красавчика по направлению к лагерю. А сам Буйвол покрутился вокруг маяка и расположился стеречь входную дверь, предварительно её подёрвав.

Ну и пусть сидит под дождём, устало решил я. Спешить некуда. И сразу почувствовал, как намочила одежда и как неприятно она льнёт к озябшему телу.

Внизу Доктор вроде бы успокоился. Он сидел, привалившись к стене, и глядел в одну точку.

Только сейчас я заметил, что Доктор без очков — должно быть, потерял в зарослях. Без очков лицо его стало каким-то детским и незащищенным.

Я развёл костёр как можно ближе к Доктору — не хотелось снова его кантовать — и разделся, приспособив одежду сушиться. В походной аптечке нашёл довольно объёмистую склянку спирта. Выпил сам и влил в Доктора, равнодушно открывшего рот.

Костёр весело лизал дрова, стало тепло. Сполохи играли на лице Доктора, делая глубже морщины и оттеняя щетину на подбородке и щеках. Рот Доктора был сдвинут обиженной скобкой. Теперь, при свете костра, он походил на внезапно состарившегося ребёнка. Это он, гад, пристрелил Кравчика и мог пристрелить меня.

«Ну что, оклемался? — спросил я. — Зачем ты его убил, гад?»

Доктор молчал.

Я подбросил дров в огонь и вспомнил вдруг, как точно так же, у костра, коротал ночь в горах со своими двумя рабами-нечистыми. Мы весь день косили траву, и я работал наравне с ними, потому что хотел накопить побольше: нам нужны были деньги, а за сено хорошо платили.

Я блаженно лежал близ самого костровища, в котором ярко полыхали угли. Рабы жались поодаль. Они завернулись в старую кошму, но мёрзли — она не спасала.

Мне стало интересно, о чём они думают. Тот раб, что постарше, — старик, у которого кожа свисала с рёбер, — ответил: «О свободе, хозяин».

Я рассмеялся: «Зачем она тебе, старик? Ты уже умираешь. И дома давно забыли о тебе, ты в плену два десятка лет».

«Многие в плену всю жизнь, и всё равно хотят убежать», — осторожно возразил раб.

«Хотят убежать собаки, которые сидят на цепи, — сказал я. — А я вот доволен своей жизнью. Свобода мне не нужна. Я и так свободен».

«Ты ошибаешься, — вновь возразил раб. — Ты несвободен выбирать, где тебе родиться, в какой семье, на какой земле. Твоя маленькая свобода — как рыбка в океане. Она думает, что счастлива и бессмертна, пока её не проглотит акула».

«Где же эта акула, которая проглотит моё маленькое счастье?» — рассмеялся я.

«Она рядом. Пока ты доволен жизнью, она всегда рядом, хозяин».

«Так скажи мне, где она, и я её убью».

«Тот, кто убивает, никогда не увидит свободы, — сказал раб. — Он сам становится акулой, которую хотят убить маленькие рыбки».

«Но акула-то — свободна, не так ли?»

«Эта акула — она только кажется свободной».

«В чём же её несвобода?»

«Она обречена причинять боль живущим вокруг. И потом, иногда бывает так, что маленькая рыбка побеждает акулу».

«Ну, зато она довольна своей акульей жизнью! Ты красиво говоришь, раб. Кем ты был до того, как попасть в плен?»

«Учителем в школе. Учил детей».

«А зачем пошёл на войну?»

«По глупости. От меня ушла жена, и я решил: пусть меня убьют на войне. Пришёл к военным, заключил договор, и меня отправили в учебную часть, потом в действующую армию. Немного повоевал, меня контузило, и вот я в плену».

«Значит, ты у себя на родине не смог убежать на свободу от самого себя, так?»

«Почему же, я убежал, я смог. Только бежать надо было не туда. Война — это океан несчастья».

Я убежал из плена в плен. А надо было просто уйти в работу, я люблю детей. И я был бы с ними счастлив».

«И свободен?».

«Нет, я был бы счастлив той несвободой, которая меня окружала в моей школе».

Мне надоело продолжать разговор. Я посмотрел на низкое ясное небо, испещрённое звёздами, на широкое ущелье, вольно лежавшее далеко внизу, на строгие тёмные вершины гор. Этому старику просто не повезло в жизни. Он брюзжит из-за своих неудач. А я свободен, что бы он ни говорил, свободен и счастлив.

Но здесь, в лагере десантников, тоже — я. Тот же самый, что когда-то, не так уж и давно, спорил с рабом в горах. Тогда, в прошлом, я был акулой — от моего настроения зависели жизни двух рабов. А сейчас я сам — раб, маленькая рыбка, скрывающаяся от преследователей. И океан, по которому я мечусь, очень уж тесен...

«Доктор, — сказал я. — Откуда ты знал, что я решил уйти из лагеря?».

Он поднял на меня выцветшие глаза.

«Мы с Полковником знали, что к тебе возвращается память. Мы рассчитывали, что тебя потянет к матери, что ты не выдержишь. Так и получилось».

«Почему я забыл прошлое?».

«Это высшая тайна Лохариата».

Доктор замолчал, понутив голову.

«Говори! Говори, гад!» — прошипел я, подбежав к нему.

«Да всё просто, — промямлил Доктор. — Есть химическое вещество, оно блокирует память о прошлом. Раз в месяц его сюда доставляет катер. Оно хранится в ампулах у меня в сейфе, и о нём

знаю только я. Вы принимали его вместе с пищей. Небольшая доза ежедневно — и человек становится, как чистый лист. Он не задумывается о том, откуда пришёл, о чём мечтал. Он доволен тем, что есть. Очень удобно для подготовки мучеников. Вас же настраивают на то, что вы умрёте первыми в священной борьбе. Вам становится не о чем жалеть, вот вы и несётесь умирать первыми. Никаких проблем».

«Полковник тоже не знает об ампулах, — помолчал, произнёс Доктор. — Я ему рассказал, что ты вспомнишь о своей матери, и всё. Я просто перестал подливать тебе в суп вещество из ампул — и процесс пошёл».

Чушь какая-то.

«А Полковнику-то зачем вся эта каша?» — спросил я.

Неожиданно Доктор расхохотался.

«Полковнику зачем? — повторил он, задыхаясь от смеха. — Полковник планировал тебя быстренько изловить и устроить казнь. Наши ребяташки должны были тебя показательно расстрелять. Новый пункт программы подготовки мучеников — круговая порука кровью, вот и всё».

Твари! Бездушные, жестокие твари! Я принялся беспорядочно пинать Доктора, бить его сырыми тяжёлыми «вездеходами». Он, скрючившись на полу, то ли стонал, то ли смеялся.

Запахавшись, я приказал себе остановиться. Смутная мысль пришла мне в голову, и теперь её очертания начали вдруг проясняться. Доктор — моё спасение, вот оно что. Это хороший заложник. Хранитель высшей тайны. Ради него они жертвуют многим. Нас хорошо учили, как побеждать врага, используя заложников.

Я сплюнул на пол и пошёл на второй этаж, к окошку, под которым мок Буйвол.

12. Буйвол

Хорошо бы научиться совсем ничего не чувствовать. Когда трудно, задача не по силам, у меня такое случается — впадаю в спячку. Режь меня, бей, зови — бесполезно. На последних учениях я был один в подводной капсуле, и в самый ответственный момент разом вышли из строя все приборы управления. Ещё с полминуты я что-то пытался предпринять, но потом как будто сам выключился, вслед за приборами. Я понимал, что, не будь это тренировкой, шёл бы уже ко дну, но, видит Лох, мне всё стало безразлично. Я спал наяву и тогда, когда меня вытаскивали из капсулы, и тогда, когда Капитан-2 распекал всё наше отделение за срыв учений.

Что ещё интересно — сны являются необыкновенные, просыпаться неохота. Там, в капсуле, привиделся мне высокий усатый человек, и так к нему сердце лежит, будто бы мы давным-давно знаем-ся. А я будто бы ещё совсем мал. И вот этот усатый берёт меня могучими руками и усаживает на коня. И говорит: «Ну, держись, богатырь, не бойся». Конь скачет рысью, мне страшно, а человек бежит рядом, и кричит мне что-то хорошее, но что — не разобрать.

Заснул — и ничего, обошлось. А можно было наломать дров сгоряча. Вот Фашист, к примеру, — он сам рассказывал, — потерял управление и взбесился, сдуру расколотил в щепки приборную доску. За что был посажен в яму.

Когда майор вызвал нас троих и объявил, что мы — разведгруппа, я чуть было в отказ не пошёл. Ну какой из меня разведчик? Ты позови меня в открытый бой, особенно в рукопашный. Ну, или, на худой конец, прикажи захватить вражеский объект. Виден враг, цель видна — земля задрожит,

когда я попру на врага. А в прятки играть — сам знаю, не моё, не гожусь.

Но промолчал, не отказался. Больно уж медлителен, долго до меня доходит. Про то, как подомной земля дрожит, я поздновато придумал. В ту пору, как майор выгнал нас под дождь, на звуки выстрелов у маяка.

Рябой с Фашистом шныряли впереди, вынюхивали, выслеживали, а я, как ломовая лошадь, тащился за ними. Не зря вынюхивали — на самой кромке зарослей обнаружили примятую траву, пистолет, пистолетные гильзы, да ещё Докторовы очки, у нас лагере они одни такие, других нет.

Сплошные загадки. Стрелял, по всему, Доктор. Но где он — Лох весть. У маяка лежит убитый Красавчик. Как он здесь оказался? Зачем Доктор его убил?

Больно много загадок. Кроме Котёнка, некому их загадывать, рассудили мы с ребятами. Тут он где-то, неподалёку. Ну, наше-то дело маленькое. Доложили обо всём по рации, Рябой с Фашистом Красавчика в лагерь понесли, а мне самое приятное досталось — сидеть и ждать.

Я ждать люблю. Моё занятие. Чего бегать, сутетиться, искать приключений на свою задницу? Никуда они не денутся. Посиди, подожди, они рано или поздно сами тебя найдут.

Важно только поберечься от неприятностей. Первым же делом я убедился, что в самом здании маяка Котёнка нет. Дверь входную дёрнул так, что чуть ручка не отлетела — заперто намертво. Ну, и хорошо. Устроился под дверь с таким расчётом, чтоб со стороны зарослей не слишком заметным быть.

И опять вроде как заснул. Вообще-то, вполглаза за зарослями наблюдаю, в шумы ночные вслуши-

ваюсь. Но в то же самое время снится мне какая-то жуть.

Будто мы с тем усатым дядькой, из предыдущего сна, обороняем дом от врагов. И осталось-то нас всего двое. Я уж не малыш, маленько посерьёзнее пацанчик. Боеприпасы на исходе. Усатый машет мне — мол, тикай, спасайся, уходи в лес. Я не знаю, как быть, сердчишко разрывается, не желаю оставлять усатого на верную смерть. Но и помирать мне жалко. И вот я перемахиваю через изгородь и топаю к лесу, он совсем рядом. Топаю, а сам оглядываюсь, как там усатый. Вижу, убили его. Молчит его автомат, а сам он голову в землю уткнул и не движется. И такое мне от этого горе, что ноги подкосились, и не до спасения мне. Уткнулся сам я в тёплую землю и реву, реву. Так реву, будто жизнь моя кончилась, как помер усатый. И вдруг поднимают меня с земли. Вижу — враги это. Ухмыляются, по щекам треплют. Их главный — да это ж вылитый Капитан-2. Он чего-то приказывает, и меня уводят прочь. А я всё иду и оглядываюсь на наш дом. Враги его подожгли, и пламя стоит высоко, до небес. Я иду, не обращая внимания на то, что меня постоянно подталкивают в спину, поторапливают. Иду, оплакиваю и наш дом, и моего отца убитого — вот ведь что, выходит, тот усатый отец мне.

Не успел я сон досмотреть. Слышу, кричат: «Эй, Буйвол!».

Так это ж мне кричат. Сверху откуда-то.

Поводил сонными глазами туда-сюда, и не сразу разглядел окошечко, почти над головой. А из окошечка Котёнок, вражина, лыбится, рукой машет, да ещё, вижу, дуло оттуда торчит, в мою сторону смотрит.

Ах ты, как же я ошибся-то. Не дотумкал, что дверь и с другой стороны запереть можно.

Дёрнулся автомат перехватить, а Котёнок кричит: «Не стреляй, дурак, я тебя уж сто раз прикончить мог, пока ты тут дрых».

Это верно, чего уж там. Дал я маху. Под дулом Котёнка сны смотрел. Оттого, наверное, и сны были такие беспокойные.

«Слушай меня, Буйвол, — продолжает Котёнок. — Передай там по рации, что здесь я, на маяке. Передай, что у меня в заложниках Доктор. Пусть сюда Майор придёт. Я хочу с ним поговорить. Понял, Буйвол?».

«Да понял, понял», — говорю досадливо, а сам, по чести, ни черта не понимаю. Такая каша, что не моей ложкой её расхлёбывать. Что поделаешь — вызвал по рации Майора, всё ему передал, и Котёнок мне ещё по ходу дела подсказывал. Новости Майору не больно понравились, это я по голосу услышал. Но обещал он, что скоро будет.

Тотчас после этого разговора Котёнок из окошечка убрался, и опять остался я один без дела, под дождём. Сижую, мокну и удивляюсь. Сколько людей вокруг меня попадает в смертельный переплёт. Капитан-1, теперь вот Доктор. Даже и дядьку усатого взять, который во сне отцом моим оказался. Косит коса, а меня не задевает. Для чего бережёт? Ведь, кажись, с виду-то очень даже заметный я, крупный, бей — не промажешь. Не разберёшь, чего судьбе от меня надо. Верно уж, не того, чтоб я так вот сиднем сидел и снами, невесть какими, баловался.

Котёнок снова из окна высунулся, сказал: «Не дёргайся, Буйвол, не дёргайся, тихо ты, ждём Майора». Долго глядел куда-то в дождь, потом на меня уставился. И спрашивает: «Вот скажи, Буйвол, если бы ты жил в океане, то кем бы ты хотел быть — маленькой рыбкой или акулой?».

«Шёл бы ты лесом», — ругнулся я.

Ругнулся, а сам задумался. Делать-то особо нечего.

Маленькой рыбкой быть — да ну его. Зазорно. Каждый тебя обидит. И силы в тебе никакой. Хотя, с другой-то стороны, если рассудить, у маленьких шустроты-то куда больше. Того же Котёнка возьми. В лагере за слабака держали, поддразнивали. А убежал — догнать не можем, знай только, мертвецов собираем. Маленькие — они незаметные. Им много не нужно. Они свободны, живы — тем и счастливы.

А взять акулу. Ну, страшная. Кого догонит — тем и сыта. Управы на неё, вроде бы, не имеется. Управа ей — она сама. Коли сама себя, свой желудок не обуздает — всех вокруг пожрёт, да вслед за ними и концы отдаст. Выходит, страшная эта акула жива да счастлива только пока вокруг неё маленькие рыбки живы. А это тоже зазорно. Очень зазорно большому хищнику от рыбёшек маленьких да слабых зависеть.

Окликнул я Котёнка и говорю:

«Ни рыбкой я не хочу быть, ни акулой».

«Чего? — сперва не понял он. — А, вот ты о чём. Нет, Буйвол, так не пойдёт. Кем-то всё равно быть придётся. Надо что-то выбрать».

«Так я выбрал», — говорю.

«Что же ты выбрал? — издевается Котёнок. — Небось, придумал китом быть? Тогда не считается. Киты в этом океане не водятся. Только акулы и маленькие рыбки».

«Я хочу океаном быть», — говорю.

Котёнок осёкся.

«Ишь ты, океаном», — пробормотал тихо. А сам всё в дождь глядит. И больше мы с ним не разговаривали.

13. Доктор

Мой пушистик.

Он лежит сейчас под холодным мелким дождём. И он сам холоден. Как дождь, как земля, как ночные растения, растратившие солнце.

Как я тебя любил, хороший мой. Сколько раз благодарил судьбу, забросившую меня на клочок суши, за колючую проволоку, в жуткий круг чудовищ, призвание которых — убивать себе подобных.

И вот я сам погубил свою любовь.

Я лежу, избитый, на бетонном полу, Котёнок только что заткнул мне рот обрывком моей же рубашки. Странно, но мне сейчас совершенно неинтересно, что там было у тебя с Котёнком, пушистик. Может быть, ты мне изменил. А может, вы решили вместе бежать из лагеря.

Ты решил бросить меня. А ведь сам, жарко обнимаясь, лепетал мне слова о вечной любви. Лгал мне.

Какая разница. Какая разница, где правда, а где ложь. Разве вся предыдущая жизнь не приучила меня к разочарованиям? То, что сегодня мнится правдой, завтра обесценивается, наполняется пустотой.

Я просто не хотел оставаться один, Красавчик. Я не мог вынести этого удара. Жить, когда тебя бросили. Есть, пить, ходить на службу — и знать, знать, что твою любовь растоптали. И тот, кто растоптал, тоже живёт себе в удовольствие. Потягивается, просыпаясь. Улыбается. Позволяет кому-то ерошить волосы.

Всё, что я говорил тебе о любви, тоже ложь. Мне мало было любить. Я хотел властвовать. Владеть тобой безраздельно. Я мечтал поселить тебя в гулком безлюдном замке, ключ от которого лежал бы у меня в кармане. Но и тогда я бы мучился подозрениями — не изменяешь ли ты мне мысленно, не проносятся ли у тебя в голове видения, в которых меня нет.

Ревность, пушистик. Ревность, а не любовь. Я ненавидел тебя и мир за то, что вы — вместе, неразделимы. И эта ненависть убила тебя. Потому что любовь — она не должна уметь убивать.

Я ненавидел тебя, Красавчик. И вот он, финал, который воплотил все мои страхи. Ты покинул мой замок. И тебя больше нет.

А я остался один. И теперь, став убийцей, я вдруг отчётливо и резко понимаю, как мучительно режет мне руки ремень. Каким ледяным дыханием веет от пола. Как ноет от побоев правый бок — уж не сломано ли ребро. Я понимаю вдруг, как не хочется мне вслед за тобой, пушистик.

Жить! Несмотря ни на что. Я теперь свободен от ненависти, разьедавшей душу. И от любви, которую придумал. Теперь только и следует жить. Радоваться самому факту своего существования. Радоваться свободе, разрешающей всё.

Могучая радость — оттого, что я жив, — захлестнула меня. И сразу же была раздавлена волной ужаса: я выдал Котёнку эту чёртову высшую тайну. Я выболтал ему всё.

Я выболтал ему всё в минуту, когда правдой была истеричная убеждённость в том, что я не переживу потери. В том, что за убийство я должен сам себя наказать. Что мосты сожжены.

Это ты мстишь мне, Красавчик, за выстрел, тянешь в промозглый, влажный холод смерти. Ты умер, глупый, самолюбивый, эгоистичный, избалованный Красавчик, а ненависть не умерла. И я хочу, хочу, до скрежета зубного, до глухого стопа, вырывающегося из забитого тряпкой рта, хочу ненавидеть! Я убил бы тебя ещё раз, убивал бы снова и снова.

Котёнок подбросил дров в костёр и отправился открывать дверь. Что у нас за гости? Вот это да. Майор собственной персоной.

«Ну, здравствуй, сынок, — ласково сказал Майор. — Опустим автомат, я пришёл без оружия, как ты велел».

Он обошёл вокруг костра и присел возле меня на корточках: «А Доктору-то крепко досталось. Это ты его так разукрасил?».

Идиот долговязый. Нет, это Лох всемилостивейший и милосердный меня ногами по морде пинал.

«Отойдите от него подальше. Отойдите и слушайте. Мне нужна точная карта острова, залива и окрестностей — это раз. Нужны мои личные документы и деньги — это два. И мне нужен беспрепятственный доступ к подводной капсуле — это три. Капсула должна быть как положено подготовлена к рейсу. Взамен получите своего Доктора вместе с вашей высшей тайной».

«С высшей тайной? Этот предатель рассказал тебе о высшей тайне?».

Майор даже не взглянул на меня.

«Рассказал. Много о чём рассказал».

Стало слышно, как потрескивают дрова. Майор протянул к огню руки: «Ну что ж, понятно. А почему ты вызвал меня, а не Полковника, сынок?».

«Потому что они вместе — Полковник и Доктор — подстроили мой побег. Подтолкнули меня».

Чего ещё было ждать от этого слюнтяя, страдальца по материнной юбке? Он всё выложил Майору. Никаких проблем. Всё, что я ему разболтал. Привалило Майору счастье. Как же он разулыбался. Точь-в-точь, как та богатая уродина, которой я вкатил смертельную дозу. Вот что значит увидеть в беспросветной тьме сияющие новые горизонты!

«Велик Лох, и нет бога, кроме него. Ты невиновен перед лицом Лоха. Я запишу всё, что ты сейчас сказал, ты скрепишь эту бумагу своей подписью, и сможешь вновь спокойно готовиться к выполнению дол-

га мученика. Я тебе твёрдо обещаю это. А истинных виновников мы покараем».

«Я не хочу возвращаться. Я не хочу бороться с нечистыми, пока моя мать остаётся без защиты и ухода. И на самом деле... На самом деле я совсем не хочу воевать. Я хочу на свободу».

Майор вскочил, выпрямился во весь свой двухметровый рост.

«Да что ты такое говоришь! Мы же вместе учили откровения, запечатлённые в святой Лохани нашей веры. Вспомни! «Истинно свободен лишь тот, кто, отринув всё земное, предал себя единственной высшей цели — борьбе со скверной». Или: «Путь к Лоху — это путь от сытого, слепого рабства жизни суетной к свободе борьбы, подвига и мученичества». Или: «Лох купил у верующих их жизнь и имущество в обмен на уготованный им рай. И они будут сражаться, убивая и погибая, уповая на обещания, данные им. Радуйтесь же сделке, которую вы заключили с Лохом, ибо именно она и ведёт вас к великому успеху». О какой свободе ты мечтаешь, Котёнок?»

«Я хочу сам выбирать себе подвиг, господин Майор. А здесь вы это сделали за меня. И за других».

Майор вдруг обмяк и даже как-то расплылся.

«Значит, вот такой ты видишь свою свободу: по одну сторону черты — твой народ, а по другую — ты. Сказано: «Вам предписано сражаться с врагами нашей веры, а это вам ненавистно. Вам ненавистно то, что для вас благо, и желанно то, что для вас зло». Ладно, будь по-твоему. Ты сам выбрал, так ведь?».

«Так точно».

«Хорошо. Я приду через час. Мы вместе пойдём на базу, и я посажу тебя в капсулу».

«Я проверю капсулу, и только после этого отдам вам Доктора».

«Конечно, конечно. Мне жаль тебя, Котёнок. Твоя жизнь пройдёт зря и закончится очень печально».

«Зато это будет моя воля, а не ваша».

«Все мы в руке Лохы, сынок», — вздохнул Майор и впервые за всё время их беседы поглядел на меня. Я замёрз, мне было дурно, из глаз безостановочно каптились слёзы.

«А с тобой мы ещё разберёмся», — бросил мне Майор, направляясь к двери.

14. Котёнок

Мы шли к базе подводников.

Впереди шагал безоружный Майор, он знал, что я держу его на мушке. За мной плёлся связанный Доктор, я вёл его за верёвку.

Без приключений мы добрались до отсека, где чуть покачивались на тёмно-зелёной воде подводные капсулы.

Майор развернул большую карту: «Вот, сынок, наш остров. Вокруг — почти сплошь враждебные территории. Ты же знаешь, у нашей республики нет выхода к морю. Решай сам, куда держать путь, тут я тебе не советчик».

Решу, Майор, не беспокойся. Уже решил. Пойду в ближайший крупный порт. А там можно справиться с любой проблемой — ты только плати.

Я сел в капсулу и, держа Доктора на коротком поводке, тщательно проверил все системы. Они работали. Включил миноискатель, убедился, что сама капсула не заминирована.

«Прощайте, господин Майор. Привет ребятам», — крикнул я и отпустил Доктора. Он неуклюже отбежал от капсулы: при погружении её сопло может здорово угостить «хвостом» реактивного пламени.

«Лох в помощь», — отозвался Майор и принялся освобождать Доктора от пут.

Вот уже час я свободно перемещаюсь в зелёной толще воды. В кабине уютно, приветливо светят разноцветные лампочки приборов, ровно гудит генератор воздуха.

Я успел перекусить и слегка расслабился. Как вдруг вспомнил, что давным-давно не совершал обряд лохотрона.

Расстелив на полу кабины ритуальный платок, я встал на колени и склонил голову. Пророботал молитву вплоть до заключительной фразы: «И да будет так во веки веков, до крайнего времени мира». Теперь можно было адресовать просьбу всемилостивейшему Лоху. Тут у меня вышла небольшая заминка, я не сразу нашёлся, о чём просить.

«Лох милосердный, сделай так, чтобы во имя твоё никто больше не шёл на смерть, — прошептал я наконец. — Дай жить и ребятам, и Майору, и Доктору, и Полковнику, и Капитану-2. Дай жить всем, ведь ты — океан, ты можешь всё».

Я поднял голову, открыл глаза, и почудилось мне, будто тихий голос произнёс: «Будь по-твоему, Котёнок».

А ещё через час капсула взбесилась. Все приборы как один отказались повиноваться. Не работала даже катапульта. Не работала и запретная красная кнопка самовзрывного устройства.

Капсула самостоятельно сменила курс, и я кусал локти и выл, наблюдая, как неуклонно приближается она к цели. Целью этой был огромный морской лайнер, на котором в этот поздний час мирно спали 2300 нечистых, и ещё около сотни матросов несли вахту.

На сумасшедшей скорости я пробью под водой обшивку лайнера, и сдетонируют все боевые заряды капсулы, и сила взрыва разорвёт корабль по-

полам. Он затонет мгновенно, погибнут почти все его пассажиры.

И Лохариат на весь мир объявит о моём подвиге и прославит моё имя в ряду других мучеников священной борьбы.

15. Капитан-2

Нашему активисту — Майору — только дай поручить. Фанатик хренов. Вторую ночь не спим, а ему до лампочки. Он у нас самый ответственный. Командир разведгруппы, куда с добром. Постреляли в лесочке, поупражнялись — и давай весь лагерь в ружьё ставить, как же без этого.

Мы с Полковником высадили уже по паре сигарет, когда в штаб ввалилась целая делегация. Впереди, ясное дело, Майор, за ним Доктор — этого будто через молотилку пропустили. А замыкают два мученика, Буйвол и Рябой.

Майор — с места в карьер. Приказывает арестовать Полковника. И первым пушечку на него наводит.

У меня, сказать откровенно, в глотке так пересохло, будто я её десять минут назад и не смачивал вовсе.

«В чём дело, Майор?» — спокойно уточнил Полковник и даже зад от стула не соизволил оторвать.

«Вы спровоцировали и организовали побег мученика из лагеря. Этим вы превысили свои полномочия и поставили под удар выполнение всей нашей боевой задачи. Кроме того, в результате мы понесли потери. Лохариат постановил немедленно отдать вас под суд. Господа мученики, разоружите Полковника и наденьте на него наручники».

Буйвол и Рябой приблизились к Полковнику. Тот не сопротивлялся.

«И что же суд? — спросил он. — Ты уже вынес решение, Майор?».

«Вынес, — радостно осклабился Майор. — Вы приговорены к расстрелу, Полковник. Вы же так хотели, чтобы наши бойцы понюхали настоящей крови. Вам её и проливать».

«Вот как? А почему же меня расстреляют одно-го? Почему бы не поставить к стенке Капитана, ведь это его подчинённый дезертировал? Или вас, Майор — ведь вы же отвечаете за моральный облик и боевой дух? Или Доктора — уж он-то мой прямой соучастник!»

«Нет! — взвизгнул Доктор. — Вы меня заставили! Силой! Угрозами! Я делал то, что вы приказывали! Не впутывайте меня!».

«Поздравляю, Майор, — сказал Полковник. — Хорошая операция. Когда расстрел?».

«Немедленно».

«Тем лучше. Дай-ка немного выпить, Капитан».

Я налил Полковнику стаканчик крепчайшей и терпкой горной настойки.

«Ведите Полковника на плац», — скомандовал Майор мученикам.

Над плацем стояла гулкая тишина. Обычно, даже поднятые по боевой тревоге, мученики не молчат — переговариваются друг с другом, поправляют снаряжение. А сейчас, видно, почуяли что-то не то. И замерли.

Ну и правильно.

Майор вывел закованного в наручники Полковника к бетонному забору, отгораживающему плац от полосы препятствий. Как будто специально для расстрела место оборудовано. Зачитал в гробовой тишине постановление военного лохосудия. Сообщил ещё новость: Котёнок, дескать, признал вину и решил искупить её, осуществив в подводной капсуле геройский таран большого морского судна нечистых.

«Расстрелять военного преступника приказано вам, господа мученики. Командовать расстрелом поручаю Капитану-2».

Чёртов интриган, лохотронщик паршивый, клоп-кровосос. Ну, по мне-то зачем рикошетом бить? Знает ведь, сколько мы с Полковником вместе боёв прошли, скольких друзей похоронили.

Я развернул шеренгу лицом к забору, приказал зарядить оружие.

«Ты что же, Капитан, ослеп? Или до белой горячки допился? Не видишь, кого собрался расстреливать?» — насмешливо крикнул Полковник, пока бойцы клацали затворами.

«Вижу, вижу, Полковник», — буркнул я.

«Брось ты это дело, Капитан, — продолжал он орать. — Вставай ко мне рядышком. Тут есть место. Отдашь Лоху душу в хорошей компании».

«Мне и тут неплохо, Полковник», — ответил я.

«Капитан, — прохрипел он. — Да куда же тебя занесло, Капитан? Кому ты продал память? Мы же вместе стояли под пулями, Капитан! Я тебе приказываю: иди сюда, ко мне, вставай рядом, брат!».

«Ма-алчать!» — рявкнул Майор.

Но тут уж я не выдержал и тоже заорал: «Поздно, Полковник! Поздно! Мы сами дали ход ублюдкам! Мы сами их вырастили. Тех, кто нас продал. Тех, кто всё забыл.

Ты помогал их победе. Ты волок меня повсюду за собой, но ты всегда мог больше, чем я. Так сдохни один! Один, без меня! Всё!».

От злости глаза заволокло слезой, я быстро смахнул влажную пелену и развернулся к мученикам: «Товсь! Пли!».

Они были бледны, эти ребяташки, они убивали впервые. Они волновались. Однако же не промахнулись. Да и разве был у них выбор? **✪**

ф.СП-1

АБОНЕМЕНТ										73413	
на журнал										(индекс издания)	
Уральский следопыт. uralstalker.com											
на 20__ г. по месяцам										Кол-во компл.	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда											
Кому											
(фамилия, инициалы)											
Доставочная карточка											
ПВ		место		литер		на журнал		73413			
										(Индекс издания)	
Уральский следопыт. uralstalker.com											
Стои- мость		подписки		___руб. ___коп.				Кол-во компл.			
		переад- ресовки		___руб. ___коп.							
на 20__ г. по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда											
Кому											
(фамилия, инициалы)											

Подпишись на журнал!

Аккуратно вырежь доставочную карточку. Заполни графу АДРЕС и приди в почтовое отделение. По каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» проводятся подписные кампании по России во всех отделениях ФГУП «Почта России» и в странах СНГ и Балтии, всего в более 40 000 отделений почтовой связи ФГУП «Почта России» и альтернативных предприятий.

Журнал будут приносить ежемесячно домой, в офис или в почтовое отделение «до востребования».

Наш индекс в каталоге Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» **73413**.

Подпишись и читай! Индекс 73413

